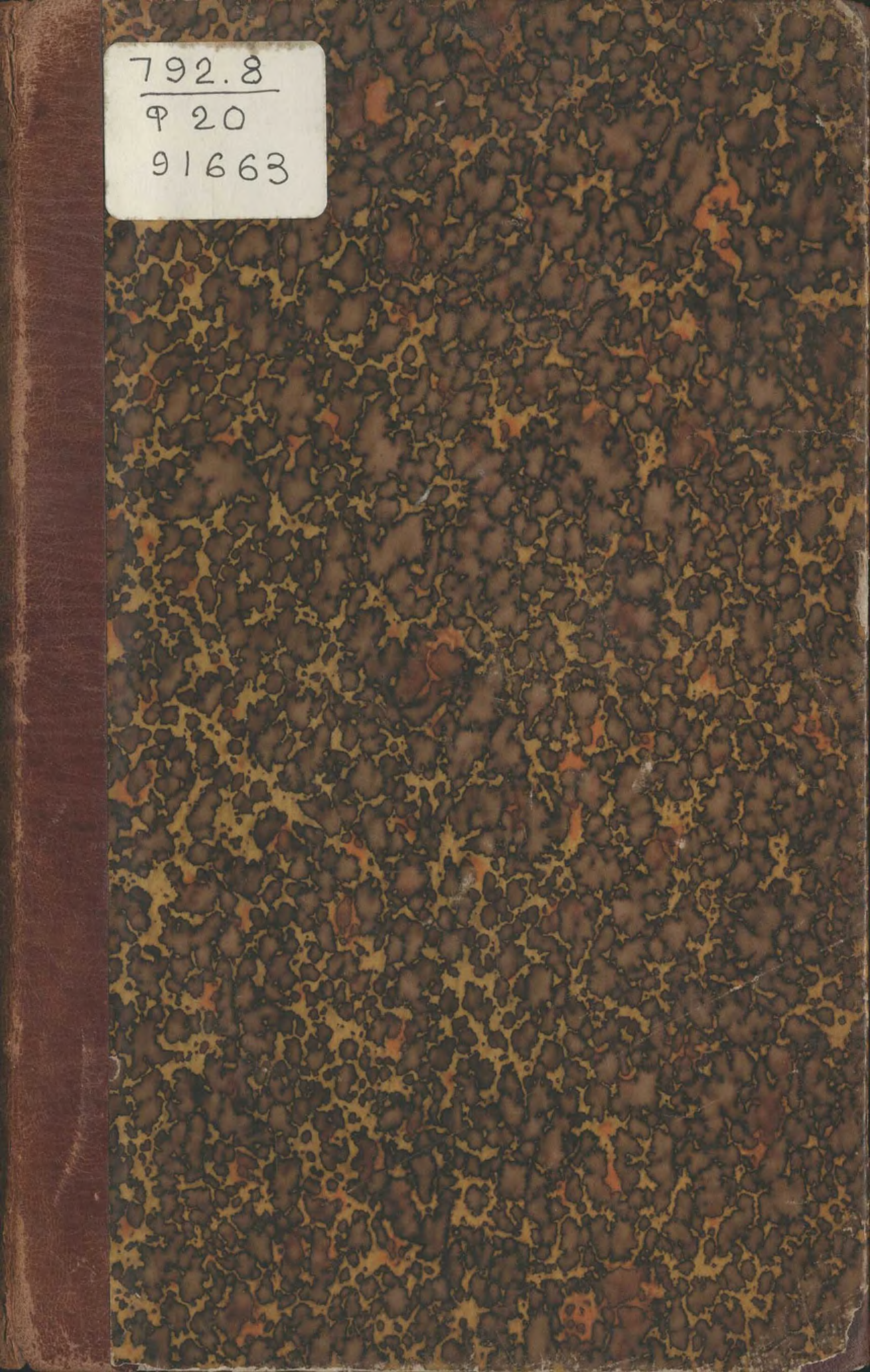
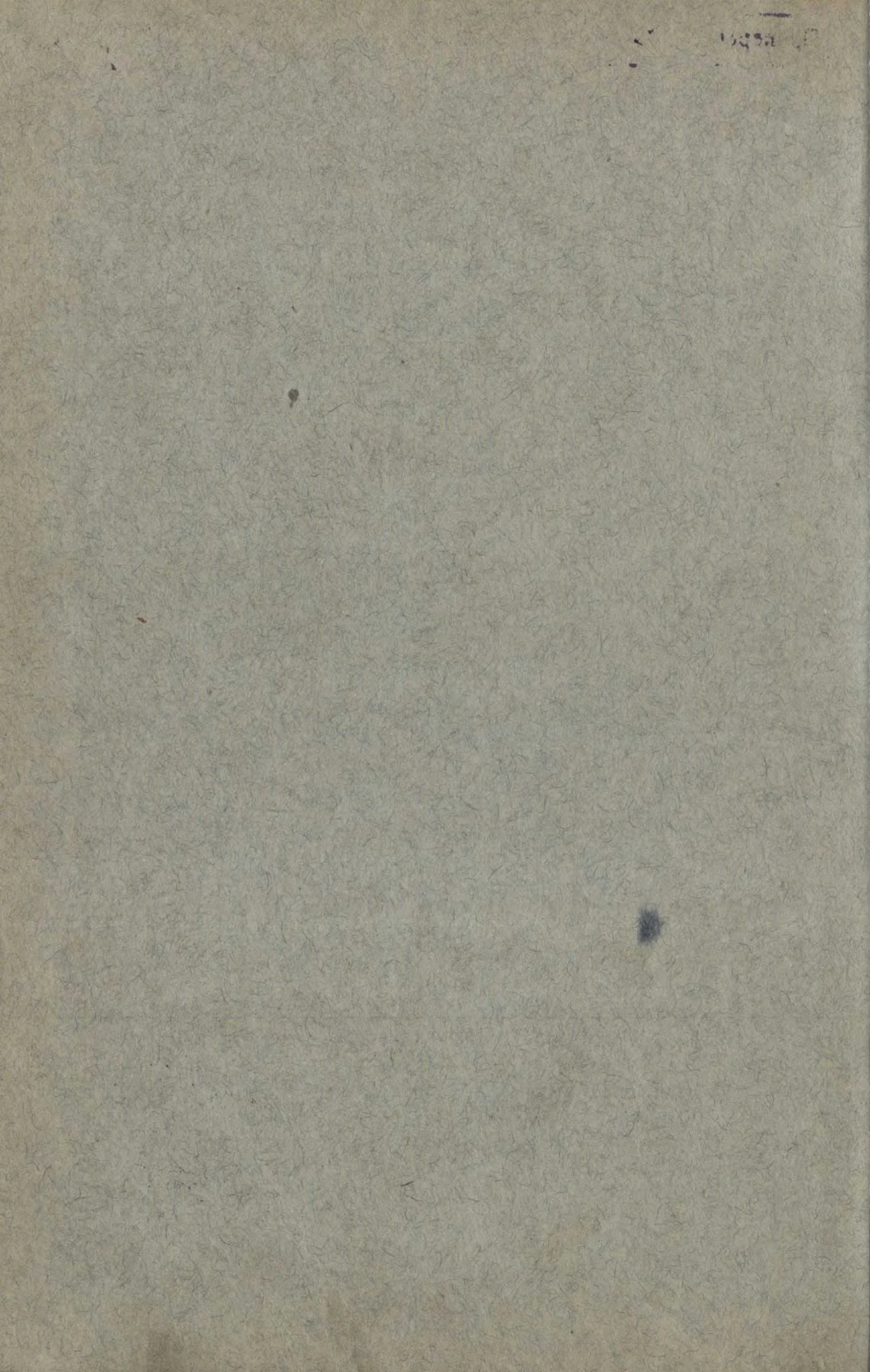

792.8
Ф 20
91663

СКОМОРОХИ

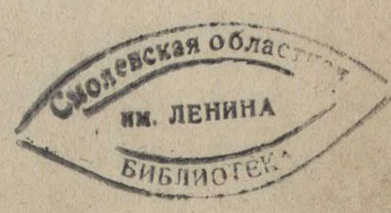
НА

РУСИ.

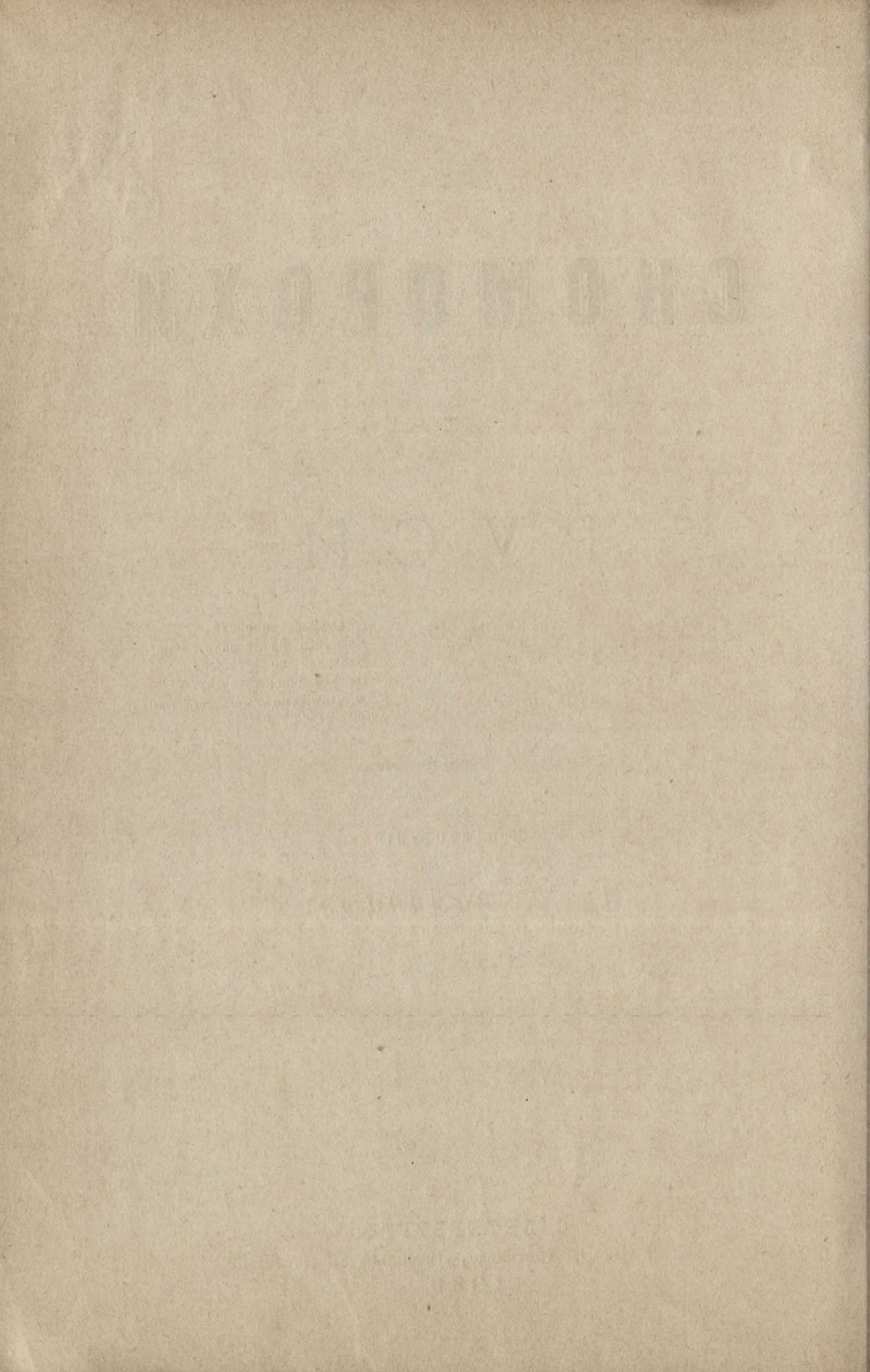
„Веселые скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запѣли они пѣсеньку...“
К. Даниловъ. *Древ. Росс. стих.: „Гость Терентьище“.*

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Ал. С. Фаминцына.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Арнгольда, Литейный просп. № 59.
1889.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

			Напечатано:	*Слѣдуетъ читать*:
Страница 17	строка 3	снизу:	XII.	VII.
» 61	» 3	сверху:	«веселой»	«великой»
» 77	» 11	»	Москвѣ	Новгородѣ
» 89	» 4	»	54	93
» 91	» 2	»	«Русали»	«Русали
» 129	» 10	снизу:	дд. Скоморохи—кудесники, знахари.	ж. Скоморохи—кудесники, знахари.
» 136	» 13	»	напаивать	попаивать
» 141	» 13	»	въ подполье	въ подпольѣ
» 178	» 2	»	дихъ	нихъ
» 181	» 5	сверху:	своим	своими
» 182	» 10	снизу:	«кабылками»	кабылками
» 187	» 7	сверху:	Арбатской	Ирбитской

Вступленіе.

Представителями свѣтской музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ, въ теченіи многихъ столѣтій, служили искусники или потѣшники, издавна носившіе названіе скомороховъ. Весь продолжительный періодъ исторіи свѣтской музыки въ Россіи съ XI вѣка (раньше этого времени мы не имѣемъ письменныхъ свидѣтельствъ о музыкантахъ и пѣвцахъ русскихъ) до средины XVII столѣтія можетъ, по справедливости, быть названъ эпохою скомороховъ.

Скоморошество—явленіе, общее всѣмъ европейскимъ народамъ въ средніе вѣка; скоморохи—преемники греко-римскихъ скиниковъ или мимовъ, народныхъ потѣшниковъ, подвизавшихся частью на сценѣ или просценіумѣ театра, частью на пирахъ и попойкахъ, на улицахъ, площадяхъ и въ питейныхъ домахъ. Откуда бы ни пришло въ Россію искусство скомороховъ, съ юга ли (изъ Византіи) или съ запада,—но уже въ XI вѣкѣ оно оказывается привитымъ и укоренившимся въ обиходѣ народной жизни русской; съ этой поры оно можетъ быть разсматриваемо какъ явленіе, на русской почвѣ вполнѣ акклиматизовавшееся и принявшее здѣсь самостоятельное развитіе, сообразное съ мѣстными условіями и характеромъ русскаго народа. Скоморохи—древнѣйшіе представители народнаго эпоса, народной сцены, народнаго музыкальнаго искусства.—Располагая въ хронологическомъ порядкѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о скоморохахъ, мы можемъ прослѣдить и постепенное обогащеніе состава находившихся въ распоряженіи ихъ музыкальныхъ орудій. Къ первоначальному, древнѣйшему инструменту скомороховъ—гуслямъ, о которыхъ почти исключительно упоминается въ русскихъ бы-

линахъ Владимірова цикла и преимущественно — въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ, сперва присоединяются трубы, бубны, сопѣли, позже — сурны, домры, волынки или дуды, гудки (смыки), лиры, органы, свирѣли и т. п. инструменты. Предоставляя себѣ въ особой статьѣ разсмотрѣть эти музыкальныя орудія, обращаюсь теперь къ носителямъ и представителямъ ихъ — «гудцамъ» или «игрецамъ» — скоморохамъ; постараюсь изслѣдовать, въ чемъ именно заключалось искусство скомороховъ, разсмотрѣть характеръ ихъ, разносторонность потѣшной ихъ дѣятельности, отношеніе къ нимъ народа, наконецъ — гибель и замѣщеніе ихъ иными представителями музыкальнаго искусства.

Глава первая.

Скоморохи—„веселые люди“.

Музыкальные искусники—скоморохи, соотвѣтственно потѣшной ихъ дѣятельности, на народномъ языкѣ, какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ историческихъ памятникахъ, нерѣдко именуются «веселыми людьми», «веселыми молодцами». Въ былинѣ о гостѣ Терентьищѣ описываются

Веселые скоморохи,
Скоморохи люди вѣжливые,
Скоморохи очестливые.

Терентьева жена, завидѣвъ ихъ изъ окошечка, заводитъ съ ними рѣчь:

«А и вы гой еси, веселые молодцы!»

и вслѣдъ за тѣмъ приглашаетъ войдти къ себѣ въ домъ:

«Веселые скоморохи!
Вы подите во свѣтлую гридню»... [1])

Въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ, Ставрова жена спрашиваетъ князя Владиміра:

Чѣмъ ты, Владиміръ князь, въ Кіевѣ потѣшаешься?
Есть ли у тебя веселые молодцы? [2])

Въ другой пѣснѣ изображается толпа «веселыхъ», т. е. скомороховъ, съ музыкальными инструментами своими расхаживающихъ по улицамъ:

---

[1]) Кирша Даниловъ. Древнія россійскія стихотворенія. 1878 г. Стр. 10, 12, 13.
[2]) Тамъ же: стр. 91.

Веселые по улицамъ похаживаютъ,
Гудки и волынки понашиваютъ,...

и далѣе:

Веселые-то ребята злы, догадливы... [1])

Еще въ одной пѣснѣ:

Какъ шли прошли веселые
Два молодца удалые,
Они срѣзали по пруточку,
Они сдѣлали по гудочку... [2])

Въ варіантѣ этой пѣснѣ вмѣсто «веселые» поется «скоморохи»:

Ужъ какъ шли прошли скоморохи,
Срѣзали по пруточку и т. д. [3])

Въ другихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ соединеніе обоихъ названій: «скоморохи» и «веселые», напр.:

Прошли скоморохи, прошли молодые,
Молодые веселые...[4])

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрынѣ Никитичѣ, читаемъ:

Обрядился Добрыня скоморошкою веселою...

и далѣе:

Заигралъ тутъ скоморошка да веселая
А во тѣ ли звонцаты гусли. [5])

По словамъ народной пѣсни:

Сватался на Дунюшкѣ веселый скоморохъ. [6])

Въ заключительной припѣвкѣ къ былинѣ о Михаилѣ Скопинѣ встрѣчается стихъ:

Еще намъ веселымъ молодцамъ (т. е. скоморохамъ) на потѣшенье. [7])

---

[1]) Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. 1841—1849 г. I. III, стр. 221.
[2]) Тамъ же: I. III, 87.
[3]) Шейнъ. Русскія народныя пѣсни. 1870. I. Стр. 218.
[4]) Бѣляевъ. О скоморохахъ. Временникъ Импер. Москов. Общества исторі и древностей. 1854 г. Стр. 73.—Ср. выше стр. 3: «веселые скоморохи».
[5]) Гильфердингъ. Онежскія былины. 1873 г. Стр. 1324.
[6]) Якушкинъ. Народныя русскія пѣсни. 1865 г. Стр. 191.
[7]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 193.

Во второй Новгородской лѣтописи подъ 1571 годомъ читаемъ, между прочимъ: «втѣ поры въ Новгородѣ, и по всѣмъ городамъ и по волостемъ, на Государя брали веселыхъ людей»..., а вслѣдъ за тѣмъ говорится, что «поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ, къ Москвѣ, Субота (дьякъ) и съ скоморохами», т. е. съ набранными для Государевой потѣхи «веселыми людьми» [1]). Въ любопытной челобитной, поданной царю Михаилу Ѳедоровичу крестьянами села Ширинги Ярославской губ., въ 1625 году, на помѣщика, князя Артемія Шейдякова, обвиняемаго ими въ разныхъ неблаговидныхъ поступкахъ, между прочимъ говорится, что онъ «веселыхъ (т. е. скомороховъ) держалъ у себя для потѣхи безпрестанно» [2]). Наконецъ въ одной старинной рукописи читаемъ о пошлинѣ (головщинѣ), взятой въ 1656 году съ «веселыхъ гулящихъ людей», т. е. со скомороховъ [3]).

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей. III, стр. 167.

[2]) См. у Соловьева. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. IX (1866 г.), стр. 429—430.

[3]) Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества. VI, стр. 67.

Глава вторая.

Искусство скомороховъ.

а. Играютъ и поютъ въ домахъ, въ особенности на пирахъ.

Въ чемъ же заключалась доставлявшаяся скоморохами народу утѣха? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ многочисленные историческіе памятники, народныя пѣсни и поговорки, а также наши былины, въ которыхъ скоморохи являются въ большинствѣ случаевъ еще въ древнѣйшемъ своемъ образѣ, въ видѣ гусельниковъ. Послѣдніе играютъ на своихъ «звончатыхъ» или «яровчатыхъ» (= яворовыхъ) гусляхъ и поютъ пѣсни, а иногда и пляшутъ для развлеченія слушателей; по одиночкѣ или толпами, облекаясь въ особое «скоморошье платье» [1]), они посѣщаютъ пиры, княжескіе или частные, и народные праздники, присутствуютъ на свадьбахъ, всюду внося удовольствіе и веселье.

Терентьева жена, въ упомянутой выше (стр. 3) былинѣ, приглашая скомороховъ къ себѣ въ гридню, обращается

---

[1]) Лѣтописецъ Переяславль-Суздальскій (XIII в.) сравниваетъ одѣяніе Латинъ съ платьемъ скоморошескимъ: «начаша пристроати собѣ кошюли, а не срачици, и межиножіе показывати и кротополіе косити, и аки гворъ (= мѣшокъ) въ ноговици створше образъ килы имуще и не стыдящеся отынуд, аки скомраси». Изъ этого заключаютъ, что скоморохи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, носили особое, короткое платье и узкіе штаны съ нашивкою на межиножьи. Сходный въ общихъ чертахъ костюмъ представляютъ скоморохи игрецы и плясуны на древней фрескѣ Кіевско-Софійскаго собора (см. ниже, стр. 10). (Ср. Бѣляевъ. О скоморохахъ. 80). О скоморошескомъ платьѣ упоминается въ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ, въ повѣсти о пляшущемъ бѣсѣ (XVI в.), въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича (1648 г.) и др. (см. ниже); изображенія скомороховъ и плясуновъ въ шутовскихъ костюмахъ встрѣчаются на русскихъ народныхъ картинкахъ (см. у Ровинскаго. Русскія народныя картинки. 1881 г. №№ 102, 103 и др.).

къ нимъ съ просьбой, «сѣсть на лавочки, поиграть во гусельцы и пропѣть пѣсеньку», и «веселые скоморохи»

> Садилися на лавочки,
> Заиграли во гусельцы,
> Запѣли они пѣсенку...

Такимъ же гусельникомъ, призываемымъ въ дома для утѣхи слушателей, былъ первоначально и герой былинъ, Садко, сдѣлавшійся потомъ богатымъ гостемъ (купцомъ); сперва Садко не имѣлъ другаго имущества, кромѣ гуслей, съ которыми и ходилъ по пирамъ; когда же его не звали на пиръ, онъ скучалъ безъ дѣла:

> А прежде у Садке́ имущества не было:
> Одни были гусли яровчаты.
> По пирамъ ходилъ—игралъ Садке́.
> Садке́ день не зовутъ на почестенъ пиръ,
> Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
> И третій не зовутъ на почестенъ пиръ,
> Потомъ Садке́ соскучился

Садке́ отправляется къ Ильменю-озеру, играетъ на его берегу и приводитъ въ восторгъ морскаго царя, который обѣщаетъ ему счастье и богатство. Какъ вернулся Садке́ отъ Ильменя-озера,

> Позвали Садке́ на почестенъ пиръ. [1])

Имѣются разныя свидѣтельства о зазываніи скомороховъ въ дома. Такъ въ поученіи Григорія Черноризца (XIII в.) предписывается не вводить въ домъ скомороховъ: «скомороха,... и гудьця и свирця нѣ уведи у домъ свой глума ради» [2]). Въ словѣ о русаліяхъ, приписываемомъ Нифонту, говорится о мужѣ, который, завидѣвъ изъ палаты своей толпу пляшущихъ вокругъ пляшущаго же сопѣльника (скомороха), останавливаетъ ихъ и велитъ играть, плясать и пѣть передъ собой [3]). «Кто ихъ (скомороховъ) пуститъ на дворъ добровольно, и они

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. 1861 г. I, стр. 370, 371.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 384.

[2]) Срезневскій. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. 1867. Гл. VII, стр. 56.

[3]) Памятники старинной русской литературы, изд. подъ редакц. Костомарова. 1860—1862. I, стр. 207.

тутъ играютъ», говорится въ уставной грамотѣ бобровыхъ деревень крестьянамъ (1509 г.) [1]. «Въ домъ свой, къ женѣ и къ дѣтемъ приводили скомрахи, плясци, сквернословци», читаемъ въ одномъ изъ словъ митрополита Даніила (XVI в.)[2]. Въ царской грамотѣ 1648 г. приказывается, чтобы скомороховъ съ домрами и съ гусльми и съ волынками и со всякими играми «въ домъ къ себѣ не призывали» [3]. «Буде учнутъ... мірскіе люди тѣхъ скомороховъ (съ гуслями, домрами, сурнами и волынками) и медвѣжьихъ поводчиковъ съ медвѣдьми въ домы своя пускати» читаемъ въ памяти митрополита Іоны (1657 г.) [4].

Въ одной изъ былинъ о Добрынѣ, послѣдній является на пиръ, наряженный скоморохомъ:

Накрутился молодецъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ почестенъ пиръ.

Его привѣтствуютъ Владиміръ князь и Опраксія королевична и упрекаютъ, что онъ раньше не заходилъ, а напрасно проживался:

Ай же ты, дѣтина пріѣзжая,
Скоморошная, гусельная!
Для чего же ты долго проживаешься,
Проѣдаешься, пропиваешься,
Нейдешь къ намъ на почестенъ пиръ. [5]

Въ той же былинѣ, въ разныхъ ея пересказахъ, упоминается и о цѣлой толпѣ «гусельниковъ», «игроковъ», «гудочниковъ», или «скомороховъ», присутствующихъ на пиру. Добрыня проситъ князя, дать ему — гусельнику — мѣстечко; на это князь отвѣчаетъ, что всѣ мѣста заняты гусельщиками:

Еще всѣ мѣста да попризаняты
У молодыихъ да у гусельщиковъ. [6]

---

[1]) Акты историческіе, собранные и изданные археографическою коммиссіею. 1841—1842. I, № 150.
[2]) Бѣляевъ. О скоморохахъ. 78.
[3]) Ивановъ. Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ. 1850 г. Стр. 298.
[4]) Акты, собранные и изданные археографическою экспедиціею. 1836. IV, № 98.
[5]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 135, 143.
[6]) Гильфердингъ. Онежск. был. 1029.

Какъ заигралъ Добрыня «въ гуселышки яровчаты» и запѣлъ пѣсню,

> На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
> Всѣ скоморохи пріослушались. [1])

Или:

> Еще вси то скоморохи пріумолкнули,
> Еще вси то игроки то призаслухались. [2])

Въ другомъ пересказѣ Добрыня застаетъ на пиру толпу «гудосьниковъ»:

> Вси въ гудки играютъ, вси увеселяютъ. [3])

Въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ, во время пира, который князь Владиміръ устроилъ въ честь мнимаго посла,

> Собрали веселыхъ молодцовъ на княженецкой дворъ [4])

или, по другому пересказу: «выпускаютъ загусельщиковъ», которые «всѣ играютъ» [5]).

Древнѣйшее историческое свидѣтельство о присутствіи и игрѣ гусельниковъ на княжескихъ пирахъ представляютъ Несторовы слова о Святополкѣ (подъ 1015 г.): «лютѣ бо граду тому и земли той, въ немъ же князь юнъ, любяй вино пити съ гусльми», восклицаетъ лѣтописецъ [6]). Въ житіи преп. Ѳеодосія, игумена Печерскаго, читаемъ, что однажды Ѳеодосій пришелъ къ великому князю Святославу Ярославовичу (въ XI вѣкѣ) и увидѣлъ въ палатѣ, гдѣ находился князь, «многихъ играющихъ передъ нимъ: овыхъ гуслныя гласы испускающихъ, иныхъ органьныя писки гласящихъ, иныхъ же мусикіискія (по другимъ спискамъ: «замърныя»), и тако всѣхъ веселящихся, яко же обычай есть предъ княземъ». Блаженный поникъ головой и потомъ сказалъ князю: «такъ ли будетъ на томъ свѣтѣ?» Князь, умилившись словами Ѳеодосія и немного прослезившись, приказалъ играющимъ прекратить

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 166.

[2]) Гильфердингъ. Онеж. был. 498.—«Игроки» и «скоморохи»—понятія тождественныя: Добрыня самъ называется княземъ то «скоморошиной», то «игрокомъ».

[3]) Кирѣевскій. Пѣсни. 1860—1870. Вып. II, стр. 13.

[4]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.

[5]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 110.

[6]) Полн. собр. русс. лѣт. IX, 74.

игру. Съ того времени, когда играли передъ княземъ, и князь слышалъ о приходѣ Ѳеодосія, онъ приказывалъ прекращать игру [1]). Изъ этого разсказа убѣждаемся, что при Святославѣ игра, т. е. музыка и пѣніе [2]), была въ обычаѣ при княжескомъ дворѣ и, разумѣется, сопровождала княжескіе пиры.—Такой же обычай существовалъ въ старину и при сербскомъ царскомъ дворѣ: «егда же бо и на трапезѣ прѣдьсѣдѣще, тумьпани и гусльми *яко обычай* самодержцемь благородныхъ веселяще», читаемъ въ житіи св. Саввы: рѣчь идетъ о дворѣ перваго царя сербскаго, Стефана (1195 — 1228) [3]). Подходящей иллюстраціей къ разсказу Нестора можетъ служить старинная фреска Софійскаго Собора въ Кіевѣ, относимая къ 1073 г.: здѣсь изображены игроки на флейтѣ, на длинныхъ трубахъ, на арфообразномъ и гитаровидномъ инструментахъ, наконецъ, на тарелкахъ. Флейтщикъ и тарелочникъ изображены, кромѣ того, пляшущими [4]). Придворная обстановка требовала, конечно, возможнаго блеска, и упомянутые игроки Святославовы, равно какъ и музыканты-плясуны и потѣшники, изображенные на фрескѣ Софійскаго собора, и сербскіе придворные игрецы на тимпанахъ и гусляхъ вѣроятно заимствованы были отъ византійскаго двора [5]).

---

[1]) Печерскій Патерикъ. 1806 г. Стр. 55.

[2]) Подъ словомъ игра слѣдуетъ понимать не одну игру на инструментѣ, но и тѣсно связывавшееся съ нею въ старину пѣніе,—такъ въ былинахъ обыкновенно понимается игра скомороховъ; извѣстно также народное выраженіе «пѣсни играть». Ср. Терещенко. Бытъ русскаго народа. 1848 г. II, 146.—Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 1865—1869. I, стр. 337.

[3]) См. у Kuhač. Opis i poviest narodnich glasbala jugoslovjena (оттискъ изъ кн. XXXVIII журнала: Rad jugoslav. akad.). Str. 50.

[4]) Закревскій. Описаніе Кіева. 1868 г. Табл. XII.

[5]) Считаю нелишнимъ, вслѣдствіе того, привести описаніе торжественной царской трапезы въ Византіи, устроенной въ честь русской княгини Ольги. Вовремя обѣда, кромѣ двухъ хоровъ соборныхъ пѣвчихъ, воспѣвавшихъ гимны въ честь императорской фамиліи, разыгрывались разныя представленія, состоявшія изъ плясокъ и другихъ игръ. Это происходило такимъ образомъ: какъ только царь и всѣ прочіе садились за столъ, въ палату вступали дружины актеровъ и танцовщиковъ со своими распорядителями. Дѣйствіе открывалось хвалебнымъ въ честь императора гимномъ. Послѣ этой пѣсни префектъ, дворецкій, подавалъ знакъ правою рукою, то распуская пальцы на подобіе лучей, то сжимая ихъ. Начиналась пляска и трижды обходила вокругъ стола. Потомъ плясуны удалялись къ нижнему отдѣленію стола, гдѣ и становились въ своемъ порядкѣ. Тогда пѣвцы съ хоромъ пѣли духовную пѣсню съ провозглашеніемъ многолѣтія особамъ царскаго дома. Съ такими пѣснями и представленіями продолжалась церемонія столоваго кушанья до конца. Каждая перемѣна кушанья сопровождалась новою пляскою или новою пѣснью. (Забѣлинъ. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ.

Картину пировъ князей Кіевскихъ,—пировъ, на которыхъ собиралась и потѣшалась княжеская дружина, рисуютъ наши былины, относя эти пиры постоянно къ великому князю Владиміру:

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова Осударь Князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи и бояра
И на Рускіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будетъ день въ половина дня,
Будетъ пиръ во полу пирѣ;—
Князи и бояре пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются,
И Великимъ Княземъ похваляются [1]).

На такихъ пирахъ Владиміръ, по словамъ былинъ, обращается къ дружинѣ, поручая дружинникамъ найдти ему невѣсту, или самъ заботится о сватовствѣ своихъ дружинниковъ; здѣсь вызываетъ князь охотниковъ «вырубить Чудь бѣлоглазую» и другіе враждебные народы; держитъ совѣты съ дружинниками («Гой еси, Илья Муромецъ, говоритъ Владиміръ, пособи мнѣ думушку подумати, здать ли мнѣ, не здать ли Кіевъ градъ...», или: «Какъ во славномъ было городѣ Кіевѣ, у ласкова князя Владиміра, собирались князья и бояре, сильные могучіе богатыри, собирались думушку думати»); поручаетъ дружинникамъ «настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, малыхъ уточекъ» къ своему «столу княженецкому»; съ дружиной князь забавляется охотой, борьбой, стрѣльбой въ цѣль, ристаніемъ [2]); здѣсь же, на княжескихъ пирахъ, раздается игра скомороховъ-гусельниковъ. Разсказы былинъ о дворѣ и пирахъ Владиміровыхъ въ общихъ чертахъ совпадаютъ съ историческими

1879 г. II, стр. 197—198).—Пляска, разумѣется, происходила подъ звуки инструментальной музыки. Что же касается музыкантовъ византійскихъ, то имѣемъ извѣстіе, что въ числѣ ихъ, во времена императора Константина Порфиророднаго (въ X в.), были Славяне: «въ день народныхъ игръ — писалъ Константинъ — долженъ былъ чиностроитель каждаго наряжать къ своему дѣлу и приказать Славянамъ, которые употреблялись при инструментальной музыкѣ, чтобы, оставивъ входы, пошли на ѳеатръ. (Штриттеръ. Извѣстія византійскихъ историковъ. 1770 г. I, стр. 120).

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 85; ср. 36 и др.

[2]) Тамъ-же: 36 и сл., 58 и сл., 88 и сл., 93 и сл., 133, 141, 147—148, 155, 168.

свидѣтельствами. Въ Несторовой лѣтописи читаемъ: «Се же пакы творяше (Владиміръ) людямъ своимъ по вся недѣля (т. е. каждую недѣлю): устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити бояромъ, и гридемъ, и съцкимъ, и десяцьскымъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего (ср. выше: «пированье и столованье на многи князи и бояре, могучіе богатыри и гости богатые»)... Бѣ бо Владиміръ любя дружину и съ ними думая о строѣ земельномъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмь» [1]). (Ср. выше въ былинахъ слова Владиміровы къ Ильѣ Муромцу: «пособи мнѣ думушку думати» или: «собирались думушку думати»; ср. также вызовы Владиміровы къ дружинникамъ ополчаться противъ враговъ). Дружину любили и роскошно угощали и тѣшили также и другіе князья. Такъ напр. Мстиславъ, по словамъ лѣтописца (подъ 1036 г.), «любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше ни питья, ни яденья браняше» [2]). Въ лѣтописяхъ же находимъ извѣстія о томъ, что князья русскіе, въ особенности южные, любили сами ходить на охоту со своими стольниками, ловчими, псарями, или посылали безъ себя своихъ ловчихъ добывать звѣря и птицу [3]). (Ср. въ былинахъ порученіе княземъ дружинникамъ «настрѣлять гусей» и другихъ птицъ къ «столу княженецкому»). Княжескіе пиры сопровождались конскимъ ристаніемъ и другими забавами: «Изяславъ — по словамъ лѣтописца (подъ 1150 г.) — обѣдавъ съ ними (съ братіею, съ Уграми и Кіянами) на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, и пребыша у велицѣ весельи; тогда же Угре на фарехъ и скокахъ играхуть» (т. е. упражнялись въ скачкѣ на коняхъ), на удивленіе Кіянамъ [4]). (Ср. слова былинъ о пирующихъ за княжескимъ столомъ богатыряхъ и дружинникахъ: «пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются».) Къ числу княжескихъ забавъ во время пировъ

---

[1]) Полн. собр. русс. лѣт. I, 54.

[2]) Тамъ-же: I, 65. — Ср. у Майкова. О былинахъ Владимірова цикла. Стр. 23 и сл. (прим.), — сближеніе лѣтописныхъ указаній съ упоминаніями въ былинахъ о Владимірѣ, Добрынѣ, Алешѣ Поповичѣ, Ставрѣ.

[3]) См. у Соловьева. Истор. Росс. IV, 188.

[4]) Полн. собр. русс. лѣт. II, 56.

принадлежала и игра гусельниковъ (по выраженію былинъ: «загусельщиковъ», «игроковъ», «скомороховъ»), подтвержденная неопровержимо словами лѣтописца, что былъ обычай передъ княземъ играть на гусляхъ и другихъ музыкальныхъ орудіяхъ, въ свою очередь иллюстрованными упомянутою выше древней фреской Кіевско-Софійскаго собора. Сюда же слѣдуетъ отнести извѣстіе, сообщаемое лѣтописцемъ (подъ 1135 г.), о томъ, что князь Всеволодъ Мстиславичъ Новгородскій «възлюби играти и утѣшатися» [1]). Всѣ вышеприведенныя черты, которыми обрисованы въ былинахъ пиры Владиміровы (т. е. вообще пиры кіевскихъ князей) и отношенія князя къ богатырямъ-дружинникамъ, въ основѣ своей подтверждаются, какъ мы видѣли, историческими свидѣтельствами, а слѣдовательно заключаютъ въ себѣ вѣрныя, согласныя съ истиной преданія изъ далекой старины; къ числу послѣднихъ принадлежатъ и заключающіяся въ былинахъ свѣдѣнія объ украшавшихъ и оживлявшихъ княжескіе пиры своей игрой скоморохахъ-гусельникахъ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію старинныхъ свидѣтельствъ о скоморохахъ и доставлявшихся ими утѣхахъ, необходимо замѣтить, что большинство свидѣтельствъ не только средневѣковыхъ, но и позднѣйшихъ, проникнуты духомъ нетерпимости къ музыкальнымъ и инымъ «скареднымъ», «бѣсовскимъ», «богомерзкимъ», по выраженію современныхъ писателей, увеселеніямъ, душою которыхъ были скоморохи. Старинные русскіе писатели въ своихъ поученіяхъ повторяли изъ вѣка въ вѣкъ, иногда даже съ буквальною точностью, заимствованныя ими изъ Византіи, раздававшіяся тамъ съ первыхъ вѣковъ христіанства порицанія и запрещенія музыки, пѣнія, плясокъ, переряживанія въ комическія, сатирскія или трагическія лица, конныхъ ристаній и иныхъ народныхъ увеселеній, въ Византіи тѣсно связывавшихся съ языческими преданіями, съ языческими культами. Византійскіе взгляды переносились нашими духовными писателями на русскія обстоятельства, лишь нѣкоторыя выраженія византійскихъ подлинниковъ иногда переиначивались, пропуска-

[1]) Полн. собр. русс. лѣт. IX, 159.

лись или пополнялись, соотвѣтственно условіямъ русской жизни, изъ чего видно, что духовные наставники русскіе, не смотря на заимствованія изъ византійской литературы, имѣли въ виду дѣйствительныя обстоятельства, и что поученія ихъ имѣли дѣйствительное отношеніе къ русской народной жизни.

XI вѣкъ (на Руси)—замѣчаетъ г. Забѣлинъ—жилъ еще полною силою народнаго творчества и мало сознавалъ, что вѣщая пѣсня баяна (т. е. пѣвца-гусельника) есть бѣсовское угодіе, есть идольская служба. На это указываетъ даже и самое посѣщеніе князя Святослава преподобнымъ инокомъ (Θеодосіемъ) во время веселаго пѣснотворства, которое было остановлено... лишь изъ особой любви къ нему и продолжалось по обычаю въ его отсутствіи. Жившій въ томъ же вѣкѣ, послѣ Θеодосія, митрополитъ Іоаннъ, мужъ хитрый книгамъ и ученью, точно также въ своихъ наставленіяхъ не мнитъ нарушать обычая мірскаго устава и запрещаетъ только мнихамъ и іерейскому чину присутствовать лишь на такихъ пирахъ, гдѣ начиналось играніе, плясаніе, гуденіе... Но то, что въ началѣ предписывалось только иноческому и іерейскому чину, въ послѣдствіи стало обязательнымъ и для всего мірскаго чина[1]). «Іерѣйскому чину повелѣваютъ святіи отци благообразно и съ благословеніемъ пріимати предьлежащая», говоритъ митрополитъ Іоаннъ; «играніе и плясаніе и гуденіе входящемъ въстати всемъ, да не осквьрнять имъ чювьсва видѣніемь и слышаніемь, по очкому повелѣнію или отинудь отмѣтатися тѣхъ пировъ, или въ то время отходити, аще деть соблазнъ великъ и вражда несмѣрена...». Далѣе говорится, что не возбраняется духовнымъ лицамъ обѣдать съ мірянами, «кромѣ наципанія игранія и бѣсовьскаго пѣнья и блуднаго глумленія»[2]). Свидѣтельство

---

[1]) Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII стол. 1872 г. Стр. 409—410.

[2]) Русскія достопамятности. Изд. Имп. общества исторіи и древн. 1815—1844 г. I, стр. 95, 98.—«Аще кто клирикъ на браки званъ будетъ, егда прелестныя (=бѣсовскія игры) и введутся, да востанетъ и абіе да отходитъ... Яко не подобаетъ священникомъ и клирикомъ нѣкихъ видѣній позоровати на брацѣхъ и на вечеряхъ; но прежде входа игрецовъ встати имъ и отходити», говоритъ митрополитъ Даніилъ (1522—1539 г.), цитируя прав. 20-е и 80-е Труллъскаго собора (691—692 г.). (Пам. стар. русс. лит. IV, 202). Первообразъ этого постановленія находимъ въ прав. 54-мъ Лаодокійскаго (364 г.) собора: «не подобаетъ освященнымъ или причетникамъ зрѣти по-

это доказываетъ, что на пирахъ въ то время происходили играніе (пѣсень), плясаніе и гуденіе; дѣйствующими лицами были конечно скоморохи-игрецы и -плясуны. Кириллъ Туровскій (XII в.) порицаетъ «плясаніе еже на пиру, на свадьбахъ и въ павечерницахъ» [1]); Кириллъ митрополитъ Кіевскій (1243—1250) въ числѣ мытарствъ между прочимъ, называетъ: «плясаніе въ пирахъ... и басни бающе сопѣли сатанинскія» [2]). Плясаніе, разумѣется, происходившее подъ звуки инструментальной музыки, въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, сопровождалось тутъ же названными сопѣлями. Въ словѣ Христолюбца (по рукоп. XVв.) называются игры бѣсовскія на пирахъ (и свадьбахъ), игры же эти суть: плясьба, гудьба, пѣсни, сопѣли, бубны [3]). По словамъ «устава людемъ о велицемъ постѣ» (изъ Дубенскаго сборника правилъ и поученій XVI в.), «грѣхъ есть... пиръ сотворити съ плясаніемъ и смѣхомъ въ постныя дни» [4]). Въ Домостроѣ (XVI в.) говорится о трапезѣ, сопровождаемой звуками музыки, пляской и глумленіемъ: «и аще начнутъ... смѣхотвореніе и всякое глумленіе или гусли, и всякое гудѣніе, и плясаніе и плесканіе и всякія игры бѣсовскія, тогда якожъ дымъ отгонитъ пчелы, такожъ отыдутъ ангели божія отъ тоя трапезы и смрадные бѣсы предстанутъ» [5]). О пированіи Іоанна Грознаго со скоморохами говоритъ князь Курбскій: «упившись началъ (царь Іоаннъ) со скоморохами въ машкарахъ (=личинахъ) плясать и сущіе пирующіе съ нимъ» [6]). Въ XVII столѣтіи скомороховъ во время

зорищныя представленія на бракахъ или на пиршествахъ: но прежде вхожденія позорищныхъ лицъ (т. е. комедіантовъ и музыкантовъ) воставати имъ и отходити». (См. Книга правилъ Св. Апостолъ).

[1]) Памятники россійской словесности XII вѣка, изд. Калайдовичемъ. 1821 г. Стр. 94.

[2]) Филаретъ. Обзоръ духовной литературы. 1884 г. Стр. 59.

[3]) Тихонравовъ. Лѣтопись русской литературы и древностей. VI. III, 94.—Ср. тамъ-же: 90.

[4]) Срезневскій. Свѣд. и замѣт. LVII, 312.

[5]) Домострой. 1867 г. Гл. 15, стр. 38.—Подходящей иллюстраціей къ этому тексту можетъ служить старинная народная картинка, содержаніе которой видно изъ слѣдующихъ словъ сопровождающей ее надписи: «Сія трапеза неблагодарныхъ людей и празнословцевъ; кащуниковъ (кощунниками называются нерѣдко скоморохи, см. ниже), скверни голющихъ словѣсъ бѣсовскихъ... ангелъ Господень отврати лице свое, отъиде стоя плачетъ, видитъ бѣсы съ ними...» (Ровинскій. Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 года до основанія Академіи художествъ. 1870 г. Стр. 139).

[6]) Сказанія. 1868 г. Стр. 81.

пировъ царскихъ и знатныхъ особъ стали вытѣснять хоры духовой (и ударной) музыки, состоявшіе изъ трубъ, сурнъ, накровъ, бубновъ, набатовъ и т. п. Пиръ у Никиты Ивановича Романова-Юрьева, шурина Іоанна Грознаго, по словамъ былины, оглашался звуками трубъ и барабановъ:

> А пиръ пошелъ у него на радостяхъ,
> А въ трубки трубятъ по ратному,
> Барабаны бьютъ по воинскому [1]).

Описаніе это возникло вѣроятно въ позднѣйшее время, подъ впечатлѣніемъ какъ царскихъ, такъ и частныхъ пировъ и празднествъ XVII вѣка. Объ игрѣ въ сурны, трубы и накры во время празднованія свадьбы царя Михаила Ѳедоровича см. ниже (стр. 22). Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1674 г., по случаю торжественнаго объявленія Ѳедора Алексѣевича наслѣдникомъ престола и рожденія царевны Ѳеодоры, задалъ большой пиръ: «а послѣ кушанья изволилъ великій государь себя тѣшить всякими игры — читаемъ въ Дворцовыхъ разрядахъ: и его, великаго государя тѣшили и въ арганы играли, а игралъ въ арганы нѣмчинъ, и въ сурны и въ трубы трубили, и въ суренки играли, и по накрамъ и по литаврамъ били во всѣ» [2]).

Впрочемъ, объ игрѣ скомороховъ на пирахъ, въ особенности частныхъ лицъ, и въ XVII столѣтіи имѣемъ разныя свидѣтельства. Маскѣвичъ въ дневникѣ своемъ (подъ 1611 г.) пишетъ, что на московскихъ вечеринкахъ появляются шуты («блазни»), которые тѣшатъ присутствующихъ русскими плясками, кривляніями и пѣснями, большею частью весьма безстыдными; иногда же приказываютъ играть на лирахъ, подъ звуки которыхъ играющіе припѣваютъ [3]). «Въ домахъ, особенно во время своихъ пиршествъ, Русскіе любятъ музыку», писалъ Олеарій, посѣтившій Россію въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія. Тотъ же авторъ упоминаетъ о двухъ русскихъ музыкантахъ-пѣвцахъ-плясунахъ, т. е. скоморохахъ, которые забавляли своимъ искусствомъ прибывшихъ въ Ладогу пословъ.

---

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 230—231.
[2]) Дворцовые разряды. 1850—1854 г. III, стр. 1081.
[3]) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. 1831 г. V, стр. 61.

за ихъ обѣдомъ [1]). Пиры у москвичей, по свидѣтельству Лизека, описавшаго посольство отъ римскаго императора Леопольда къ царю Алексѣю Михайловичу (1675 г.), оглашались звуками органа (organum pneumaticum) съ двумя регистрами [2]). Въ повѣсти о прекрасномъ Девгеніи (по рукоп. XVII в.) читаемъ: «Девгеній... нача веселитися во всю нощь (т. е. пировать) и повелѣша людямъ своимъ (т. е. игрецамъ) въ тимпаны и въ набаты бити, и въ сурны играти, сіи рѣчь трубить, и въ гусли играть». Въ «притчѣ о старомъ мужѣ и молодой дѣвицѣ» (XVII в.) старику влагаются въ уста слѣдующія слова, обращаемыя имъ къ молодой дѣвицѣ, за которую онъ неуспѣшно сватается: «и сотворю тебѣ пиръ великій, и на пиру велю всякую потѣху играти гусельникомъ и трубникомъ и пляску» [3]). Въ Требникѣ, по рукописи библіотеки проф. Тихонравова, встрѣчается такой вопросъ священника на исповѣди: «сотворилъ еси пиръ съ смѣхотвореніемъ и плясаніемъ?» [4]). Изъ всѣхъ послѣднихъ свидѣтельствъ, относящихся до XVII вѣка, ясно видно дѣятельное въ увеселеніи и потѣшеніи пирующихъ гостей участіе скомороховъ: гусельниковъ, трубниковъ, сурначеевъ, органниковъ, лирниковъ, пѣсенниковъ, плясуновъ. На лубочныхъ картинкахъ встрѣчаемъ изображеніе пировъ, на которыхъ присутствуютъ пѣвецъ или пѣвцы, гитаристъ, балалаечникъ и т. п. [5]).

б. Участвуютъ въ свадебныхъ торжествахъ

Какъ пиры вообще украшались и оживлялись присутствіемъ скомороховъ-игроковъ и пѣвцовъ, такъ въ особен-

---

[1]) Подробное описаніе путешествія въ Московію. Перев. Барсова. 1870 г. Стр. 26, 209.

[2]) Lyseck. Relatio eorum quae circa Sac. Caes. Maiest. ad Magn. Mosc. Czarum oblegatos... gesta sunt. 1676. Pag. 97.—Рѣчь идетъ здѣсь вѣроятно о маленькомъ органѣ (Positiv), обыкновенно имѣвшемъ два регистра (Ср. Reissmann. Illustrirte Geschichte der deutschen Musik. 1881. S. 143.

[3]) Пам. стар. русск. лит. II, 387, 453.

[4]) См. у Веселовскаго. Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XII. п, стр. 197, въ Запискахъ Имп. Академіи Наукъ. т. XLV.

[5]) Ровинскій. Русс. нар. карт. №№ 97, 98.

ности пиры свадебные, а равно и свадебные поѣзды. Воспѣтый въ столькихъ пересказахъ былинъ пиръ, на который приходитъ Добрыня Никитичъ, одѣтый скоморохомъ (ср. выше стр. 8),—пиръ свадебный: празднуется свадьба Алёши Поповича съ Добрыниной женой, считающей мужа своего погибшимъ. Въ былинѣ о Садкѣ, царь водяникъ обращается къ спустившемуся на дно морское Садку-гусельнику:

Поиграй, поиграй въ гуселышки яровчаты,
Потѣшь, потѣшь нашъ почестенъ пиръ:
Выдаю дочь свою любимую... [1])

Слѣдовательно пиръ, на которомъ играетъ Садко въ царствѣ водяника,—пиръ свадебный.

Въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ упоминается о свадебномъ торжествѣ, на которомъ не оказалось скомороха-гусельника и—пѣвца:

Зачали играть свадебку,
Некому играть въ гусли на честномъ пиру,
Игръ играть, напѣвокъ напѣвать. [2])

Сходный мотивъ встрѣчаемъ въ одной изъ свадебныхъ пѣсень изъ Пермскаго края:

Какъ во теремѣ гусяльцы лежали,
Во высокомъ звончатыя лежали.
И то некому во гусельцы играти,
Некому въ звончатыя играти [3]).

Одна или двѣ скрипки, или скрипка и дуда составляютъ въ Бѣлоруссіи необходимую принадлежность всѣхъ брачныхъ церемоній: онѣ встрѣчаютъ и провожаютъ жениха и невѣсту, даже до самыхъ дверей церкви, и отъ нихъ до дома новобрачныхъ. Если погода хороша, то скрипачъ, сидя въ повозкѣ позади ѣдущихъ къ вѣнцу или отъ вѣнца, безпрестанно пилитъ смычкомъ по струнамъ, когда ѣдутъ къ вѣнцу—прощальныя пѣсни, а отъ

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 369.
[2]) Тамъ-же. I, 249.
[3]) Пермскій Сборникъ. 1859—1860. I. п, стр. 55.

вѣнца –встрѣчныя[1]). Замѣчу, что у бѣлоруссовъ простонародный музыкантъ-скрипачъ носитъ названіе: «скоморòха»[2]). По старинной бѣлорусской поговоркѣ не бываетъ свадьбы безъ скомороховъ: «что за веселле (свадьба) безъ скоморохи». Въ Бѣлой Руси игрецъ-дударь имѣетъ даже серьезное значеніе: онъ замѣняетъ родителей у сироты-невѣсты. Въ Малой Руси свадебные поѣзды иногда отправляются въ церковь съ музыкой, пѣснями и даже плясками. Все это въ старину вѣроятно исполнялось скоморохами, на что указываютъ приводимыя мною ниже историческія свидѣтельства и старинныя пѣсни. Въ Орловской губерніи, передъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу, поютъ пѣсню, гдѣ рѣчь идетъ о невѣстѣ (Натальюшкѣ), нанимающей извозчиковъ для свадебнаго поѣзда; непремѣннымъ участникомъ поѣзда, приносящимъ веселье, т. е. счастье невѣстѣ, долженъ быть скоморохъ, играющій, какъ бѣлорусскій скрипачъ — «скомороха», во время ѣзды изъ села въ село:

А какъ бы кто-же скоморошечка да подвезъ?
Играй, играй, скоморошичекъ, въ село до села,
Ужь чтобъ была Натальюшка весела[3]).

Варіантъ той же пѣсни записанъ Варенцовымъ въ Самарскомъ Краѣ:

Запречь-те бы ворона коня,
Чтобы везъ,
Посадить-то бы скоморошничка,
Чтобъ игралъ:
Играй, поиграй, скоморошничекъ,
Съ села до села,
Чтобы наша Прасковьюшка
Была весела[4]).

Имѣется и цѣлый рядъ историческихъ свидѣтельствъ объ участіи на свадьбахъ скомороховъ: Кириллъ, митрополитъ Кіевскій, порицаетъ пляски (конечно происходя-

---

[1]) Этнографическій Сборникъ, изд. Имп. Географич. Общ. 1853—1862. II, стр. 190.
[2]) См. у Носовича. Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія. 1870. Сл.: «скомороха».
[3]) Бѣляевъ. О скоморохахъ. 74 и сл.—Ср. Веселовскій. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. п, 200.
[4]) Варенцовъ. Сборникъ пѣсень Самарскаго края. 1862 г. Стр. 169—170.

щія подъ звуки «игры») на пирахъ и на свадьбахъ [1]. Въ упомянутомъ выше (стр. 15) Словѣ Христолюбца запрещается играть «игры бѣсовскія», состоящія въ «плясьбѣ», «гуденіи», «пѣсняхъ мирскихъ», сопѣляхъ и бубнахъ «въ пирахъ и на свадьбахъ»; въ другомъ мѣстѣ того-же слова читаемъ: «егда же у кого ихъ будетъ бракъ и творять съ бубны и съ сопѣльми и съ многыми чюдесы бѣсовьскыми» [2]. Запрещенія эти сводятся къ правилу 53-му Лаодокійскаго Собора: «Не подобаетъ христіанамъ, на браки ходящимъ, скакати и плясати, но скромно вечеряти и обѣдати какъ прилично христіанамъ» [3]. Слова этого правила неоднократно повторяются русскими духовными писателями [4], что указываетъ на прямое отношеніе заключающагося въ нихъ запрещенія къ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ русской народной жизни. Въ статьѣ о многихъ неисправленіяхъ, «неугодныхъ Богу и не полезныхъ душѣ», приписываемой Кассіану, владыкѣ Рязанскому, жившему въ срединѣ XVI вѣка, говорится между прочимъ: «свадьбы творятъ и на браки призываютъ ереевъ со кресты и скомороховъ з дудами» [5]. Въ опредѣленіяхъ Стоглава (1551 г.) читаемъ: «Въ мирскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и органники и гусельники и смѣхотворцы и бѣсовскіе пѣсни поютъ, и какъ къ церкве вѣнчатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ будетъ, а передъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ», и далѣе слѣдуетъ запрещеніе: «къ вѣнчанію ко святымъ церквамъ скомрахомъ и глумцомъ предъ свадьбою не ходити» [6]. Послѣднія два свидѣтельства въ точности совпадаютъ съ вышеприведенной пѣсней о свадебномъ поѣздѣ съ участіемъ играющаго скомороха, а равно и съ удержавшимся еще въ Малой и Бѣлой Руси обычаемъ, сопровождать свадебный поѣздъ музыкой, пѣснями и плясками. Олеарій свидѣтельствуетъ о самыхъ непристой-

---

1) Филаретъ. Обз. дух. лит. 59.

2) Тихонравовъ. Лѣтоп. русск. лит. и древ. IV. ш, 92, 94.

3) См. Кн. Прав. Св. Апост.

4) Ср. Срезневскій. Свѣд. и замѣт. LVII, 313. — Пам. стар. русс. лит. IV, 202 (Поуч. митр. Даніила) и др.

5) См. у Веселовскаго. Розыск. въ обл. русск. дух. стих. VII. п, 199.

6) Гл. 41, вопр. 16.

ныхъ шуткахъ (die allergröbsten Zotten), которыми оживляется поѣздъ въ церковь невѣсты, сопровождаемой хорошими друзьями и множествомъ прислуги и рабовъ [1]). Въ одномъ изъ французскихъ описаній Московіи [2]) въ концѣ XVII столѣтія говорится, что свадебный поѣздъ невѣсты въ церковь сопровождается тысячами шутливыхъ пѣсень и дерзкихъ выходокъ, исполняемыхъ на улицѣ родственниками, друзьями, слугами и рабами невѣсты [2]). Пляски гостей на свадебныхъ пирахъ, также подтверждаемыя историческими свидѣтельствами, происходили въ старину, разумѣется, подъ звуки скоморошескихъ игръ и пѣсень: ниже (д. «Скоморохи-плясуны») приведены старинныя свидѣтельства о пляскахъ и рукоплесканіяхъ, происходившихъ на свадьбахъ. Англійскій путешественникъ Chancellor, описывавшій Россію въ 1550-хъ годахъ, разсказываетъ, что на свадьбахъ русскаго простонародья, во время свадебнаго пира, играли одинъ или два музыканта, между тѣмъ какъ двое мужчинъ, провожавшіе молодую на пути изъ церкви, пускались передъ собравшимися гостями въ продолжительную пляску [3]). О гистріонахъ, т. е. скоморохахъ, плясавшихъ на русскихъ свадьбахъ XVI вѣка, упоминаетъ князь Даніилъ фонъ Бухау [4]). По свидѣтельству Олеарія, на боярскихъ свадьбахъ русскихъ играла разная музыка, между прочимъ на инструментѣ, называемомъ псалтирь (Psaltir), также трубили въ трубы и били по барабанамъ [5]). Въ царской грамотѣ 1648 г. читаемъ между прочимъ: «да въ городскихъ же и въ уѣздныхъ людѣхъ у многихъ бываютъ на свадьбахъ всякіе безчинники и сквернословцы и скоморохи со всякими бѣсовскими игры» [6]). Приведенныя выше (стр. 17) слова изъ притчи о старомъ мужѣ объ игрѣ гусельниковъ и трубниковъ относятся вѣроятно до свадебнаго пира. Какъ боярскія, такъ въ особенности царскія

---

[1]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 207.

[2]) Voyages historiques de l'Europe par Mr. de B. F. 1712 (первое изданіе 1698 г.) VII. p. 142.

[3]) См. у Meiners. Vergleichung des älteren und neueren Russlands. 1798. II, S. 186.

[4]) Ср. ниже: «д. скоморохи-плясуны».

[5]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 209.

[6]) Ивановъ. Опис. госуд. арх. 296. — Ср. Акты истор. (арх. комм.) IV, № 35.

свадьбы до Алексѣя Михайловича ознаменовывались игрою на инструментахъ, но уже преимущественно громкихъ: духовыхъ и ударныхъ. «А какъ то веселіе (=свадьба) бываетъ—пишетъ Котошихинъ въ 1660-хъ годахъ о царскихъ свадьбахъ русскихъ—и на его царскомъ дворѣ и по сѣнямъ, играютъ въ трубки и въ суренки и бьютъ въ литавры; а на дворѣ чрезъ всѣ ночи для свѣтлости зажгутъ дрова на устроенныхъ мѣстехъ; а иныхъ игръ, и музикъ, и танцовъ, на царскомъ веселіи не бываетъ никогда». По свидѣтельству Котошихина, и на свадебныхъ торжествахъ бояръ и другихъ частныхъ лицъ, «въ трубки трубятъ и бьютъ въ литавры» [1]). Слова Котошихина подтверждаются свидѣтельствомъ Дворцовыхъ разрядовъ: музыка, именно игра въ сурны и трубы и удареніе въ накры, продолжалась со времени шествія царя въ мыльню во весь день и ночью. Такъ было напр. на свадьбѣ царя Михаила Ѳедоровича (1626 г.): «а въ то время какъ государь (Михаилъ Ѳедоровичъ) пошелъ въ мыльню, во весь день и съ (до?) вечера и въ ночи на дворцѣ играли въ сурны и въ трубы и били по накрамъ» [2]). Но этимъ не ограничивалась свадебная музыкальная потѣха: тѣшили царя Михаила Ѳедоровича на свадебномъ его торжествѣ еще играми на струнныхъ инструментахъ, а именно: гусельники (Уѣзда и Богдашка Власьевъ), домрачеи (Андрюшка Ѳедоровъ и Васька Степановъ) и скрипотчики (Богдашка Окатьевъ, Ивашка Ивановъ, Онашка и нѣмчинъ новокрещеный Арманка) [3]). Царь Алексѣй Михайловичъ отмѣнилъ инструментальную музыку на своей свадьбѣ, замѣстивъ ее пѣніемъ церковныхъ пѣсенъ: «Да на прежнихъ государскихъ радостяхъ (=свадьбахъ)—читаемъ въ современномъ описаніи свадьбы Алексѣя Михаиловича съ Маріею Ильинишною Милославскою, въ 1648 г.—бывало въ то время, какъ государь поѣдетъ въ мыленку во весь день до вечера и въ ночи во дворцѣ играли въ сурны и въ трубы и били по накрамъ; а нынѣ великій государь царь и великій князь Алексѣй

---

[1]) О Россіи въ царствованіи Алексѣя Михайловича. 1859. Стр. 11, 127.
[2]) Дворц. разр. I. (Описаніе свадьбы царя Михаила Ѳедоровича).
[3]) Забѣлинъ. Дом. бытъ русск. царицъ 440, 441.

Михаиловичъ всея Русіи на своей государевой радости накрамъ и трубамъ быти не изволилъ, а велѣлъ государь въ свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣть своимъ государевымъ пѣвчимъ дьякамъ... строчные и демественные большіе стихи» [1]).

Воспоминаніе объ игрѣ на инструментахъ, которою въ старину оглашались свадебныя торжества (свадебные поѣзды и пиры), уцѣлѣло во многихъ свадебныхъ пѣсняхъ русскихъ: чаще всего упоминаются въ пѣсняхъ гусли, трубы, иногда литавры, бубны, скрипки и цимбалы; напр.:

Великорусс.: Во теремѣ гусли лежали,
Ай некому во гусли играти [2]).

Выше (стр. 18) мы встрѣтили тотъ же мотивъ въ свадебной пѣснѣ изъ Пермскаго края, сближающейся съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ изъ былины о Ставрѣ Годиновичѣ, гдѣ также говорится о гусляхъ на свадебномъ пирѣ и объ отсутствіи гусельника. Въ другихъ свадебныхъ пѣсняхъ рѣчь идетъ о приплывающихъ по водѣ гусляхъ, на которыхъ играетъ уже не скоморохъ, а самъ женихъ, или объ изготовленіи гуслей для невѣсты, напр.:

Охъ, плыли гусли, охъ, плыли гусли по синю морю.
Приплыли гусёлушки къ круту бережку.
Охъ, приплыли звончатыя къ круту бережку.
Перенялъ гусли, перенялъ гусли свѣтъ Иванъ государь,
Перенялъ гусли, перенялъ гусли свѣтъ Ивановичъ.
Онъ сталъ играть, сталъ играть, во всю ночь не спать...

(Поется на дѣвишникѣ или когда дѣвушки катаются) [3]).

Въ другой свадебной пѣснѣ Ивановичъ бояринъ

Рубилъ яблонь подъ корень,
Тесалъ доски тонкія,
Дѣлалъ гусли звонкіе.
Кому эти гусельцы,

---

[1]) См. у Сахарова. Сказ. русс. нар. I. VI, 94.
[2]) Тамъ-же: I. III, 155.
[3]) Пальчиковъ. Крестьянскія пѣсни, записанныя въ селѣ Николаевскомъ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губ. 1888 г. № 83.

Кому эти звончаты?
Аннушкѣ гусельцы,
Ивановнѣ звончаты [1]).

Объ игрѣ на трубахъ упоминается въ слѣдующихъ свадебныхъ пѣсняхъ:

Ужъ какъ на морѣ, на морѣ,
На синемъ камнѣ,
Бояре въ трубу трубятъ,
Молодые въ золоченую...

(Закричала невѣстина матушка):

«Не трубите трубы радостны,
Вострубите трубы жалостны,
Отъ меня то *дитя везутъ*»...

или:

Ты труба ли моя, трубушка,
Ты трубаль моя, серебреная!..
Воструби громко, звонко,
Громко, звонко, жалостно
Къ моему родному батюшкѣ.
Со двора сундуки везутъ,
Со крыльца ларцы несутъ,
Со терема Прасковьюшку ведутъ,
Со высокаго Тарасьевну.

(Слѣдуетъ повтореніе первыхъ четырехъ стиховъ и далѣе):

Къ моему свекру батюшкѣ
На дворъ сундуки везутъ,
На крыльцо ларцы несутъ,
Во высокъ теремъ дѣвицу ведутъ [2]).

Изъ этихъ пѣсень видно, что трубнымъ звукомъ сопровождался въ старину свадебный поѣздъ. Это опять совпадаетъ съ упомянутымъ выше (стр. 20 и сл.) участіемъ скомороха или скомороховъ въ свадебныхъ поѣздахъ народныхъ. Въ первой изъ двухъ только что приведенныхъ пѣсень играютъ въ трубы уже гости (бояре), а не скомо-

---

[1]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 131.
[2]) Тамъ же: I. ш, 179, 189.

рохи, объ игрѣ которыхъ въ свадебныхъ поѣздахъ свидѣтельствуютъ другія свадебныя пѣсни и письменные памятники (ср. выше стр. 20 и сл.). Приведу еще двѣ свадебныя пѣсни, въ которыхъ говорится объ игрѣ на литаврахъ и цимбалахъ:

— Съ подкамушка съ подбѣлаго, ручеекъ бѣжитъ,
Съ подкамушка съ подбѣлаго цимбалами бьютъ.
Вотъ знать мою любезную Елизаветушку къ вѣнчанію ведутъ [1]).

— Во горницѣ, во свѣтличкѣ
Два голубя (= эмблема молодыхъ) сидятъ,
Два сизые за дубовымъ столомъ;
Они сидятъ любуются,
Во честномъ пиру красуются.
Для нихъ во литавры бьютъ,
Во цымбалы играютъ [2]).

Галицкорусская свадебная пѣсня упоминаетъ о бубнахъ:

Ой на двори бубны граютъ; —
Та до сины (до сѣней) зазераютъ,
А зъ сины та до хаты,
Жебы малы де сидаты [3]).

Малорусскія свадебныя пѣсни упоминаютъ о «музыкахъ» за столомъ, объ играніи музыки, о бубнахъ, звуками которыхъ созываются бояре, чтобы ѣхать за невѣстой:

— Іжте, бояре, іжте,
А ви, музики, ріжте...
— Ой заграно, забубнено ранейко,
Ой зберайся, князю Ивасю, борзейко,
Та пiйдемо тихiмъ Дунаемъ до замку...
Чей бы сьмо могли молоду Марисю пуймати.
— Въ неділеньку рано
По всімъ селу заграно,
Заграно, забубнено,

---

[1]) Терещенко. Бытъ русскаго народа. 1848 г. II, стр. 160.
[2]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 126.—Ср. варіантъ, стр. 177:

И льютъ и пьютъ,
Въ цимбалы играютъ.

[3]) Pauli. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi. 1839. I. Str. 119.

Бояры побуждено:
«Вельможе, бояри, встаньте,..
Марусеньку доставати»...

Въ одной изъ пѣсень, сопровождающихъ прощаніе невѣсты съ дружками, поютъ между прочимъ:

Велю коникамъ (свадебнаго поѣзда) вівса дать,
А музиченьки постоять...

Во время обряднаго, сопровождаемаго музыкой, обхожденія молодыхъ, послѣ ужина въ домѣ родителей невѣсты, кругомъ «діжи» (= бочки), поютъ:

Ой чия жъ то родина
Кругомъ діжы ходила,
Зъ скрипками, зъ цимбалами,
Зъ молодыми боярами? [1]).

Въ пѣснѣ, поющейся при выѣздѣ невѣсты изъ родительскаго дома, невѣстина сестра обращается къ боярамъ:

— Грайте, бояре, грайте...
Марусеньки да й не беріте.

Еще въ другой такой же пѣснѣ братъ бѣжитъ отбирать сестру, уводимую изъ дома родителей:

Бігъ, бігъ, братичокъ—не догнавъ,
За боярами не познавъ,
За музиками не почувъ [2]).

Упоминаніе музыкантовъ и игры на инструментахъ въ малорусскихъ пѣсняхъ неудивительно, такъ какъ до сихъ поръ свадебные поѣзды и пиры обыкновенно оглашаются въ Малороссіи звуками инструментовъ.

---

[1]) Ср. у Метлинскаго. Народныя южно-русскія пѣсни. 1854 г. Стр. 133: пѣсню, сопровождающую завиваніе свадебнаго вильца (вѣтки):

Не йдить, молодыци,
До насъ вилець выты.
Зовьемо мы самы,
З скрыпками, з цымбаламы,
З молодыми бояраны.

[2]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западный край. Юго-западный отдѣлъ. Т. IV. №№ 778, 839, 844, 1111, 1139, 1175, 1194.

Съ музыкой провожаютъ домой и старшую дружку:

Дружку горою ведутъ
Зъ скрипками, зъ цимбалами,
Зъ молодыми боярами.

Въ заключеніе приведу еще два стиха изъ свадебной же пѣсни, по словамъ которыхъ музыка по свадьбамъ волочится:

Бо музика лядащица,
По веселлі волочиться [1]).

Во всѣхъ данныхъ случаяхъ «волочащаяся» по свадьбамъ музыка является наслѣдіемъ старинныхъ «органниковъ», «гусельниковъ», «глумцовъ», словомъ—скомороховъ, непремѣнныхъ участниковъ, въ старину, въ свадебныхъ «радостяхъ».

в. Великая игра.

аа. Боянъ-гудецъ и скоморохи. Повѣствованія про страны далекія и времена стародавнія. Повѣствованія сказочныя и шуточныя. Величаніе и славленіе.—Бахари. Домрачеи.—„Пѣсни царскія“.

Народное преданіе не дѣлаетъ строгаго различія между пѣвцемъ-гусельникомъ, поющимъ серьезныя героическія или историческія пѣсни или былины, и пѣвцомъ-потѣшникомъ и плясуномъ, забавляющимъ толпу площадными пѣснями, шутками и выходками. И тотъ и другой носятъ на народномъ языкѣ одно названіе: «скоморохъ», «гудецъ» (или «игрецъ»), «веселый молодецъ». Наиболѣе извѣстнымъ представителемъ перваго типа служитъ древній пѣвецъ-гусельникъ,

Боянъ.

Высокое, полубожественное значеніе его выражается тѣмъ, что Слово о полку Игоревѣ называетъ Бояна «внукомъ Велесовымъ», «вѣщимъ» пѣснотворцемъ. Боянъ слагалъ свои пѣсни, витая мыслію по лѣсамъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ по поднебесью; онъ—«соловей временъ давно минувшихъ»—вспоминалъ стародавнія бра-

---

[1]) Тамъ же: №№ 1116 (ср. № 1135), 1295.

ни, воспѣвалъ дѣянія Ярослава, Мстислава, славнаго Романа; онъ свивалъ древнюю славу съ новой; подъ его вѣщими перстами струны сами рокотали славу князьямъ [1]). Между тѣмъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ сказанія о «Задонщинѣ» Боянъ называется просто Кіевскимъ гудцемъ («въ городѣ Кіевѣ горазда гудца») [2]), т. е. тѣмъ же именемъ, какимъ въ Стоглавѣ называются скоморохи потѣшники, увеселявшіе народъ и побуждавшіе толпу, своей игрой, къ пляскѣ (см. ниже):

Русскія былины неоднократно вспоминаютъ о

пѣвцахъ-гусельникахъ (скоморохахъ),

во многихъ отношеніяхъ въ художественной дѣятельности своей совпадающихъ съ гудцемъ Бояномъ. Такимъ пѣвцомъ на княжескомъ пиру является, между прочимъ, переодѣтый въ скомороха Добрыня. О томъ, какое возвышающее, воодушевляющее впечатлѣніе производили на слушателей, какое удивленіе и восторгъ вызывали въ нихъ пѣсни такихъ гусельниковъ, можно судить по слѣдующимъ выраженіямъ былины о Добрынѣ, въ разныхъ ея пересказахъ:

Учелъ (Добрыня) по стрункамъ похаживать,
Учелъ онъ голосомъ поваживать,...

(или:

Зачалъ (Добрыня) въ гусли играть приговаривать,—)
И всѣ на пиру пріутихли—сидятъ,
Сидятъ—на скоморошину посматриваютъ.

Или:

Вси на пиру оглянулисе,
Вси на пиру ужахнулисе.

---

[1]) «Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы... О Бояне! соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени... (и раньше:) своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами князем̃ъ славу рокотаху». Русс. Достоп. III, 6 и сл.

[2]) Извѣстія II Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ. Т. VI, стр. 345.

Въ другихъ пересказахъ произведенное пѣснью Добрыни-скомороха впечатлѣніе описывается такъ:

> Вси же за столомъ да призадумались,
> Вси же тутъ игры (т. е. игрецы) призаслухались...

Или:

> На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
> Всѣ скоморохи пріослушались:
> Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
> На бѣлоемъ игры не видано.
> Князю Владиміру игра весьма слюбилася

Или:

> Какъ дивилися цари цари царевичи,
> Короли дивились королевичи,
> Ужъ какъ сильніи могучіе богатыри,
> Какъ вельможи, поляницы да удалыи...

Или:

> Заигралъ Добрыня по унывльнёму,
> По унывльнёму, по умильнёму.
> Какъ всѣ то вѣдь ужъ князи и бояре-ты,
> А ты эты русійскіе богатыри
> Какъ вси они тутъ пріослушались.

По другому же пересказу, на пиру «всѣ позаслушалися», и князь, въ восторгѣ отъ пѣсни, восклицаетъ:

> «Ай же, мала скоморошина!
> «За твою игру за великую,
> «За утѣхи твои за нѣжныя,
> «Безъ мѣрушки пей зелено вино,
> «Безъ расчету получай золоту казну!» [1]).

А между тѣмъ исполнитель этой «небывалой», этой «великой игры»,—пѣвецъ, приковавшій къ себѣ всеобщее вниманіе, вызвавшій всеобщее удивленіе и восторгъ князя, въ глазахъ послѣдняго не болѣе какъ «удалой» или «мала скоморошина», или «дѣтина пріѣзжая, скоморошная, гусельная», помѣщающійся, на равнѣ съ прочими кня-

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 136, 166; II, 31.—Гильфердингъ. Онеж. был. 45, 136, 250, 972, 1030.

жескими потѣшниками, «на печкѣ — на запечкѣ». (Ср. ниже Гл. 5, г.)

Сходнаго характера была и игра Садка-гусельника на берегу Ильменя-озера (ср. выше стр. 7). Вышелъ изъ озера Царь морской и говоритъ:

«Ай же ты Садке́, Новгородскій!
«Не знаю чѣмъ буде тебя пожаловать,
«За твои за утѣхи за великія,
«За твою-то игру нѣжную:
«Аль безсчетной золотой казной?» [1]).

Въ чемъ же заключалась эта «игра» (т. е. пѣніе, сопровождаемое игрой въ гусли),— игра, приводившая въ такой восторгъ слушателей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ опять наши былины. Въ послѣднихъ установились извѣстныя формулы, которыми характеризуется широкій кругозоръ пѣвца и обусловливаемое тѣмъ разнообразіе напѣва и содержанія пѣсни. Когда рѣчь идетъ о чудесной «игрѣ» того или другаго пѣвца, былины употребляютъ выраженія: игра, выигрышь, сыгрышь, припѣвокъ, тонцы и т. п.,— слова, точный смыслъ которыхъ въ своемъ различіи непонятенъ даже самимъ сказателямъ былинъ, нынѣ ихъ употребляющимъ, но болѣе или менѣе сводящіяся очевидно къ одному содержанію; эти выигрыши, припѣвки, тонцы ведутся пѣвцомъ (или что означаетъ одно и тоже, имъ «натягивается» или «заводится струна») изъ странъ далекихъ: изъ Царяграда, изъ Ерусалима, изъ за синя моря Волынскаго, изъ за Лукоморья зеленаго и т. п., или изъ одного мѣста въ другое, отдаленное. Эти выраженія примѣняются, какъ высшая аттестація, къ игрѣ разныхъ лицъ: Добрыни (въ образѣ скомороха), Соловья Будиміровича, Садка гусельника, Ставра въ роли веселаго молодца. Такъ напр.:

Добрыня

α) играетъ, игру играетъ, беретъ выигрышъ, воспѣваетъ, выигрываетъ наигрыши, въ томъ или другомъ мѣстѣ или изъ одного мѣста до другаго:

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 371.

— Играетъ-то въ Цариградѝ,
А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ...
— Играетъ ёнъ во Кіевѣ, воспѣваетъ отъ Еросалима.
— Заигралъ Добрынюшка въ гуселышки,
Онъ игру играетъ все хорошеньку,
И выигрывалъ наигрыши все хорошеньки,
Что изъ Кіева да й до Царяграда,
Изъ Царягряда до Еросо̀лиму,
Съ Еросолиму ко тою къ землѣ да къ Сорочинской.
— Ёнъ съ Кѣева игралъ все до Нова̀града,
Ай съ Новагорода игралъ все до Кіева.

β) Ведетъ тонцы или натягиваетъ струны, или припѣваетъ припѣвки отъ того или другаго мѣста:

— Тонцы повелъ отъ Нова города,
Другіе повелъ отъ Царяграда...
— Какъ началъ онъ гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ, будто отъ Кіева,
Другу отъ Царяграда
И третью съ Еросолима,
Тонцы онъ повелъ-то великіе,
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ за синя моря.
— Ёнъ вѣдь началъ гуселка налаживать,
Ёнъ вѣдь началъ струночки натягивать.
Ёнъ перву наладилъ съ града съ Кіева,
Ёнъ другу наладилъ изъ Чернигова,
Ёнъ вѣдь третьюю изъ каменной Москвы [1]).

Обозрѣвая этотъ сводъ техническихъ выраженій, которыми въ былинахъ характеризуется искусная игра, замѣчаемъ, что всѣ эти, на первый взглядъ, непонятныя слова имѣютъ цѣлью восхвалить разносторонность пѣвца, ведущаго свои игры, выигрыши, тонцы (т. е. разсказы), припѣвки, наигрыши и проч. изъ далекихъ мѣстъ, или изъ мѣста до мѣста, по всему лицу извѣстной пѣвцу земли; въ повѣствованіяхъ нынѣшнихъ, сѣверно-русскихъ пѣвцовъ или сказителей былинъ называются Ерусалимъ и Царьградъ какъ отдаленнѣйшія, Кіевъ, Москва, Новгородъ, Черни-

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 136, 144; II, 31.– Гильфердингъ. Онеж. был. 45, 214, 356, 498, 1058, 1096 и др.

говъ, какъ далекія, но все же относительно болѣе близкія мѣста. Въ качествѣ пріѣзжаго скомороха (мы увидимъ ниже, что скоморохи по преимуществу были люди прохожіе, бродячіе), Добрыня въ своей «игрѣ» могъ разсказывать про дальнія страны, подобно Бояну пробѣгать мыслью по всему міру, повѣствовать о чудесахъ заморскихъ, связывая эти разсказы съ повѣствованіемъ о собственныхъ своихъ похожденіяхъ, о томъ что онъ самъ испыталъ на чужбинѣ. И дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ пересказовъ данной былины Добрыня разсказываетъ, повѣствуетъ, по словамъ же былины—«играетъ» или «выигрываетъ свое рожденье», «свои похожденія», «играетъ» или «натягиваетъ струну» про свое похожденіе, про свои разъѣзды, «заводитъ струны» отъ разныхъ мѣстъ, при чемъ «идутъ напѣвки Добрынины», «выигрываются его похожденія» [1]), напр.:

— Первый разъ игралъ отъ Царя-града,
Другой разъ отъ Еросалима,

---

[1]) Нельзя не указать на родственныя приведеннымъ выраженія: «струна молвитъ», «струна говоритъ», встрѣчающіяся въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ святочной пѣснѣ:

Заигралъ милый въ гусли,
Какъ струна струнѣ молвитъ:
«Пора молодцу жениться».

(Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 33.)

Въ другой (хороводной) пѣснѣ поютъ:

Заиграю во струну,
Струну серебряную.
Вы послушайте робята,
Что струна-то говоритъ...

(Балакиревъ. Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. № 39.)

Иногда гусли отождествляются съ мыслями:

Разыграйтесь гусли, мысли,
Я вамъ пѣсеньку спою...

(Тамъ-же: № 29.)

Въ другихъ пѣсняхъ «говорятъ» другія музыкальныя орудія, напр.:

Какъ струна-то загула, загула,
А дуда-то выговаривала.

(Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 84.)

Въ балалаечку набрякиваетъ,
Балалайка выговариваетъ.

(Пальчиковъ. Кресть. пѣс. № 114.)

Въ «Задонщинѣ» встрѣчаемъ выраженіе «гусельныя словеса». (Ср. ниже.)

Третій разъ сталъ наигрывати,
Все свое похожденіе разсказывати [1]).
— Ёнъ игрищо игралъ отъ Царя-града,
Другое игралъ отъ Еросолима,
Третье играе отъ Кіева,
А похожденья выигрывалъ Добрынины.
— Струночку играетъ отъ синя моря,
Другую играетъ отъ Царя-града,
А третью отъ Ерусалима,
А всё похожденьице Добрынюшкино.
— Натягалъ онъ струну про Кіевъ градъ,
Другую про похожденьицо,
Выигрывалъ свое рожденьице.

(О рожденіи Добрыни см. ниже).

— Сталъ Добрынюшка въ гуселышка поигрывати.
Ужъ онъ струночку играетъ что я Кіевской,
Какъ въ другую игратъ отъ Еросолима,
Еще въ третью про разъѣзды про Добрынюшкины.
— Онъ первую (очевидно: струну) завелъ отъ Кіева,
Онъ другу завелъ отъ Еросолима да до Царяграда,
А всѣ пошли напѣвки ты Добрынины [2]).

Здѣсь всюду рѣчь идетъ о повѣствованіи, сопровождаемомъ звуками струнъ. Предметомъ же повѣствованія являются событія изъ далекихъ мѣстъ, переплетаемыя разсказами о собственной судьбѣ, собственныхъ похожденіяхъ и разъѣздахъ пѣвца-гусельника. Въ другихъ варіантахъ говорится о веденіи пѣвцомъ «наигрыщъ отъ Добрыни», о пѣніи имъ «напѣвочекъ Добрынюшки», по которымъ признаетъ, въ лицѣ пѣвца, своего мужа Настасья Микулична:

— Игралъ онъ во гуселышки тутъ яровчаты,
А все наигрища приводитъ онъ Добрынины.
— Напѣвочки поетъ все къ Настасьѣ Микуличной.
Какъ услыхала тутъ Настасья Микулична
Напѣвочки Добрынюшки Микитица... [3]).

И такъ подъ словами: выигрышъ, наигрышъ, тонцы, напѣвки, припѣвки и т. п. слѣдуетъ понимать содержа-

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. III, № 16.
[2]) Гильфердингъ. Онеж. был. 950, 1021, 1096, 1254 (ср. 1261), 1305.
[3]) Тамъ-же: 165, 737.

ніе пѣсни, можетъ быть въ связи съ извѣстными характеристическими напѣвами [?], подобно тому, какъ подъ болѣе общимъ словомъ «игра» нерѣдко понимается пѣсня, сопровождаемая игрой на инструментѣ.

Послѣ всего сказаннаго о пѣсняхъ Добрыниныхъ, становится понятнымъ смыслъ нижеслѣдующихъ сходныхъ выраженій былинъ, относительно «игры» и другихъ пѣвцовъ:

Соловей Будиміровичъ

Струну къ струночкѣ натягиваетъ,
Тонцы по голосу налаживаетъ,
Тонцы онъ ведетъ отъ Новагорода,
А другіе ведетъ отъ Еросолима,
А всѣ малые припѣвки за (=изъ-за) синя моря,
За синя моря Волынскаго,
Изъ за того Кодольскаго острова,
Изъ за того Лукоморья зеленаго [1]).

Въ терему, воздвигнутомъ Соловьемъ Будиміровичемъ, «играютъ во гуселка яровчаты»:

Тонцы ведутъ отъ Нова города,
Другіе ведутъ-то отъ Еросолима,
Припѣвы припѣваютъ хорошіи.

Или:

А въ третьемъ терему-то гудки гудятъ,
Игры играютъ Царя-града,
Напѣвки напѣваютъ Еросолима [2]).

Ставръ

сталъ гуселокъ налаживать,

Гуселокъ налаживать, струнокъ натягивать:
Струночку натягивалъ отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града,
Третью съ Еросолима;
Повелъ онъ та(о)нцы великіе,
Припѣвки то припѣвалъ изъ за синя моря.[3]

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 324.
[2]) Гильфердингъ. Онеж. был. 370, 954.
[3]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 101.

Или:

И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати,
Сыгришъ сыгралъ Царя-града,
Та(о)нцы навелъ Іерусалима... [1])

Садко

поигрываетъ во гуселышки,

Играетъ-то Садке́ въ Новѣ-городѣ,
А выигрышъ беретъ отъ Царя-града [2]).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ должно понимать повѣствованія о событіяхъ и обстоятельствахъ, касающихся далекихъ мѣстъ: Іерусалима, Царяграда, Новгорода (по отношенію къ поющему въ Кіевѣ) и т. п.—Нельзя не обратить вниманія еще на неоднократно встрѣчающееся выраженіе: «припѣвы», «припѣвки» («хорошіе», «изъ за синя моря», «Добрынины» и т. п.). Подъ этими словами слѣдуетъ вѣроятно подразумѣвать вплетаемыя пѣвцомъ въ пѣсню мудрыя, поучительныя изреченія, нравоученія, поговорки. Вѣщій Боянъ, по выраженію Слова о полку Игоревѣ, изрекъ «припѣвку» про князя Всеслава: «*ни хытру, ни горазду, ни птицею горазду, суда Божія не минути*» (будь хитеръ, будь гораздъ, обернись хоть птицею, суда Божія не миновать). И другое изреченіе Бояново: «*тяжко ти головѣ, кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы*» (тяжело головѣ безъ плеча, горе тѣлу безъ головы), примѣненное авторомъ «Слова» къ Игорю («Русской земли безъ Игоря», прибавлено въ «Словѣ»), было вѣроятно такой же «припѣвкой». Не были ли и упомянутые выше «напѣвочки» и «наигрища Добрынины», по которымъ узнаетъ Настасья Микулична переодѣтаго въ скомороха мужа своего, такими же знакомыми ей изреченіями, поговорками (припѣвками) Добрыниными? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ словомъ наигрышекъ очевидно понимаются изреченія, поговорки, заключающія въ себѣ извѣстный

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсн. I, 369.

скрытый смыслъ, извѣстные намеки, обращаемые пѣвцомъ только къ извѣстнымъ изъ присутствующихъ лицъ. Такъ Добрыня, въ образѣ скомороха, наигрываетъ два наигрышка, предназначаемые имъ очевидно для своей жены, собирающейся выходить за мужъ за Алёшу Поповича:

...сталъ наигрышки наигрывать:
«Охъ вы гусли мои, гуслицы,
Гусли мои звончатые!
Вы лежали со ряду шесть лѣтъ,
А еще лежали ровно три года,
А еще лежали ровно круглый годъ,
На десятомъ году играть стали».

(Намёкъ на десятилѣтнее отсутствіе Добрыни изъ дому.)

И другой наигрышекъ сталъ наигрывать:
«Гдѣ это видано, еще гдѣ же слыхано,
Отъ живà мужа за мужь итти?» [1])

(Опять намёкъ на то, что Добрыня еще живъ.)

Въ одномъ изъ пересказовъ данной былины Добрыня «натягалъ струну про свое похожденьице, выигрывалъ свое рожденьице»:

Ни кто-то въ пиру не догадается,
Одна Катерина (=жена его) догадалосе[2]).

Всѣ пріемы Добрыни, всѣ его напѣвки и наигрыши направлены къ тому, чтобы жена узнала его, для нея онъ играетъ свои «наигрышки» и «припѣвки».

Въ былинѣ «Молодецъ у короля на службѣ» выраженіе «наигрышки наигрывать» опять употреблено въ смыслѣ восклицанія, спеціально обращеннаго къ сидящей въ свѣтлицѣ, любящей молодца королевнѣ:

Онъ и сталъ тутъ наигрышки наигрывать:
«Бывало меня Король любилъ-жаловалъ!
А нынче на меня скоро прогнѣвался,
Ведетъ молодца ко повѣшенію». [3])

---

[1]) Кирѣевскій. Пѣсни. II, 9; ср. 16.
[2]) Гильфердингъ. Онеж. был. 1096.
[3]) Кирѣевскій. Пѣсни. V, 168.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что древній скоморохъ-гусельникъ повѣствовалъ о мѣстахъ далекихъ, по которымъ странствовалъ, переплетая свои повѣствованія разсказами о собственныхъ похожденіяхъ, а равно и припѣвками (наигрышами, напѣвочками), т. е. изреченіями и поговорками, то имѣющими общій смыслъ, то заключающими въ себѣ извѣстные намёки, обращаемые имъ къ тому или другому изъ слушателей.

Подобно тому, какъ, по словамъ пѣвца Игоревой рати,

> *скакалъ по мысленному древу, возносился подъ облака, мчался черезъ долы и горы вѣщій Боянъ* (гудецъ Кіевскій),

и старинные пѣвцы-гусельники, давая волю своему воображенію, витая мыслію по лицу вселенной, вѣщая свои чудесные разсказы о странахъ далекихъ, уносили внимавшихъ имъ слушателей мысленно за «сине море», въ землю Сорочинскую (=Сарацинскую), въ Іерусалимъ, въ Царьградъ, къ морю Волынскому, къ Лукоморью зеленому, въ Новгородъ, Смоленскъ, Черниговъ, въ лѣса Брынскіе, въ омуты Днѣпровскіе и т. п. Воспоминаніе о такомъ пареніи или витаніи мысли пѣвца по безпредѣльной шири вселенной, по морямъ, полямъ, лѣсамъ и поднебесью, сохранилось во вступительной къ нѣкоторымъ былинамъ формулѣ, въ разныхъ случаяхъ являющейся то болѣе, то менѣе развитой:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Въ иныхъ случаяхъ эта формула продолжается такъ:

Чуденъ крестъ Леванидовской,
Долги плеса Чевылецкіе,
Высокія горы Сорочинскія,
Темны лѣса Брынскіе,
Черны грязи Смоленскія,
А и быстры рѣки понизовскія [1]).

---

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 1, 271.

Встрѣчается и такое вступленіе:

Рѣки-то озера ко Новугороду,
Мхи-то болота ко Бѣлоозеры,
Широки раздолья ко Опскому,
Темные лѣса ко Смоленскому,
Чисты поля къ Ерусалиму [1]).

Подобно Бояну,

соловью временъ давно минувшихъ, воспѣвавшему дѣянія князей и стародавнія брани,

и пѣвцы-гусельники нашихъ былинъ воспѣвали старыя дѣянія. На свадебныхъ пирахъ гусельники пѣли

Про старыя времена и про нынѣшни
И про всѣ времена доселюшни [2]).

Соотвѣтственно тому, въ былинахъ встрѣчаются вступленія, въ которыхъ предстоящее повѣствованіе прямо называется старымъ, бывалымъ, стародавней стариной:

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца [3]).

Или:

Благословите, братцы, старину сказать [4]),
Какъ бы старину стародавную.

Въ новѣйшихъ былинахъ старыми временами почитается уже эпоха Іоанна Грознаго, напр.:

Да въ старые годы прежніе,
Во тѣ времена первоначальныя,
Когда воцарился царь государь
А грозный царь Иванъ Васильевичъ [5]).

---

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 704.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 249.
[3]) Кирѣевскій. Пѣсни. I, 1.
[4]) Сказать старину значитъ тоже, что пѣть старину: въ былинахъ неоднократно смѣняются выраженія «старину поютъ» или «старину скажутъ». См. тотчасъ ниже соотвѣтствующіе примѣры.
[5]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих., 219, 226. — Ср. вступленіе къ пѣснѣ о взятіи Казани:

Ужъ вы ли люди ли, вы люди стародавніе,
Молодые молодцы да-воль послушати,

Въ цѣломъ рядѣ былинъ находимъ и заключительныя формулы о «сказаніи» или «пѣніи старины» про того или другаго героя былины, «людямъ на послу́шанье», напр.:

— Тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ:
А синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ тымъ людямъ, на послу́шанье.
— Тутъ вѣкъ про Дюка старину скажуть,
Синему морю и т. д.
— А съ той поры да съ того времени
А стали Дюка стариной сказать.

Въ сходной формѣ «скажутъ старину» про Настасью Королевну, про Михаила Потыка, про Добрыню Никитича, про Кострюка Темриковича и т. п. [1]).

Пѣвцы, касаясь въ своихъ пѣсняхъ далекихъ странъ и былыхъ временъ, рисовали и фантастическія, сказочныя картины изъ стародавняго прошлаго. На это опять указываютъ былины. Однимъ изъ главнѣйшихъ сюжетовъ былинъ служатъ чудесные, баснословные подвиги русскихъ богатырей, побороающихъ разныхъ чудовищъ: дышащаго пламенемъ змѣя Горынчича, бабу Горынкину, Тугарина Зміевича, Соловья разбойника и др. [2]) Былина, начинающаяся вышеупомянутой формулой: «Высота ли высота поднебесная», послѣ такого вступленія переходитъ къ описанію беззаконія, господствовавшаго въ старинное, первоначальное, басновловное время царя Давида:

При царѣ Давидѣ Евсѣевичѣ,
При старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ,

Еще я вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про грозна царя Ивана Васильевича.

(«Отечеств. Записки» 1860 г. Апрѣль, стр. 68).

Эпитетъ «стародавній», относимый въ другихъ пѣсенныхъ вступленіяхъ къ «старинѣ», къ прошедшимъ временамъ, здѣсь является уже перенесеннымъ на пожилыхъ слушателей.

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 750, 784, 794, 811, 817, 826, 831, 932, 1116. — Въ былинахъ у К. Данилова (Древ. росс. стих.) неоднократно встрѣчается заключительный стихъ:

А и то старина, то и дѣяніе

(стр. 69, 132, 153, и др.), или:

Тѣмъ старина и кончилась

(стр. 181).

[2]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 44, 126 и сл., 241 и сл., 246 и сл., 251 и сл.

Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ—родильницы,
Чернцы по дорогамъ—разбойницы,
Сынъ съ отцомъ на судъ идетъ... [1])

Въ другихъ былинахъ дѣйствующими являются баснословныя лица: «премудрый царь Саламонъ» и «прекрасная царица Саламонія»[2]), Дунай и Настасья, превращающіеся въ рѣки[3]); упоминается о чудесномъ, красующемся за синимъ моремъ, за Глухоморьемъ зеленымъ, славномъ городѣ царя заморскаго, Леденцѣ, откуда выплываетъ на своихъ фантастически разукрашенныхъ корабляхъ богатый гость Соловей Будиміровичъ[4]), и т. п.—Въ сходномъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и выраженіе Слова о полку Игоревѣ о «замышленіи Бояновомъ». Пѣвецъ Слова хочетъ начать свою пѣсню «не по замышленію Бояна», а «по былинамъ сего времени», т. е. воспѣть быль, историческіе факты, между тѣмъ какъ Боянъ, творя пѣсню, «растекался мыслію», давалъ волю своему воображенію, своему «замышленію», вымыслу, сплетая дѣйствительность съ чудеснымъ, облекая, подобно нашимъ былинамъ, дѣйствительность въ фантастическую форму.

Такіе фантастическіе разсказы или «сказки» легко могли принимать и шуточную форму, подобно былинамъ-сказкамъ: «Старина о большомъ быкѣ», «Кострюкъ», «Небылица», «Птицы» и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ-старинъ начинаются призывомъ слушателей ко вниманію, чтобы послушали старинушку, напр.:

Да князья послушайте,
Да бояре послушайте,
Да мужики ты земскіе,
И старички деревенскіе,
Да ребятушки махотные,
Да крестьянушки пахотные,
И не шумите—послушайте.
Да я вамъ старинушку скажу

---

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 271.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 277 и сл.
[3]) Гильфердингъ. Онеж. был. См. нѣсколько пересказовъ о «Дунаѣ».
[4]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 1.

Про тово-де большово быка
Рободановика...

Или:

А не тките то дѣвушки,
Не прядите молодушки,
Ужъ вы сядьте послушайте.
Я вамъ сказку скажу,
Прибаулушку немаленькую,
Ай диди-диди-диди,
И про того Кострюка Кострюкановича,
Про того Дебрюка Дебрюкановича...

Или:

Старина сказать да стародавная,
Стародавная да небывалая,
Хорошо сказать, да лучше слушати...,

послѣ чего слѣдуетъ цѣлый рядъ небылицъ:

Да не курица на ступы соягниласе,
Корова на лыжахъ покатиласе,
Да свинья въ ели-то вѣдь гнѣздо свила...
По поднебесью, братцы, медвѣдь летитъ,
Да медвѣдь летитъ, да онъ хвостомъ вертитъ,
А по чисту полю у насъ корабъ бѣжитъ,
На синёмъ мори у насъ овинъ горитъ,
Да овинъ горитъ и то съ рѣпою... [1])

Болѣе или менѣе сходные съ выше приведенными, фантастическіе, баснословные (вѣроятно и шуточные) разсказы очевидно пѣлись и старинными русскими пѣвцами-гусельниками. На это указываютъ, кромѣ приведеннаго раньше (стр. 40) выраженія автора Слова о полку Игоревѣ, о замышленіи бояновомъ, еще и слова Кирилла Туровскаго (XII в.), порицавшаго тѣхъ, «иже басни баютъ и въ гусли гудутъ» [2]), Кирилла митрополита Кіевскаго (XIII в.), называющаго въ числѣ мытарствъ: «плясаніе... и басни бающе [3]), наконецъ митрополитъ Фотія (1410 г.),

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 1132—1133, 1272, 1329.
[2]) Пам. росс. слов. XII в. 95.
[3]) Филаретъ. Обз. дух. лит. 59.

увѣщевавшаго Новгородцевъ басней не слушать [1]).—Возвращаюсь къ серьезной «игрѣ».

Подобно Бояну,

> *величавшему князей, подъ вѣщими перстами котораго струны сами рокотали славу князьямъ, —Бояну, свивавшему древнюю славу съ новою,*

и старинные «веселые молодцы» славили и величали героевъ временъ минувшихъ, а равно и современныхъ имъ князей, по примѣру Бояну свивая, такимъ образомъ, древнюю славу съ новой. Мы видѣли выше (стр. 38), что пѣвцы гусельники пѣли пѣсни

> Про старыя времена и про нынѣшни,
> И про всѣ времена доселюшни..,

т. е. соединяли повѣствованія о старыхъ и новыхъ временахъ. Кромѣ того, въ былинахъ повѣствованія нерѣдко заключаются возглашеніемъ славы или хвалы герою или героинѣ былины, напр.:

> — Тутъ-то Настасьѣ славу поютъ.
> — Да тутъ Святогору да богатырю славу поемъ.
> — А тутъ Кострюку славы́ поютъ,
> Славы́ поютъ, старину скажутъ...
> И царицы славы́ поютъ,
> Славы́ поютъ, старину скажутъ.
> — А еще тутъ поганому (Идолищу) славы́ поютъ [2]).

Пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, неоднократно вспоминая о Боянѣ и какъ будто подражая мѣстами складу Бояновыхъ пѣсень или «старымъ словесамъ», заключаетъ свое произведеніе славленіемъ Игоря, Всеволода, Владиміра Игоревича, напоминающимъ только что приведен-

---

[1]) Акты (арх. эксп.) I, № 369.

[2]) Гильфердингъ. Онеж. был. 624, 646, 932, 1038.—Въ нѣкоторыхъ былинахъ въ заключительномъ стихѣ провозглашается слава старинѣ, т. е. стародавнимъ временамъ и событіямъ:

> Да тутъ ли старинушкѣ славу поемъ.

(Тамъ-же: 662, 671, 676, 689.)

ные заключительные стихи былинъ; но здѣсь, кромѣ князей, величается и дружина, которой провозглашается слава и здравіе вмѣстѣ съ князьями: «Пѣти слава Игорю Святъславича. Буй туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу. Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь!» [1]). Обычай величать и славить на пирахъ въ пѣсняхъ нетолько воспѣваемыхъ въ ней князей и героевъ, но и присутствующаго князя (или боярина, хозяина дома), а также и другихъ присутствующихъ лицъ, отразился и въ былинахъ: Ставръ, въ роли «веселаго молодца» или «загусельщика»,

Сыгрышъ сыгралъ Царя-града,
Та(о)нцы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею [2]).

Былина о смерти Михаила Скопина свидѣтельствуетъ о «великой славѣ», которую пѣли Скопину во время пира:

На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ
И пиръ пошелъ и великій столъ
И (У?) Скопина князя Михайлу Васильевича
Про весь православный міръ,
И велику славу до вѣку поютъ
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу...

На этомъ пиру, по обычаю, идущему отъ временъ Владиміровыхъ, каждый изъ гостей чѣмъ нибудь похваляется. Очередь доходитъ до хозяина:

«Я Скопинъ Михайло Васильевичъ
Могу князь похвалитися,
Что очистилъ Царство Московское
И великое Государство Россійское,
Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго до вѣку моего» [3]).

---

[1]) Русс. Достоп. Ш, 254.
[2]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.
[3]) Послѣдніе два стиха напоминаютъ соотвѣтствующее мѣсто изъ былины о Добрынѣ, который «выигрывалъ», т. е. воспѣвалъ, славилъ

Отъ стараго да всѣхъ до малаго,

и какъ будто представляютъ лишь механическое повтореніе старинной формулы въ искаженномъ смыслѣ. Ср. ниже стр. 45.

Та же былина заканчивается припѣвкой, т. е. заключительной формулой общаго характера, въ менѣе развитомъ видѣ повторяющейся и въ концѣ нѣкоторыхъ другихъ былинъ. Вотъ эта припѣвка:

То старина то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послу́шанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Изпиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову [1]).

Какъ Боянъ воспѣвалъ хвалу князьямъ, какъ авторъ Слова о полку Игоревѣ воспѣвъ походъ Игоря, возглашаетъ славу князьямъ и дружинѣ, какъ Ставръ, въ качествѣ скомороха, за пиромъ у князя вплетаетъ въ свою пѣсню величаніе князя и княгини, такъ и въ послѣдней припѣвкѣ воздается честь хозяину пира, боярину великому, такими же какъ Ставръ-скоморохъ «веселыми молодцами». Эта припѣвка замѣчательна и важна въ томъ отношеніи, что она подтверждаетъ предположеніе о томъ, что авторами былинъ были старинные пѣвцы-гусельники, скоморохи: «то старина то и дѣянье... *намъ* веселымъ молодцамъ на потѣшенье»; слѣдовательно поютъ былину *они*, веселые молодцы-скоморохи, себѣ на потѣшенье, добрымъ людямъ на послушанье, молодымъ молодцамъ на перениманье: «гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ... хозяину»; слѣдовательно вплетаютъ славленіе, чествованіе хозяина въ пѣсню–былину тѣже веселые молодцы–скоморохи. Точно такъ и Добрыня, переодѣтый скоморохомъ, на свадебномъ пиру въ своей пѣснѣ «выигрываетъ», т. е. очевидно славитъ, величаетъ всѣхъ, отъ стараго до малаго, поимённо:

---

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 391.

Онъ повыигралъ во гради во Кіеви
Онъ во Кѣевѣ да всѣхъ поименно,
Онъ отъ стараго да всѣхъ до малаго [1]).

Замѣчательную аналогію представляетъ послѣдній стихъ съ выраженіемъ пѣвца Слова о полку Игоревѣ: Добрыня повыигралъ всѣхъ отъ стараго до малаго, а пѣвецъ Слова слѣдуетъ примѣру тѣхъ, кто величаетъ князей, сперва старшихъ, а потомъ младшихъ («пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ» [2]). Непосредственнымъ доказательствомъ тому, что пѣвцы-гусельники дѣйствительно величали князей (позже царей) можетъ служить разсказъ Олеарія, который еще въ первой половинѣ XVII столѣтія слышалъ въ Ладогѣ пѣвцовъ-скомороховъ, славившихъ за посольскимъ столомъ царя Михаила Өедоровича: «Въ Ладогѣ — пишетъ Олеарій — услышали русскую музыку: когда мы сидѣли за обѣдомъ, пришли двое Русскихъ съ лютней (Laute) [3]) и гудкомъ (Geige) на поклонъ къ гг. посламъ, начали играть и пѣть въ честь великаго государя и царя Михаила Өедоровича (точнѣе: «о великомъ государѣ» и т. д.) [4]).

Прославленіе царя и историческихъ лицъ встрѣчаемъ и въ малорусскихъ думахъ, напр.:

Дай, Боже, честь и хвалу
Світъ праведному Государю,
Та й Семену Палію, превеликому пану,
Що не давъ Шведу християнъ на поталу!... [5]).

Форма славленія царя, князей и бояръ, царскихъ слугъ (ср. выше славленіе дружины княжеской), сохранилась до сихъ поръ въ нашихъ святочныхъ — подблюдныхъ — пѣсняхъ, при чемъ нынѣ славленіе иногда начинается съ Бога:

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему, слава!

---

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 757. — Ср. выше стр. 43 примѣч.
[2]) Русс. достоп. III, 254.
[3]) Подъ именемъ лютни слѣдуетъ здѣсь понимать не собственно лютню, а какой-то лютнеобразный струнный инструментъ, вѣроятно домры.
[4]) Подроб. опис. путеш. въ Москов. 26.
[5]) Кулишъ. Записки о южной Руси. 1856 г. I, стр. 195.

Чтобы нашему государю не стариться, слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться, слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться, слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться, слава! и т. д.

Или:

Вился, вился ярый хмель, слава!
Около тычинки серебряныя, слава!
Такъ бы вились князья и бояре, слава!
Около царя православнаго, слава! [1]).

Въ Галицко-русской свадебной пѣснѣ находимъ возглашеніе чести и хвалы Богу, Богородицѣ, хозяевамъ дома и всѣмъ домочадцамъ, по старшинству (ср. выше стр. 45 славленіе сперва старшихъ, а потомъ младшихъ):

Встаньте бояры, встаньте!
Честь, фалу (=хвалу) Богу дайте:
На самый передъ Господу Богу,
Прысвитый Діві, господареви,
Господиноньці и кухаройці
И всімъ посполу
Що сут въ томъ дому [2]).

Въ Сербскихъ колядкахъ также провозглашается слава и честь хозяину дома и членамъ его семьи, напр.:

— Слава и част домаћину!	Слава и честь домохозяину!
Тебѣ на част господине!..	Тебѣ на честь, господинъ!..
— Слава и част домаћину!	Слава и честь домохозяину!
Тебѣ на част стара мајко! [3])	Тебѣ на честь, старая матушка!

Въ Малорусскихъ щедрівкахъ встрѣчаемъ сходное славленіе, напр.:

Славенъ, славенъ панъ Олександра,
Щедрий вечіръ!
Ой чимъ же вінъ славенъ? Трома городами,
Щедрий вечіръ!
Трома городами, своіми синами
Щедрий вечіръ! и т. д. [4]).

---

[1]) Снегиревъ. Русскіе простонародные праздники. II, стр. 70, 79. — Ср. Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III: «Пѣсни подблюдныя».
[2]) Pauli. Pieś. ludu rusk. w Galic. I, 83.
[3]) Караџић. Српске народне пјесме. I, стр. 115, 116.
[4]) Кулишъ. Зап. о юж. Руси. I, 196.

Форма славленія въ приведенныхъ русскихъ (и сербскихъ) святочныхъ пѣсняхъ близко сходна съ заключительнымъ славленіемъ князей и дружины въ Словѣ о полку Игоревѣ (ср. выше стр. 43); таковымъ же было вѣроятно въ общихъ чертахъ и обычное величаніе князей въ пѣсняхъ скомороховъ-гусельниковъ (ср. стр. 42: выраженія былинъ: «славу» или «славы́ поютъ»).

Кромѣ провозглашенія славы, хвалы, чести, въ народной литературѣ нерѣдко встрѣчается величаніе того или другаго лица, посредствомъ лестныхъ для него сравненій съ небесными свѣтилами, зарей, маковымъ цвѣтомъ и т. п.,— сравненій, вѣроятно также примѣнявшихся въ величальныхъ пѣсняхъ старинныхъ пѣвцовъ-гусельниковъ. Такъ въ русскихъ колядкахъ весьма распространена твердо установившаяся форма славленія хозяина дома и его семьи, посредствомъ уподобленія ихъ солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ, напр.:

Великорусс.: На дворѣ у него (Устина, хозяина) да три терема:
Въ первомъ терему да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Въ третьемъ терему часты звѣзды.
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ (т. е. самъ Устинъ),
Что красное солнце, то Улита (жена) его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки [1]).

Малорусс.: Ясный мисяць—самъ господарь,
Ясне сонце—його жинка,
Яснее зиркы—його дитки [2]).

Бѣлорусс.: Ясенъ мѣсяцъ—панъ Иванъ,
Красно соунце—яго жана,
Дробны звѣзды—яго дзѣтки [3]).

Хозяинъ обыкновенно сравнивается съ мѣсяцемъ, а хозяйка—съ солнцемъ; но иногда сравненіе дѣлается и наоборотъ, напр.:

---

[1]) Абевега русскихъ суевѣрій. 1786 г. Стр. 224.
[2]) Метлинскій. Народныя южнорусскія пѣсни. 1854 г. Стр. 342.
[3]) Шейнъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни. 1874 г. Стр. 43.

Великорусс.: Красно солнце—то хозяинъ въ дому...,
Свѣтелъ мѣсяцъ—то хозяйка въ дому... [1]).

Нельзя не замѣтить, что точно такое же величаніе встрѣчается и въ былинахъ и сказкахъ русскихъ, гдѣ князь Владиміръ нерѣдко называется солнышкомъ, ласковымъ солнцемъ, краснымъ солнцемъ, напр.:

Отъ того ли отъ солнца Владиміра...,

или:

«Солнышко ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!»

или:

«Гой еси, государь ты мой батюшка,
Ласково солнце, Владиміръ князь!»

или:

Запечаловалъ князь Владиміръ,
Красное солнышко, свѣтъ Святославьевичъ [2]).

Въ словѣ о полку Игоревѣ встрѣчается сходное сравненіе героя поэмы съ солнцемъ на небѣ:

Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ Русской земли [3]).

Приведу еще нѣсколько примѣровъ величанія того или другаго члена хозяйской семьи въ колядкахъ:

Малорусс.: У нашого пана хороша пани (=хозяйка)
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть (=восходитъ),
По синьцямъ ходыть, якъ заря сходыть.

Или:

А въ тій світлыци стоитъ Орышечка (=хозяйская дочь),
Убиралася, то-жъ и наряжалася;
До церкви пошла, якъ зоря війшла,
У церковь війшла, и засіяла.
Тамъ паны стоялы да іи пыталы:
Чы ты царивна, чы короливна?... [4]).

Великорусс.: Какъ у мѣсяца золоты рога,
А у солнышка очи ясные,

---

[1]) Снегиревъ. Русс. прост. праздн. II, 67.

[2]) Гильфердингъ. Онеж. был. 1261.—Рыбниковъ. Пѣсни. I, 143. Ср. II, 13, 30 и др.—К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 134, 249.—Сахаровъ. Пѣсни русс. нар. 1839 г. Ѵ. Примѣч. 1-е къ былинамъ, стр. 396.

[3]) Русс. Достоп. III, 252.

[4]) Метлинскій. Южнорусс. нар. пѣс. 331, 332.—Ср. Радченко. Сборникъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ народныхъ пѣсень Гомельскаго уѣзда. I. Колядная № 28.

У Степанушки (хозяйскаго сына) кудри русы
По плечамъ лежатъ,
Точно жаръ горятъ [1]).

Въ заключеніе, какъ дальнѣйшій примѣръ народнаго славленія, приведу еще свадебную величальную пѣсню, исполняемую въ честь свата:

Слышишь ли, чуешь ли,
Петръ свѣтъ Даниловичъ?
Мы тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ мы честь воздаемъ.
Какъ бѣлый сыръ на блюдѣ лежитъ,
Что сахарный кусъ на тарелочкѣ,
Какъ маковъ цвѣтъ въ огородѣ стоитъ,
То сватушка нашъ за столомъ сидитъ [2]).

Повторяю, что о величаніи и славленіи царей, князей, бояръ и хозяевъ, въ старинныхъ пѣсняхъ скомороховъ, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по приведеннымъ примѣрамъ изъ русскихъ былинъ и народныхъ пѣсень, вѣроятно въ данномъ отношеніи близко сходствующихъ съ величальными пѣснями скомороховъ.

Чудные разсказы про далекія мѣста, «игра изъ за моря» [3]), чудныя повѣствованія «про старыя времена и про нынѣшни и про всѣ времена доселюшни», про странствованія и подвиги богатырей (позже—про дѣянія князей, царей) [4]), про собственное рожденіе, собственные разъѣзды и похожденія пѣвца въ далекой чужбинѣ [5]), величаніе и славленіе князей и бояръ, «отъ стараго до малаго»—вотъ очевидно главное содержаніе «тонцевъ великихъ» въ игрѣ старинныхъ пѣвцовъ-гусельниковъ, «игры великой», которая вызывала такой восторгъ и удивленіе въ слушателяхъ и такъ щедро награждалась княземъ.

---

[1]) Владимірскія Губ. Вѣдом. 1860 г. № 8.

[2]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 156.

[3]) Про Царьградъ, Іерусалимъ, Сарацинскую землю, Волынское море, Новгородъ, Москву, Черниговъ и др.

[4]) Ср. былины: «Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ», «Илья Муромецъ и Идолище», «Три поѣздки Ильи Муромца», «Добрыня и Маринка», «Добрыня и змѣй», «Добрыня и Алёша Поповичъ» и т. п. изъ Владимірова цикла; позже героями былинъ сдѣлались Грозный Царь Иванъ Васильевичъ, Ермакъ Тимофеевичъ, Гришка Отрепьевъ, Царь Алексѣй Михайловичъ, Царь Петръ, Стенька Разинъ и др.

[5]) Ср. повѣствованія «о рожденьицѣ», «похожденьицѣ», «разъѣздахъ Добрыниныхъ» въ былинѣ о Добрынѣ.

Историческія свидѣтельства о княжескихъ придворныхъ музыкальныхъ искусникахъ, начиная съ конца XI и до конца XV столѣтія, почти вовсе умолкаютъ. Упоминается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1241 года лишь вскользь о какомъ-то знаменитомъ пѣвцѣ Митусѣ, не захотѣвшемъ изъ гордости служить князю Даніилу[1]). Затѣмъ сохранились лишь извѣстія о забавахъ князей охотою на дикихъ звѣрей, о пирахъ, продолжавшихся до глубокой ночи и которыми обыкновенно ознаменовывались брачныя торжества. Мы знаемъ далѣе, что митрополитъ Кириллъ (XIII в.) упрекалъ ростовскаго епископа Игнатія за то, что онъ ѣлъ, пилъ и веселился съ княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ; но въ чемъ именно заключалось это веселье, и вообще, забавлялись ли музыкой князья съ конца XIII до конца XV вѣка, никакихъ свѣдѣній не существуетъ. О великомъ князѣ Литовскомъ Ольгирдѣ (XIV вѣка) лѣтописецъ выражается съ особой похвалой: «премудръ бѣ зѣло... и воздержаніе имаше веліе... потѣхи и игранія и прочихъ таковыхъ не внимаше» [2]), изъ чего нетрудно заключить, что другіе князья того времени внимали играмъ и потѣхамъ. Неупоминаніе о музыкальныхъ забавахъ не значитъ, однако еще, чтобы ихъ совсѣмъ не было, тѣмъ болѣе, что съ конца XV столѣтія появляются извѣстія о царскихъ музыкальныхъ потѣхахъ, въ которыхъ, рядомъ съ отечественными, выдаются уже иноземные искусники-инструменталисты. Такъ въ царствованіи Іоанна III, въ 1490 г., выписанъ былъ, вмѣстѣ съ другими иностранными художниками, органный игрецъ. При царѣ Іоаннѣ Грозномъ были въ Москвѣ нѣмецкіе музыканты, прибывшіе съ другими иноземными мастерами, но дѣятельность ихъ прошла безслѣдно: сохранилась лишь запись о нѣсколькихъ нѣмецкихъ музыкантахъ въ одной изъ нѣмецкихъ церковныхъ книгъ въ Москвѣ[3]). При царѣ Ѳедора Іоанновичѣ прибываютъ изъ заграницы органы и клавикорды съ соотвѣтствующими музыкантами; при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ къ нимъ при-

---

[1]) Полн. собр. русс. лѣт. II, 180.

[2]) Древній лѣтописецъ. 1747. г. I, 167.

[3]) Stählin. Nachrichten von der Musik in Russland, въ Haigold's Beylagen zum neu veränderten Russland. 1770. II, S. 75.

соединяются скрипотчики и цимбальники; а въ частныхъ домахъ появляются на вечеринкахъ игроки на лирахъ. Подробнѣе объ этихъ музыкантахъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Въ тоже время находимъ и свидѣтельства о бахаряхъ, въ теченіи XVI и XVII столѣтій, къ которымъ въ XVII вѣкѣ присоединяются и домрачеи. И тѣ и другіе служили очевидно представителями, въ позднѣйшее время, разсмотрѣнной выше «великой игры». Одною изъ любимыхъ русскихъ комнатныхъ утѣхъ въ долгіе осенніе и зимніе вечера и особенно для грядущихъ ко сну, замѣчаетъ г. Забѣлинъ, была сказка и по всему вѣроятію не въ спеціальномъ ея значеніи, какое опредѣлила ей наука, а вообще въ значеніи всякой повѣсти, какъ небылицы, такъ и дѣйствительной были, обставленной только поэтическими образами и сказываемой поэтическимъ словомъ. Сказка въ такомъ болѣе широкомъ смыслѣ слова отождествляется съ тѣми баснями, противъ баянія, т. е. сказыванія или пѣнія которыхъ возвышали свой голосъ, какъ противъ скоморошескаго искусства вообще, духовные писатели XIII вѣка: «иже басни баютъ и въ гусли гудутъ», «плясаніе... и басни бающе»; выраженія эти мы встрѣтили уже выше (стр. 41) и сравнили это «баяніе басней» съ «замышленіемъ Бояновымъ», съ повѣствованіемъ древними скоморохами фантастическихъ, баснословныхъ разсказовъ. Бахари были очевидно такими баятелями басень, сказителями сказокъ. Нѣмцы, описывая монашескую жизнь царя Ивана Васильевича въ Александровской слободѣ, говорятъ, между прочимъ, что послѣ вечерняго богослуженія, царь уходилъ въ свою спальню, гдѣ его дожидались трое слѣпыхъ старцевъ (бахарей); когда онъ ложился въ постель, одинъ изъ старцевъ начиналъ говорить сказки и небылицы и когда уставалъ, то его смѣнялъ другой и т. д. Царь отъ этого скорѣе и крѣпче засыпалъ. У царя Василія Шуйскаго былъ бахарь Иванъ. Въ первые годы царствованія Михаила Θеодоровича баяли басни, въ качествѣ государевыхъ бахарей, Климъ Орефинъ, Петръ Сапоговъ и Богданъ Путята. Не только въ царскихъ

хоромахъ, но и въ каждомъ зажиточномъ русскомъ домѣ бахарь былъ въ старину необходимымъ лицомъ. Должность бахарей состояла въ томъ, чтобы, когда боярину скучно, или когда онъ ляжетъ въ постель, сказывать ему сказки, повѣсти, прибаутки, чтобы боярина или развеселить, или усыпить. У старозавѣтныхъ людей и въ началѣ нашего столѣтія бахарь-сказочникъ бывалъ еще необходимымъ членомъ домашняго препровожденія времени [1]). Бахари, въ отличіе отъ праотцевъ своихъ—гусляровъ, сказывали (или распѣвали?) свои повѣствованія уже безъ сопровожденія музыкальнаго инструмента. Въ одной изъ бѣлорусскихъ колядокъ «бахорь» изображается лѣнивцемъ въ домашнемъ быту, какъ и подобаетъ профессіональному разсказчику и краснобаю:

> Поѣхау бахорька по дрова, по дрова,
> А яго сѣкира тупа, тупа,
> А яго кобыла лѣнива, лѣнива.
> Не стали дрова рубиться, рубиться,
> Та задумау ёнъ жениться, жениться,
> Щобъ за дѣтками лѣниться, лѣниться [2]).

Вмѣстѣ съ бахарями въ памятникахъ временъ Михаила Ѳедоровича упоминаются домрачеи, т. е. пѣвцы, сопровождавшіе свои пѣсни звуками домръ. Имена домрачеевъ встрѣчаются въ документахъ первой половины XVII вѣка. Съ 1614 г. находимъ имя домрачея Богдана Путяты, въ 1626 г. во время свадебнаго праздника царя Михаила Ѳедоровича тѣшили его, между прочимъ, домрачеи Андрюшка Ѳедоровъ да Васька Степановъ. Затѣмъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII вѣка въ дворцовой потѣшной палатѣ являются уже домрачеи слѣпые: Гаврило («потѣшникъ домрачей»), Яковъ, Лукьянъ Никифоровъ, Наумъ, Петръ («игрецы домрачеи»), дѣйствовавшіе преимущественно на царицыной половинѣ и получавшіе, по приказанію царицы, деньги, то въ награду, то на домерныя струны. Искусство бахаря и домрачея соединялось иногда въ одномъ лицѣ. Такъ упо-

---

[1]) Забѣлинъ. Дом. бытъ русс. царицъ. 433, 438 и сл.—Энциклопедическій Лексиконъ. 1836 г. Т. V: «бахарь».

[2]) Безсоновъ. Бѣлорусскія пѣсни. 1871 г. I, стр. 84. Бахорь, у бѣлоруссовъ, по объясненію проф. Безсонова, значитъ: балагуръ, шутъ; волокита; баятель, обаятель; вѣдунъ, дѣдъ.

мянутый выше Богданъ Путята называется то бахаремъ, то домрачеемъ. Независимо отъ бахарей и домрачеевъ тѣшили Михаила Ѳедоровича и гусельники: гусли, слѣдовательно, еще не совсѣмъ утратились изъ употребленія народныхъ пѣвцовъ и сказителей, но, на сколько возможно судить по имѣющимся скуднымъ свѣдѣніямъ, въ значительной степени уступили мѣсто домрамъ. Г. Забѣлинъ высказываетъ весьма правдоподобное предположеніе, что бахарь, домрачей и гусельникъ были представителями художественной литературы, свойственной потребностямъ и вкусамъ вѣка. Это были, по выраженію его, «поэты, если и не творцы, за то хранители народнаго поэтическаго творчества. Но не можемъ сказать, прибавляетъ г. Забѣлинъ, что они не были и творцами, ибо есть положительныя свидѣтельства, что народная мысль не только свято хранила поэтическую память о минувшемъ, но съ живостью воспринимала и поэтическіе образы современныхъ событій. Въ этомъ отношеніи для насъ неоцѣнимы пѣсни, записанныя у одного англичанина въ 1619 г. Онѣ воспѣваютъ событіе только что совершившееся въ томъ году, пріѣздъ въ Москву изъ плѣна государева отца, Филарета Никитича; онѣ поютъ смерть недавняго народнаго героя Скопина-Шуйскаго (1610 г.), онѣ поютъ участь царевны Ксеніи Годуновой. (См. у Кирѣевскаго. Пѣсни. VI, 202, 203, 207). Мы можемъ основательно полагать, что это только незначительныя крохи того, чѣмъ обладало наше старинное пѣснотворство» [1]). Въ послѣдствіи на мѣстѣ домрачеевъ и гусельниковъ встрѣчаемъ какъ при дворѣ, такъ въ особенности въ русскихъ знатныхъ домахъ, вошедшихъ въ моду въ XVIII вѣкѣ малорусскихъ бандуристовъ, о которыхъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Вѣроятно сходны съ серьезными пѣснями только что разсмотрѣнныхъ бахарей, домрачеевъ и гусельниковъ были пѣсни, въ одной изъ позднѣйшихъ былинъ именуемыя царскими: въ былинѣ «Молодецъ и Королева» русскій молодецъ попадаетъ въ плѣнъ къ Шведскому королю; отведенный въ конюшню,

[1]) Забѣлинъ. Дом. бытъ русс. царицъ. 434—435, 439—440.

Запѣлъ молодецъ пѣсни царскія,
Пѣсни царскія, пѣсни умильныя [1]).

Плѣнительныя пѣсни, которыя поетъ райская птичка надъ чудесной кроватью, снаряженной царемъ Васильемъ Окульевичемъ, для прельщенія прекрасной царицы Саламоніи, называются также «царскими»:

На той на орленой грядочкѣ
Сидитъ птицынка райская,
Поетъ-то пѣсенки царскія [2]).

Пѣсни царскія, пѣсни умильныя (ср. «пѣсню заунывную») плѣннаго молодца напоминаютъ Добрынину «игру по унывьнему, по умильнему», его «игру великую», Садкову «игру нѣжную», доставившія князю Владиміру «утѣхи нѣжныя», царю морскому—«утѣхи великія» (ср. выше стр. 29, 30).

бб. Игроки непрофессіональные. Дружинники. Добрыня Никитичъ. Ставръ Годиновичъ. Соловей Будиміровичъ. Садко. Разные игроки-любители.

Приписывая стариннымъ скоморохамъ-гусельникамъ («игрецамъ», «веселымъ молодцамъ») созданіе разсмотрѣнной выше «великой игры», воспоминаніе о которой сохранилось въ устахъ нашихъ сѣверныхъ сказителей былинъ,— игры, заключавшейся въ пѣніи, при звукахъ гуслей, пѣсень, дошедшихъ до насъ, разумѣется не безъ измѣненій, въ образѣ нынѣшнихъ былинъ, нельзя однако не замѣтить, что не одни скоморохи, т. е. игроки по профессіи, должны считаться представителями этой игры: рядомъ съ профессіональными гусельниками упоминаются въ былинахъ и пѣвцы-любители изъ среды знатныхъ особъ княжескихъ и боярскихъ родовъ, частью группировавшіеся около вели-

---

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 1321. — Въ одномъ изъ пересказовъ былины «Князь Волконскій и Ваня ключникъ», родственной по содержанію съ былиной «Молодецъ и Королева», Ваня (соотвѣтствующій «молодцу») восклицаетъ:

Ну подайте мнѣ гусельки звончатые,
Заиграю я пѣсню заунывную.

(Кирѣевскій. Пѣсни. V, 137).

[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 280.

кокняжескаго престола — витязи-дружинники, частью стоявшіе самостоятельно, сами образуя центры кружковъ, называемыхъ въ былинахъ дружинами. Такими пѣвцами быля упоминаемые въ былинахъ: Добрыня Никитичъ, Ставръ Годиновичъ, Соловей Будиміровичъ, наконецъ Садко, сдѣлавшійся изъ простаго гусельника богатымъ гостемъ.

Добрыня

во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ поетъ и играетъ въ образѣ скомороха, въ который онъ нарядился, чтобы неузнаннымъ войдти на свадебный пиръ. Онъ поетъ не только не хуже всякаго профессіональнаго игреца, но даже искусство его превосходитъ скоморошескую игру: всѣ на пиру, даже игроки-скоморохи, пріумолкли и заслушались, когда заигралъ Добрыня,

Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
На бѣлоемъ игры не видано [1]).

Добрыня и «до своего странствованія занимался игрой», у него дома «гусельки яровчаты» лежатъ

Въ новой горенкѣ всѣ на столикѣ,

или висятъ

Во глубокомъ погребѣ на гвоздикѣ.

По одному изъ пересказовъ былины о Добрынѣ, гусли введены были даже въ лукъ, изъ котораго онъ стрѣлялъ:

Въ тотъ тугій лукъ разрывчатый, въ тупой конецъ,
Введены были гуселышки яровчаты [2]).

Изъ другаго пересказа видно, что Добрыня своей игрой на гусляхъ славился и до появленія въ одеждѣ скомороха: когда заигралъ Добрыня-скоморохъ, дивились игрѣ его цари и царевичи, короли и королевичи,

Еще не было молодаго гусельщика
Супротивъ Добрынюшки Микитица,

---

[1]) Ср. выше стр. 29.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 135, 143, 158.

Ай находится молодой гусельщичокъ (т. е. самъ же Добрыня)
Ёнъ не хуже да Добрыни добра молодца [1]).

Добрыня, по словамъ былинъ, былъ витязь, богатырь. Самое рожденіе его ознаменовывается чудеснымъ движеніемъ стихій. Не туча тучится, говоритъ былина, не теменье темнится, выбѣгало звѣрей стадо, въ томъ стадѣ левъ, а шерсть у льва золоченая, —

Крыцялъ лёвъ по звѣриному,
Поссыпались тутъ круты-красны берёжоцки,
Смутиласе мать Нѣпра-рѣка:
Заслышали рожденьицё Добрынино.
Дакъ въ тоё время родился Добрыня кнезь [2]).

Въ другомъ мѣстѣ описывается пріѣздъ Добрыни въ Кіевъ: онъ ѣдетъ «издалеча» со слугою своимъ Таропомъ, пріѣзжаетъ ко двору Владимірову, остается здѣсь нѣсколько лѣтъ, а потомъ отправляется «погулять»; вслѣдъ за тѣмъ начинаются разныя его похожденія и подвиги:

Издалеча, издалеча во чистомъ полѣ,
Какъ далѣе того на Украйнѣ,
Какъ ѣдетъ поѣдетъ добрый молодецъ,
Сильный могучъ богатырь Добрыня.
А Добрыня вѣдь-то братцы Никитьевичъ,
А съ нимъ вѣдь ѣдетъ Таропъ слуга.

(Добрыня прибываетъ въ Кіевъ ко двору Владиміра:)

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго осударь князя Владиміра,
Три года Добрынюшка стольничалъ,
Онъ стольничалъ чашничалъ девять лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ...

Въ качествѣ богатыря, онъ рубитъ Чудь, Сорочину долгополую, Черкесъ, Калмыкъ съ Татарами и пр., убиваетъ Змѣя Горынчища, побораетъ бабу Горынкину и т. п. [3]). Свое рожденіе, свои похожденія и разъѣзды Добрыня вос-

---

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 1030.
[2]) Кирѣевскій. Пѣсни. II, 11.
[3]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. XII, 41, 134 и сл., 240 и сл., 251 и сл.

пѣваетъ на неоднократно упомянутомъ выше пиру, въ роли скомороха. Онъ удивляетъ и восхищаетъ слушателей своей игрой, но уже и раньше, въ качествѣ дружинника, онъ славился въ этомъ отношеніи какъ великій мастеръ своего дѣла: «не было молодаго гусельщика супротивъ Добрынюшки Микитица».

Такимъ же музыкальнымъ искусникомъ былъ и другой дружинникъ,

Ставръ Годиновичъ.

Онъ выводится въ былинѣ передъ мнимымъ посломъ, подобно Добрынѣ, въ качествѣ будто бы «веселаго молодца» или «загусельщика», т. е. скомороха, но на самомъ дѣлѣ онъ бояринъ, принимающій въ началѣ былины участіе въ почестномъ пирѣ Владиміровомъ, вмѣстѣ съ прочими князьями, боярами и богатырями. Онъ попадаетъ въ немилость у князя за то, что похваляется своимъ дворомъ, гриднями и свѣтлицами, которые будто бы не хуже города Кіева, по другому пересказу—своей молодой женой. Владиміръ приказываетъ сковать Ставра боярина и посадить его «въ погреба глубокіе». На выручку мужа является его жена. Она пріѣзжаетъ ко Владиміру въ богатомъ платьѣ посольскомъ, выдаетъ себя за грознаго посла изъ Золотой Орды и требуетъ «даней, выходовъ за двѣнадцать лѣтъ». Владиміръ старается угодить послу и на вопросъ послѣдняго, нѣтъ ли у него кому въ гусли поиграть, сначала велитъ вывести «веселыхъ молодцевъ» или «загусельщиковъ», но игра ихъ не веселитъ посла. Вспоминаютъ о Ставрѣ бояринѣ:

> Старъ Ставръ сынъ Годиновичъ,
> Онъ мастеръ играть во гусли яровчаты,

или:

> Онъ гораздъ играть въ гуселышки яровчаты.

Посолъ удовлетворяется Ставровой игрой и, прощая Владиміру «дани и выходы», проситъ пожаловать его «веселымъ молодцомъ» [1]). И такъ Ставръ уже раньше, т. е. еще будучи членомъ дружины великокняжеской, извѣ-

---

¹) К. Даниловъ. Древ. росс. стих 85 и сл.—Рыбниковъ. Пѣсни. II, 101, 111.

стенъ былъ какъ мастеръ играть въ гусли, и можетъ, слѣдовательно, быть сопоставленъ съ другимъ членомъ дружины, такимъ же мастеромъ—Добрынею. Не имѣя прямыхъ, непосредственныхъ указаній былинъ на то, что Ставръ и Добрыня играли и пѣли за Владиміровымъ столомъ, въ качествѣ дружинниковъ, мы однако видимъ, что они пользовались при Владиміровомъ дворѣ большою извѣстностью, какъ искусники и мастера игры непрофессіональные, т. е., по новѣйшему выраженію, были искусными игроками-любителями; могли же при дворѣ узнать искусство ихъ не иначе, какъ по игрѣ ихъ, раздававшейся здѣсь, слѣдовательно, еще до отъѣзда изъ Кіева Добрыни и до заточенія Ставра.

Въ Несторовой лѣтописи читаемъ о «похвалѣ великой», которую дали Андрею Боголюбскому дружинники его отца послѣ войны 1149 г.: «мужи отни похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче всѣхъ бывшихъ ту». Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи говорится о «пѣснѣ славной», пѣтой князьямъ Галицкимъ Даніилу и Василію за ихъ побѣду надъ Ятвягами въ 1251 г.: «и пѣсню славну пояху има, Богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою...»[1]). Это была очевидно хвалебная пѣсня, возглашеніе славы князьямъ, какъ пѣли таковую Боянъ-гудецъ, пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ[2]), пѣвцы-гусельники или веселые молодцы, величавшіе князя (или царя, или боярина, хозяина). Въ первомъ изъ только что приведенныхъ свидѣтельствъ возгласителями похвалы или славы прямо называются дружинники; можетъ быть то же самое имѣло мѣсто и по отношенію къ князьямъ Даніилу и Василію, — лѣтопись умалчиваетъ о томъ, кто именно пѣлъ имъ «пѣснь славну». Славу князьямъ дѣйствительно могли воспѣвать дружинники, между которыми бывали столь искусные, прославленные игроки и пѣвцы, какъ воспѣтые въ былинахъ Добрыня и Ставръ. Оба послѣдніе умѣли величать и славить, какъ видно изъ бы-

---

[1]) Полн. собр. русс. лѣт. I, 140; II, 187.

[2]) «Слово», хотя и есть произведеніе литературное, книжное, тѣмъ не менѣе въ заключительномъ славленіи князей и дружины слѣдуетъ примѣру, подлаживается подъ тонъ пѣвцовъ-славельщиковъ, которые, среди веселія, по поводу возвращенія изъ похода Игоря, величаютъ князей, «сперва старшихъ, а потомъ младшихъ».

линъ: Добрыня «повыигралъ» всѣхъ, отъ стараго до малаго, а Ставръ «величалъ князя со княгинею» (ср. выше стр. 43, 45). — Въ позднѣйшемъ памятникѣ — «Задонщинѣ»—складъ дружинной поэзіи, прославлявшей князей, по замѣчанію г. Хрущова[1]), обозначенъ выраженіемъ «гусельныя словеса»: «Той бо вѣщій Боянъ, воскладая свои златыя персты на живыя струны — читаемъ въ названномъ памятникѣ — пояше славу Русскымъ княземъ..., восхваляя ихъ пѣсньми и гуслеными буйными словесы. Азъ же восхвалю пѣсньми и гуслеными словесы господина Русскаго, господина князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича»[2]).

Подобнымъ же, какъ Добрыня и Ставръ, непрофессіональнымъ гусельникомъ является въ былинахъ и прибывающій въ Кіевъ изъ заморскаго города Леденца, на своихъ корабляхъ, съ цѣлью свататься на княженецкой (Владиміровой) племянницѣ, Запавѣ Путятишнѣ, богатый и знатный гость,

Соловей Будиміровичъ.

Чудная игра Соловья описывается въ тѣхъ же стереотипныхъ выраженіяхъ, которыя примѣняются сказителями былинъ ко всѣмъ вообще искуснымъ гусельникамъ (ср. выше стр. 30 и сл.); новой чертой оказывается лишь то, что Соловей то увеселяетъ игрой свою матушку, то самъ забавляется со своею дружиною:

Играетъ Соловей въ звончаты гусли...,
Звеселяетъ государыню онъ матушку,
Молоду Ульяну Васильевну.

---

[1]) О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. 1878 г. Стр. 209.

[2]) Извѣстія II отд. Имп. Акад. Наукъ. VI, 345.—Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1242 г. (Полн. собр. русс. лѣт. VII, 151) читаемъ о пѣніи славы князю Александру, при возвращеніи его въ городъ Псковъ, послѣ побѣды его надъ Нѣмцами и Чудью: «яко же приблизися великій князь Александръ къ граду Пскову, и срѣтоша его съ кресты игумени и попове въ ризахъ и народъ многъ предъ градомъ, поющи Господеви славу и великому князю Александру Ярославичу». Лѣтописецъ даже сообщаетъ текстъ гимна, который пѣлъ при этомъ случаѣ народъ: «Пособивый, Господи, кроткому Давыду побѣдить иноплеменника и вѣрному князю нашему оружіемъ крестнымъ, свободи градъ Псковъ отъ иноязычныхъ и отъ иноплеменникъ рукою великого князя Александра Ярославича». Здѣсь славленіе князя получило характеръ религіознаго гимна, благодарственной молитвы, въ исполненіи которой участвовали и народъ и духовенство.

Дальше сущность игры точнѣе обозначена:

Пѣсни поетъ и гусли играетъ
Младъ Соловей сынъ Будимірович.

Забава его съ дружиною описывается такъ:

Тутъ-то въ терему скачутъ-пляшутъ,
Пѣсни поютъ, въ гусли наигрываютъ.
Тутъ-то младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Со своей дружинушкой хороброей;
Онъ сидитъ Соловей на стулѣ черленоемъ,
На черленоемъ стулѣ, золоченоемъ,
Играетъ молодецъ, забавляется
Со своими дружинами хоробрыми [1]).

Въ терему пріѣзжаго знатнаго гостя идетъ пиръ, веселится его дружина, т. е. прибывшіе съ нимъ «гости корабельщики и цѣловальники любимые», скачутъ, пляшутъ, поютъ пѣсни, и среди дружины, на золоченомъ стулѣ, сидитъ и играетъ въ гусли и пѣсни поетъ самъ Соловей. И такъ, и могучій богатырь Добрыня, и бояринъ Ставръ, и знатный и богатый купецъ Соловей изображены въ былинахъ, какъ прославленные игроки.

Остается назвать еще богатаго Новгородскаго гостя

Садко,

который, правда, пока не разбогатѣлъ, былъ профессіональнымъ гусельникомъ и ходилъ играть по пирамъ (см. выше стр. 7), но, и сдѣлавшись купцомъ и разбогатѣвъ, не покинулъ своего искусства. Любовь его къ игрѣ выражается между прочимъ въ томъ, что, когда выпалъ ему жребій быть выброшеннымъ въ море, онъ еще въ послѣдній разъ, передъ смертью, хочетъ поиграть въ гусли и обращается къ своимъ людямъ:

Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гуселки яровчаты
Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гуселки не игрывати [2]).

---

[1]) Рыбниковъ Пѣсни. I, 319, 331.
[2]) Тамъ-же. I, 377.

Когда же приходится ему спускаться въ море, онъ беретъ гусли съ собой.

Создателями, представителями «веселой игры», слѣды которой сохраняются еще въ былинахъ сѣверно-русскихъ сказителей, были, слѣдовательно, кромѣ профессіональныхъ игрецовъ-скомороховъ, еще и игрецы непрофессіональные, витязи или бояре-дружинники, знатные гости и вообще одаренные талантомъ частные люди, не дѣлавшіе своего искусства предметомъ промысла, какъ скоморохи.

«Игра», т. е. пѣніе пѣсень и инструментальная игра, издавна составляла любимое занятіе частныхъ людей, подобно вышеупомянутымъ дружинникамъ и вообще знатнымъ игрецамъ, не практиковавшимъ игры въ качествѣ ремесла, но упражнявшимся въ ней какъ любители. Въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ неоднократно поется о миломъ, о женихѣ, несущемъ, налаживающемъ гусли, играющемъ на гусляхъ (иногда и на другихъ инструментахъ), о хозяинѣ дома, о молодомъ мужѣ, о пріѣзжемъ гостѣ (купцѣ), о казакѣ, о старомъ и молодомъ, играющихъ на гусляхъ, на гудкѣ, на дудкѣ, на скрипкѣ и т. п , напр.:

а) О хозяинѣ дома:

— По Дунаю по рѣкѣ
По бережку по крутому
Лежатъ гусли неналаженные,
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Коляда!
Наладить гусли
Зензевѣю Андреяновичу
Коляда!
и т. д.

б) О молодомъ мужѣ:

А у нихъ (молодыхъ) въ головахъ
Звончаты гусли лежатъ.
И кому въ гусли играть?
Играть въ эти гусли
Ефиму молодцу,
Ему тѣшить, утѣшать

Молоду свою жену
Оксиньюшку свою душу.

Или:

Подарилъ меня государь-батюшка женою,
Умною женою и разумною:
Я за гудокъ, а она за пѣсни,
Я въ гудокъ играти, а она плясати...

в) Объ удаломъ молодцѣ.

— ...Позывали удальца
. . . .
Какъ во пирѣ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть...
Заигралъ онъ во гусли
Заигралъ онъ во звончатые свои...

в) О любезномъ молодцѣ:

Идетъ любчикъ мой горой,
Несетъ гусли подъ полой.
Самъ въ гусли играетъ...

г) О старомъ и молодомъ:

Во бесѣдушкѣ сидитъ старой
Ой люли, постылой!
На колѣняхъ держитъ гусли
Ой люли, лубяные!
На гуслицахъ струны
Ой люли, мочальныя!
Старой въ гусли заиграетъ...

Отъ его игры сердце ноетъ, ноги подломились и пр.; за тѣмъ описывается игра молодаго:

Во бесѣдушкѣ сидитъ молодой
Ой люли, мой любезной!
На колѣняхъ держитъ гусли
Ой люли, звончатые!

На гуслицахъ струны
Ой люли, золотыя!
Молодой въ гусли заиграетъ...

Отъ его игры сердце радо, ноги расплясались и пр.

д) О боярахъ (свадебныхъ гостяхъ):

Бояре въ трубу трубятъ
Молодые въ золоченую.

(Ср. сказанное по поводу этой игры выше, стр. 24—25).

е) О заѣзжемъ гостѣ (купцѣ):

...Заѣзжій гость,
Онъ во дудочку игралъ,
Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ
Невѣсту себѣ.

ж) О Донскомъ казакѣ:

Ходилъ, гулялъ Донской казакъ, самъ во скрипку игралъ,
Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ выбиралъ [1]).

Въ сказкѣ объ Иванѣ Пономаревичѣ читаемъ: «Нача (сынъ пономаря) въ гусли играть преславны iгры, i удивися турской посолъ игранию тому, и красотѣ, i разуму, и премудрости». Изъ поученія митрополита Даніила усматриваемъ, что и лица духовнаго званія упражнялись въ игрѣ: «Нынѣ же суть нѣцыи отъ священныхъ, яже суть сіи пресвитеры и діакони, ѵподіакони, и чтеци, и пѣвци, глумяся, играютъ въ гусли, въ з(д?)омры, въ смыки... и въ пѣснехъ бѣсовскихъ... [2]).

Различіе исходныхъ точекъ игрецовъ-любителей: дружинниковъ и вообще лицъ, стоявшихъ на болѣе высокомъ умственномъ уровнѣ, съ одной стороны,—и игрецовъ про-

---

[1]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 17, 30, 41, 50, 97—98, 99, 179, 262; ср. 33, 96, 120 и др.—Ср. выше стр. 23: «Перенялъ гусли свѣтъ Ивановичъ,—онъ сталъ играть, во всю ночь не спать», также стр. 54: слова Вани ключника: «ну подайте мнѣ гусельки звончатые, заиграю я пѣсню заунывную».

[2]) Пам. стар. русс. лит. II, 319; IV, 201.

фессіональныхъ, снискивавшихъ себѣ пропитаніе своимъ искусствомъ или вѣрнѣе —ремесломъ,—съ другой, должно было до извѣстной степени отзываться и на характерѣ ихъ игры. Въ то время какъ игроки непрофессіональные, а также и профессіональные, проявлявшіе свое искусство при княжескихъ дворахъ, могли свободно слѣдовать высшимъ идеаламъ, игроки профессіональные непридворные, углублявшіеся въ толпу народную, отъ которой получали средства къ жизни, невольно должны были подлаживаться подъ болѣе грубые, чѣмъ въ княжескомъ кругу, вкусы и требованія массы, дѣлались въ полномъ смыслѣ слова «потѣшниками», увеселителями толпы, при чемъ естественно игра ихъ должна была принимать болѣе вульгарный, площадной характеръ, утрачивая величіе стиля игры придворной. Надо полагать, что различіе въ характерѣ игры тѣхъ и другихъ было приблизительно то же, какое представляло на западѣ искусство трубадуровъ (знатныхъ, независимыхъ пѣвцовъ-поэтовъ) съ одной стороны и жонглёровъ (игрецовъ и потѣшниковъ по ремеслу, проявлявшихъ свое искусство не только при княжескихъ дворахъ, но и на улицахъ и площадяхъ въ народѣ)—съ другой [1]). Впрочемъ, какъ видно изъ былинъ, и при великокняжескомъ дворѣ не одно величіе стиля цѣнилось въ искусствѣ игреца: едва ли не выше еще почиталось веселье игры.

г. Веселая игра.—Плясовая игра.

Князь Владиміръ особенною почестью награждаетъ Добрыню-скомороха за игру его веселую, сажая его за столъ рядомъ съ собою:

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
«Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
«Опущайся изъ печки изъ запечки,
«Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,

---

[1]) Ср. Fétis. Histoire générale de la musique. 1869—1876. T. V, p. 8, 18—19.

«Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
«За твою игру за веселую
«Дамъ тебѣ три мѣста любимыихъ:
«Перво мѣсто сядь подли меня,
«Друго мѣсто супротивъ меня,
«А третье мѣсто, куда самъ захошь».

Или:

«Ты садись-ко съ нами на почестной пиръ на золотъ стулъ,
«А въ особину гдѣ мѣсто е понравится» [1]).

Въ одномъ изъ многочисленныхъ пересказовъ былины о Добрынѣ, сей послѣднiй велитъ принести на свадебный пиръ «гуселышка яровчаты»,

Звеселить свое сердечко богатырское,

и далѣе, какъ заигралъ Добрыня въ гусли,

Звеселилъ-то онъ ласковаго князя да Владимiра..,

или:

Всихъ да на пиру и извеселилъ,
И всихъ да на пиру игрой утѣшилъ вѣдь [2]).

Поигравъ на свадебномъ пиру и приведя слушателей въ изумленiе и восторгъ, Добрыня проситъ княгиню, чтобы она поднесла ему, скоморошинѣ, чару зелена вина въ полтора ведра, примолвивъ:

«Еще повеселяе стану играть въ гусли звончатыя» [3]).

Въ другомъ пересказѣ той же былины, на Олешиной свадьбѣ

Вси въ гудки играютъ, и вси увеселяютъ [4]).

Въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ, по просьбѣ посла выпускаютъ на пиръ загусельщиковъ:

Всѣ они играютъ—все не весело..,

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 136.—Гильфердингъ. Онеж. был. 136.
[2]) Гильфердингъ. Онеж. был. 135, 136, 179, 608.
[3]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 19.
[4]) Кирѣевскiй. Пѣсни. II, 13.

или, по другому пересказу:

Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Столько (=только) не веселъ былъ грозенъ посолъ да Васильюшка.
Говоритъ какъ солнышко Владиміръ князь:
«Кто бы могъ развеселить
«Грозна Посла да Васильюшка?..»
— Развеселитъ ли одинъ старъ Ставеръ...
— Онъ мастеръ играть въ гусли яровчаты [1]).

Чурила Пленковичъ, поступивъ въ постельничьи къ князю Владиміру, имѣлъ обязанностью спотѣшать, т. е. увеселять игрою княжескую чету:

Стелетъ (Чурила) перину пуховую,
Кладываетъ зголовьице высокое,
И сидитъ у зголовьица высокаго,
Играетъ въ гуселышки яровчаты,
Спотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгиню Опраксію больше того [2])

Точно такъ и Соловей Будиміровичъ увеселяетъ игрою свою матушку:

Играетъ... въ звончаты гусли..,
Звеселяетъ государыню онъ матушку
Молоду Ульяну Васильевну [3]).

Нельзя, разумѣется, во всѣхъ только что приведенныхъ случаяхъ принимать слова: «развеселять», «увеселять» и т. п. въ буквальномъ смыслѣ,—они могутъ выражать и доставленіе художественнаго удовольствія вообще, какое давала и «великая игра» тѣхъ же гусельниковъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже очевидна склонность автора былинъ къ выраженію данными словами разгульнаго, плясоваго, близкаго къ пьяному веселья: «всѣ на пиру пьяны-веселы», невеселъ одинъ посолъ, надо его развеселить — говорится въ былинѣ, средствомъ къ тому служитъ мастерская игра стараго Ставра. Добрыня проситъ угостить его чарой вина, тогда еще повеселѣе.

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 100, 110.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 73.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 265.
[3]) Тамъ же: I, 319.

будетъ играть (ср. выше стр. 65, 66). Дуда, или волынка, одно изъ наиболѣе употребительныхъ музыкальныхъ орудій позднѣйшихъ скомороховъ, въ малорусской свадебной и бѣлорусской плясовой пѣсняхъ называется веселухой (см. ниже стр. 75). По словамъ другой малорусской пѣсни, игра на дудѣ способна разгонять горе, развеселять: дѣвушка

За три копы селезня продала,
А за копу дударика наняла:
«Заграй, заграй, дударику на дуду,
«Нехай же я своє горе забуду [1]).

Веселая, въ буквальномъ смыслѣ слова, игра естественно связывается съ пляской. Такъ въ терему, гдѣ забавляется съ дружиной и играетъ Соловей Будиміровичъ, пляшутъ и поютъ:

Тутъ-то въ терему скачутъ-пляшутъ,
Пѣсни поютъ, въ гусли наигрываютъ [2]).

Или:

Тамъ вси скачутъ, пляшутъ оны, пѣсенки поютъ,
Во музы́ки да во скрыпочки наигрываютъ [3]).

Ставрова игра увлекаетъ къ пляскѣ мнимаго посла: Ставръ натягиваетъ струночку отъ Кіева, другую отъ Царяграда и т. д., припѣваетъ припѣвочки изъ за синя моря,

Какъ сталъ тутъ грозенъ посолъ Васильюшка похаживати,
Сталъ онъ поплясывати,
Какъ сталъ да выговаривать... [4])

Садко своей игрой въ подводномъ царствѣ «спотѣшилъ» и «развеселилъ всѣхъ» на почестномъ пиру [5]); игра его прямо возбуждаетъ къ пляскѣ:

Сталъ онъ (Садко) въ гуселышки поигрывать...
Сталъ царь Водяникъ поскакивать,

---

[1]) Рубецъ. Сборникъ украинскихъ народныхъ пѣсень. Вып.III, № 9.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 331.
[3]) Гильфердингъ. Онеж. был. 287.
[4]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 101.
[5]) Тамъ же: 386, ср. 878.

А царица Водяница поплясывать,
Красныя дѣвушки хороводъ водятъ,
А мелкая четь въ присядку пошла [1]).

Или:

Беретъ онъ (Садко) гуселышки яровчаты:
Тутъ поддонный царь распотѣшился
И началъ плясать по палаты бѣлокаменной,
Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,
И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ [2]).

Въ плясовой пѣснѣ «ходила младешенька по борочку» изображается домашнее веселье, подъ звукъ инструментовъ:

У меня квартирушка веселая...
Играютъ два хлопчика на гусляхъ,
А я добрый молодецъ на скрипицѣ;
Ты будешь, душа моя, танцовати,
А я добрый молодецъ припѣвати [3]).

Бѣлорусская плясовая пѣсня воспѣваетъ дуду (волынку), какъ направительницу ногъ при пляскѣ:

Ой безъ дуды, безъ дуды,
Ходюць ножки ня туды;
А якъ дудку почуюць,
Сами ноги танцуюць [4]).

Игра въ гусли, по словамъ былинъ, приводитъ въ движеніе и стихіи: Садко-гусельникъ, соскучившись, что его не зовутъ на пиръ играть, отправляется къ Ильменю-озеру, садится на горючъ-камень и начинаетъ играть. Отъ звуковъ его игры море приходитъ въ волненіе, песокъ поднимается со дна:

Ай волна ужъ въ озерѣ какъ сходиласе,
А какъ вѣдь вода съ пескомъ топерь смутилосе [5]).

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 369.
[2]) Кирѣевскій. Пѣсни. V, 39.
[3]) Римскій-Корсаковъ. Сборн. русс. нар. пѣс. I, № 37.
[4]) Шейнъ. Бѣлорусс. нар. пѣс. 265.
[5]) Гильфердингъ. Онеж. был. 385.

Бѣсовская, по мнѣнію средневѣковыхъ, отчасти и позднѣйшихъ, христіанскихъ писателей, неотразимая сила гудьбы, т. е. игры на инструментахъ, невольно увлекающая слушателей въ пляску, изображена въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ и поученіяхъ, направленныхъ противъ ненавистной этимъ писателямъ, какъ наслѣдія язычества, музыки: въ Несторовой лѣтописи (по Лаврентьевскому списку, подъ 1074 г.) описано видѣніе великаго постника и затворника, преподобнаго Исаакія, которому явились бѣсы, снабженные музыкальными орудіями; противъ звуковъ послѣднихъ не устоялъ и самъ Исаакій: «Възмѣте сопѣли, бубны и гусли и ударяйте; атъ ны Исакій спляшеть», вскричалъ старшій бѣсъ, «и удариша въ сопѣли, въ гусли и бубны, начаша имъ играти; и утомивши и́, оставиша и́ оле жива и отъидоша, поругавшеся ему»... «Се уже прелстилъ мя еси былъ, дьяволе», воскликнулъ въ послѣдствіи Исаакій, намекая на увлекшую его въ пляску игру бѣсовскую [1]). Аналогичную картину изображаетъ одна изъ пѣсень Мензелинскаго уѣзда (Уфимской губерніи). Въ кельѣ лежитъ старица, слуга возвѣщаетъ ей, что къ обѣднѣ звонятъ, но старица не въ силахъ встать: руки и ноги у нея болятъ, перекреститься не можетъ. Во второй половинѣ той же пѣсни картина мѣняется:

Въ кельи старица лежитъ,
Передъ ней слуга стоитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Ужъ ты старица встань,
«Спасеная душа встань,
«Скоморохи вонъ идутъ,
«Всяки игры несутъ».
— Ужъ и встать то бы мнѣ,
— Поплясать-то бы мнѣ,
— Стары ноги поразмять. — [2]).

---

[1]) Полн. Собр. Русс. Лѣт. I, 82,84.—Въ житіи св. Исаакія видѣніе это описывается такъ: явились къ нему бѣсы въ видѣ прекрасныхъ юношей, «ихъ же лица бяху аки солнце», и «удариша (бѣсы) въ сопѣли, тимпаны и гусли, Исакія же поемше, начаша съ нимъ скакати и плясати на многъ часъ, и утрудивше его, оставиша еле жива суща, и тако поругавшеся ему исчезоша». (Печер. Патер. 110).

[2]) Пальчиковъ. Крест. пѣс. № 29.

Подъ игры скомороховъ немощь старицы, слѣдовательно, исчезаетъ, и она готова пуститься въ пляску.

На одной изъ народныхъ картинокъ изображены шутъ (=скоморохъ) и шутиха, оба въ шутовскихъ костюмахъ. Шутъ играетъ на волынкѣ, а шутиха, подбоченясь, танцуетъ. Въ подписанномъ текстѣ, между прочимъ, шутиха выражается объ игрѣ шута такъ: «куда мнѣ сия музыка приятна и кплесанію по ней весма задорна» [1].

Въ словѣ «о Недѣлѣ» Епископа Евсевія (XIII вѣка) изображается народное игрище въ воскресный день: взгляните въ этотъ день на игрище, говоритъ авторъ слова, «и обрящете ту овы гудущи, овы плящущи» [2]. Въ словѣ «о Русаліяхъ» описывается, какъ по улицѣ нѣкій человѣкъ «скача съ сопѣлми, и съ нимъ идяше множество народа, послушающе іего, ини же плясаху и пояху» [3]. Ниже мы встрѣтимъ описаніе неотразимаго, возбуждающаго къ скаканію и плясанію дѣйствія на толпу народную игры въ бубны, сопѣли и струны—въ посланіи Памфила (1505 г.), игры гудцевъ и скомороховъ—въ постановленіяхъ Стоглава (1551 г.).

Понятно, что искусники или потѣшники, способные такъ «взвеселять» слушателей, получили издавна характеристическое прозвище «веселыхъ людей», «веселыхъ молодцовъ» (или «ребятъ»). Есть даже основаніе полагать, что и старинные исполнители «великой игры» не гнушались «веселой игры»; напротивъ, послѣдняя служила для выраженія страстей, разгула, душевныхъ порывовъ пѣвца-гусельника, нерѣдко почерпавшаго свое веселье и вдохновеніе изъ «чары зелена вина въ полтора ведра» (ср. выше стр. 65). О томъ, какъ въ одномъ лицѣ могло соединяться искусство великой и веселой (плясовой) игры, можемъ судить, независимо отъ вышеприведенныхъ примѣровъ изъ былинъ, гдѣ названнымъ славнымъ гусельникамъ приписывается то великая, то весе-

---

[1]) Ровинскій. Русскія народныя картинки (Сборникъ отд. русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ. т. XXIII). Кн. I, стр. 317.

[2]) Срезневскій. Свѣд. и замѣт. XLI, 34.

[3]) Пам. стар. рус. лит. I, 207.

лая игра [1]), еще и по слѣдующему пересказу былины о Добрынѣ, играющемъ сперва «по унывьнему, по умильнему», а вслѣдъ за тѣмъ—«по весёлому»:

Становился тутъ Добрыня ко порогу,
Повелъ онъ по гуселышкамъ яровчатымъ,
Заигралъ Добрыня по унывьнёму,
По унывьнёму, по умильнёму.
Какъ всѣ то вѣдь ужъ князи и бояри ты,
А ты эти русiйскiе богатыри
Какъ вси они тутъ прiослушались.
За тымъ заигралъ Добрыня по весёлому;
Стало красно солнышко при вечери,
А сталъ то тутъ почестной пиръ при вéсели...
Игратъ-то всё Добрыня по весёлому,
Какъ всѣ оны затымъ тутъ розскакалисе,
Какъ всѣ оны затымъ вѣдь росплясалисе,
А скачутъ пляшутъ всѣ промежу собой [2]).

Такой же переходъ пѣвцовъ отъ серьезной или великой игры къ веселой засвидѣтельствованъ Олеарiемъ. Упомянутые имъ два ладожскiе музыканта (домрачей [?] и гудочникъ, см. стр. 45), за столомъ иностранныхъ пословъ воспѣвавшiе Государя Михаила Ѳедоровича, т. е. исполнявшiе «великую игру», когда «замѣтили, что ихъ хорошо приняли (послы), начали—по словамъ Олеарiя—выдѣлывать разныя шутки и пустились плясать (мы тотчасъ увидимъ, что скоморохи-музыканты нерѣдко въ одно и тоже время были и плясунами) всякимъ способомъ, какимъ пляшутъ у нихъ (Русскихъ) обыкновенно мужчины и женщины» [3]).

Какъ выше, на основанiи дошедшихъ до насъ въ былинахъ свѣдѣнiй о «великой игрѣ» скомороховъ-гусельниковъ, мы пришли къ заключенiю, что, по крайней мѣрѣ

[1]) Добрыня награждается Владимiромъ то за великую, то за веселую игру; Ставръ то играетъ про Царьградъ, про Кiевъ и т. п., величаетъ князя и княгиню, то своей игрой увлекаетъ посла къ пляскѣ; въ терему Соловья Будимiровича слышится его игра про Новгородъ, Ерусалимъ и проч., и тутъ же «скачутъ-пляшутъ» при звукѣ пѣсень и гусельной игры; царь морской въ одномъ случаѣ называетъ Садкову игру «нѣжной», доставляющей ему «утѣхи великiя», а въ другомъ—онъ подъ звуки Садковой-же игры пускается въ пляску со всей своей свитой.

[2]) Гильфердингъ. Онеж. был. 250.

[3]) Подроб. опис. путеш. въ Москов. 26.

отчасти, имъ можетъ быть приписываемо созданіе пѣсень-былинъ (къ которымъ мною причислены были и шуточныя былины-сказки), такъ нынѣ, послѣ только что изложенныхъ извѣстій о возбуждаемыхъ игрою скомороховъ веселье и разгулѣ, о непосредственномъ отношеніи скоморошьей игры къ пляскамъ и сопровождающимъ послѣднія плясовымъ пѣснямъ, о тѣснѣйшей связи ея съ плясовыми пѣснями, — само собою возникаетъ предположеніе, что скоморохи же были и авторами многихъ разгульныхъ и плясовыхъ пѣсень, изъ которыхъ нѣкоторыя, быть можетъ, дошли и до нашего времени. Дѣйствительно въ числѣ нынѣшнихъ веселыхъ, разгульныхъ, плясовыхъ пѣсень, мы встрѣчаемъ пѣсни, стоящія несомнѣнно въ близкой связи съ дѣятельностью скомороховъ, напр. пѣсни «о Веселыхъ» т. е. скоморохахъ, «о Гостѣ Терентьищѣ» и т. п., въ которыхъ въ юмористической формѣ и съ очевиднымъ оттѣнкомъ самодовольства воспѣваются проказы и продѣлки скомороховъ (ср. ниже); кромѣ того плясовыя пѣсни, въ которыхъ упоминается «о веселыхъ молодцахъ», строющихъ себѣ «по гудочку», — пѣсни, гдѣ вообще неоднократно говорится о волынкѣ, гудкѣ, балалайкѣ, гусляхъ, скрипкѣ, принадлежности скомороховъ-плясуновъ или скомороховъ-игроковъ для пляски, объ изготовленіи музыкальныхъ орудій и игрѣ на нихъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и нѣкоторыя изъ свадебныхъ пѣсень, въ которыхъ отразилось обрядное участіе въ свадебномъ пиршествѣ скомороховъ съ дудами, домрами и прочими музыкальными орудіями. Разумѣется, отнесеніе подобныхъ пѣсень, нынѣ распѣваемыхъ народомъ, къ эпохѣ скомороховъ, или даже одно только сближеніе ихъ со скоморошескими пѣснями, не выходитъ изъ предѣловъ простаго предположенія. Таковы напр. слѣдующія пѣсни, изъ которыхъ привожу нѣкоторые отрывки:

(Плясовая): Какъ шли прошли веселье,
Люли, люли, веселье [1]).
Два молодца удалые.
Они срѣзали (съ ракитоваго кусточка) по пруточку,
Они сдѣлали по гудочку [2]).

---

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

[2]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 87.—Мотивъ странствованія «веселыхъ молодцовъ» или «гудцовъ» и срѣзыванія ими съ дерева (ракиты, березы, явора) прутьевъ

Сходный мотивъ вплетается и въ шуточную, снабженную тѣмъ же припѣвомъ: «люли», плясовую же пѣсню, въ которой проявляется необузданная до нахальства веселость, столь свойственная скоморохамъ. Слова пѣсни влагаются въ уста молодухѣ:

Срѣжу съ березы три пруточка,
Люли, люли, три пруточка [1].
Сдѣлаю три гудочка,
Четвертую балалайку,
Стану въ балалайку играти,
Пойду на новыя сѣни,
Стану я стараго будити,
Встань мой старый—пробудися,
Вотъ тебѣ помои—умойся,
Вотъ тебѣ онучи—утрися,
Вотъ тебѣ лопата—помолися,
Вотъ тебѣ камень—удавися [2].

или срубанія дерева, чтобы сдѣлать изъ него гусли, весьма распространенъ въ пѣсняхъ какъ Русскихъ, такъ и западныхъ Славянъ, при чемъ этотъ мотивъ въ западно-славянскихъ пѣсняхъ связывается съ другимъ, миѳическимъ—предварительнымъ превращеніемъ дѣвушки въ срубаемое дерево, напр.:

(*Моравск.*:) Putovali hudci,
Tři švarni mládenci.
Putovali polem,
Rozmlúvali spolem.
Uhledli tam drěvo,
Drěvo jaborové
Na husličky dobrě...

(Sušil. Moravské národní písné. № 146.—Ср. Koželucha. Kytice z narodních písní moravskych valachův. 1874. № 46.)

(*Словацк.*:) Išli hudci horou,
Horou javorovou.
Našli drevo krásno
Na husličky hlasno...

(Slovenské spevy. vyd. priat. slov. spevov. 1880. № 53.—Ср. Kollar. Narodnie Spiewanky. 1834—1835. II, 4.)

(*Чешск.*:) Vandrovali hudci,
Dva pěkni mládenci и т. д.

(Erben. Pjsné národnj w Čechách. 1842—1845. III, 221.)

Не объясняется ли распространенность въ пѣсняхъ даннаго мотива странствованія («путованія», «вандрованія») «гудцовъ» или «веселыхъ молодцовъ», и срѣзыванія дерева на гусли, дѣйствительнымъ странствованіемъ по славянскимъ землямъ «прохожихъ скомороховъ» или «гудцовъ», изъ пѣсень которыхъ этотъ мотивъ могъ переходить въ народныя пѣсни, гдѣ и сохранился до нашего времени?

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

[2]) Римскій-Корсаковъ. Сбор. рус. нар. пѣс. I, № 39.—Ср. Сахаровъ. Сказ. рус. нар. I. III, 85.

Хороводная пѣсня, по содержанію своему близко сходная съ только что приведенной плясовой, начинается съ возгласа, обращаемаго къ волынкѣ, и притомъ съ притяжательнымъ: «моя» (волынка), чтó подаетъ поводъ думать, что авторомъ ея былъ скоморохъ-волынщикъ, хотя дальнѣйшія слова пѣсни, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, влагаются въ уста женщины, въ данномъ случаѣ—снохи:

Заиграй моя дубинка,
Заваляй моя волынка,
Любо, любо моей дочкѣ,
Заиграй моя волынка [1]).
Свекоръ съ печки свалился,
За колоду завалился.
Кабы знала, возвѣстила,
Я повыше бъ подмостила,
Я повыше бъ подмостила,
Свекру голову сломила,
За колоду завалился,
Говядиной подавился [2]).

Въ плясовой пѣснѣ, записанной г. Римскимъ-Корсаковымъ, изображается бѣгущій «по травкѣ по муравкѣ» гусельникъ—«легонькой дѣтинка»; одѣтый «не въ шубѣ, не въ кафтанѣ», а «въ полушелковомъ халатѣ», онъ

Подъ полою несетъ гусли,
Подъ правою звончатыя:
«Заиграйте мои гусли,
«Заиграйте звончатыя!...» [3]).

Своеобразно одѣтый гусельникъ, обращающійся къ «своимъ гуслямъ» (ср. выше: «моя волынка»), воспѣваемый въ плясовой пѣснѣ, представляетъ вѣроятно воспоминаніе о скоморохѣ-гуслярѣ, и самая пѣсня, воспѣвающая гусельника, подобно названнымъ выше (стр. 72) пѣснямъ о «веселыхъ», о «Гостѣ Терентьищѣ», прославляющимъ проказы и подвиги скомороховъ, можетъ быть предположи-

---

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго двустишія.
[2]) Балакиревъ. Сбор. русс. нар. пѣс. № 25.
[3]) Сбор. русс. нар. пѣс. I, № 26.

тельно причислена къ категоріи пѣсень, сближающихся съ пѣснями скомороховъ.

Слѣдующая малорусская свадебная пѣсня такъ и просится въ уста разгулявшагося скомороха-дударя, восхваляющаго потерянную свою дуду:

На поповскомъ лугу, ихъ! вохъ!
Потерявъ я дуду, ихъ! вохъ!
То не дудка была, ихъ! вохъ!
Веселуха была, ихъ! вохъ! [1]).

Въ родственной бѣлорусской плясовой пѣснѣ, гораздо шире развитой, повторяется тотъ же мотивъ: У отца три сына,—первый пасетъ овецъ, второй плететъ «ходаки» (обувь), а третій—дударь. Послѣдній поетъ, подобно малорусскому дударю предыдущей пѣсни:

Якъ повѣсиу я дуду
Да й на зеленомъ лугу,
Моя дудка звалилася,
На кусочки разбилася.
Чи ня дудка была,
Вяселушка была,
Вяселила меня
На чужой сторонѣ [2]).

д. Скоморохи плясуны.

Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ видно, что скоморохи на пирахъ и собраніяхъ играли на инструментахъ, пѣли, нерѣдко возбуждая своей «веселой игрой» присутствующихъ къ пляскѣ. Упоминаемая и порицаемая въ старинныхъ памятникахъ «плясба» на пирахъ и свадьбахъ, разумѣется, происходила подъ звуки скоморошьей игры и плясовыхъ пѣсень: «плясаніе» на пирахъ нерѣдко называется вмѣстѣ съ «играніемъ» и «гуденіемъ». «Играніе

[1]) Рубецъ. Сбор. укр. нар. пѣс. III, № 2.
[2]) Шейнъ. Бѣлорусс. нар. пѣс. 265.

и плясаніе и гуденіе входящемь въстати всемъ (со стола), да не осквьрнять имъ чувьсва видѣніемь и слышаніемъ», предписывается іерейскому чину въ посланіи Іоанна митрополита русскаго [1]). Кириллъ Туровскій вооружается противъ плясанія на пиру, и на свадьбахъ, и въ павечерницахъ, и на трапезахъ, и на улицахъ [2]). О пирѣ съ плясаніемъ и смѣхомъ говорится въ уставѣ «о велицемъ постѣ» (въ Дубенскомъ сборникѣ правилъ и поученій XVI в.), а въ правилахъ «отъ Левгитика» (изъ того же сборника) читаемъ: «крестіаномъ позваномъ бывшимъ на бракъ не подобаетъ плескати (=бить въ ладони или рукоплескать) или плясати» [3]). Душою большинства этихъ плясокъ, а равно и плясовыхъ увеселеній, о которыхъ упоминается въ выписанныхъ раньше (стр. 70) свидѣтельствахъ, были, разумѣется, скоморохи, необходимые участники пировъ и свадебныхъ торжествъ, нерѣдко сами пускавшіеся въ скачъ и въ пляску. Я упомянулъ выше (стр. 10) о древней фрескѣ Кіевско-Софійскаго собора, на которой изображены пляшущіе музыканты (одинъ играющій на флейтѣ, другой — на тарелкахъ). Въ словѣ о русаліяхъ говорится о человѣкѣ, скакавшемъ съ сопѣлми, т. е. о плясавшемъ сопѣльникѣ (музыкантѣ) или скоморохѣ. Въ повѣсти «о пляшущемъ бѣсѣ» (XVI в.) старецъ разсказываетъ, что видѣлъ «отрока въ скомрашь одежи», т. е. одѣтаго скоморохомъ, который передъ нимъ «нача плясати» вопрошая его: «старче! добро-ли я пляшу?» [4]). Симеонъ Юродивый, котораго, по словамъ жизнеописанія его (по рукоп. XIV в.), граждане называли игръцомъ, т. е. скоморохомъ, плясалъ на игрищѣ [5]). По опредѣленію Домостроя (XVI в.), дѣло скомороховъ — «плясаніе и сопѣли, пѣсни бѣсовскія» [6]). Плясцы, свирѣльники, гусельники и смычники упоминаются Паладіемъ мнихомъ; плясуны и волынщики называются рядомъ, въ качествѣ грѣшниковъ, въ русскихъ духовныхъ стихахъ [7]); о пѣсняхъ плясцовъ

---

[1]) Русск. достопам. I, 95.
[2]) Пам. росс. слов. XII в. 94.
[3]) Срезневскій. Свѣд. и замѣт. LVII, 312, 313.
[4]) Пам. стар. рус. лит. I, 202, 207.
[5]) Срезневскій. Древніе славянскіе памятники юсоваго письма. 222.
[6]) Гл. 26.
[7]) См. у Веселовскаго. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. п, 197.

и скомороховъ говорится въ Стоглавѣ [1]). Князь Даніилъ фонъ Бухау, бывшій въ Москвѣ, въ качествѣ посла отъ императора Максимиліана II, въ царствованіе Іоанна Грознаго, описывая московскіе нравы, говоритъ, что на свадьбахъ юношамъ не дозволялось водить, взявшись за руки, хороводы вмѣстѣ съ дѣвушками, такъ какъ это подавало бы поводъ къ разжиганію страстей: «одни только гистріоны (histriones, т. е. скоморохи), выгоды ради, исполняли публично нѣкоторыя пляски съ нелѣпыми тѣлодвиженіями» [2]). Кельхъ разсказываетъ, что на происходившей въ Москвѣ свадьбѣ Магнуса Голштинскаго съ русской княжной Маріей (въ 1573 г.) присутствовалъ самъ царь Иванъ Васильевичъ, который былъ очень веселъ и, въ честь нѣмецкихъ гостей, устроилъ разнообразныя и отчасти срамныя пляски (vielerley und eines theils schändliche Täntze anstellte, т. е. вѣроятно велѣлъ плясать скоморохамъ) [3]). О пляскахъ въ «машкарахъ» (т. е. въ маскахъ), которымъ предавался, вмѣстѣ со скоморохами, царь Іоаннъ Васильевичъ, свидѣтельствуетъ князь Курбскій [4]). При великокняжескихъ дворахъ русскихъ встрѣчаются и спеціальныя плясицы, представлявшія собою одинъ изъ видовъ скоморошества [5]). Вечеринки московскихъ жителей, по словамъ Маскѣвича (1611 г.), оживлялись плясками и кривляніями шутовъ («блазней») [6]). О пляскахъ скомороховъ говорится и въ Наказной памяти патріарха Іоасафа (1636 г.): «повелѣвающе... скомрахомъ... руками плескати и плясати» [7]). Ладожскіе музыканты-скоморохи, упоминаемые Олеаріемъ (см. выше стр. 71), сперва славили царя, а потомъ пустились плясать. Тотъ же авторъ говоритъ о безстыдныхъ пляскахъ странствующихъ русскихъ коме-

---

1) Гл. 93.

2) D. Prinz a Buchau. Moscoviae ortus et progressus, въ Scriptores rerum Livonicarum. II (1853). Pag. 723.

3) Kelch. Liefländische Historia. 1695. S. 311.

4) Сказанія. 81.

5) Въ описаніи выхода великой княгини Елены (супруги в. кн. Василія Іоанновича) съ невѣстой великокняжескаго брата (князя Андрея Іоанновича) читаемъ: «И какъ великая княгиня сошла къ великому князю, и передъ нею шли плясицы». (См. у Соловьева. Ист. Росс. V, 476 пр. 395.)

6) Сказ. соврем. о Димитр. Самозв. V, 61.

7) Акт. (арх. эксп.) Ш, № 264.

діантовъ, т. е. скомороховъ[1]). Въ словѣ «о корчмахъ и пьянствѣ» говорится объ игрецахъ съ гуслями, скрипѣлями и др. музыкальными орудіями, играющихъ, бѣсящихся, скачущихъ и поющихъ пѣсни[2]). Въ словѣ о вѣрѣ христіанской и жидовской (по редакціи XVIII в.) скоморохъ, побѣдившій въ преніи жидовскаго философа, «нача плясати и играти»[3]). На одной изъ народныхъ картинокъ представляются плясунъ и скоморохъ, собственно—два скомороха: одинъ пляшущій, а другой играющій на волынкѣ[4]). Въ пѣснѣ о «Веселыхъ» т. е. скоморохахъ, дѣятельность ихъ изображается такъ:

Ай одинъ началъ играть,
А другой началъ плясать[5]).

Наконецъ, народныя русскія поговорки: «не учи плясать, я и самъ скоморохъ», или: «всякій спляшетъ, да не какъ скоморохъ»[6]),—окончательно устанавливаютъ за скоморохами репутацію спеціальныхъ плясуновъ.

е. Увеселяютъ народную толпу.

аа. Играютъ на улицахъ и площадяхъ селъ и городовъ, на кладбищахъ и поляхъ.

Не только на пирахъ и на свадьбахъ, не только въ княжескихъ палатахъ, въ боярскихъ хоромахъ и домахъ частныхъ людей, показывали свое искусство скоморохи, но и на улицахъ, на площадяхъ, на поляхъ, отправляя обыкновенно по воскресеньямъ и въ иные празднич-

---

[1]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 26, 178.

[2]) См. у Забѣлина. Опытъ изученія русскихъ древностей и исторіи. 1872 г. I, стр. 187.

[3]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. I, 78. (Ср. ниже гл. 3).

[4]) Ровинскій. Русс. нар. карт. I, 317.

[5]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 221.

[6]) Шуты и скоморохи. «Историч. Вѣстн.». Т. XXXII, 462.—Бѣляевъ. О скоморохахъ. 92.

ные дни свои «игры», для увеселенія народа. Если уже на пирахъ и свадьбахъ скоморохи были главными зачинщиками пѣсень и плясокъ, то тѣмъ болѣе среди многолюдныхъ народныхъ сборищъ они своимъ весельемъ, гудьбою, пѣснями и плясками не только развлекали толпу, но и увлекали ее къ подражанію себѣ: пѣсни, игры, пляски, рукоплесканія, смѣхъ, вообще необузданная веселость и разгулъ толпы, все это сливалось въ одну пеструю, шумную картину, въ которой благочестивые ревнители христіанскаго ученія видѣли остатки ненавистнаго имъ язычества, называя народныя игрища и потѣхи «бѣсовскими», «жертвой» или «службой идольской», «лестью дьявольскою» и т. п. Уже Несторъ, порицая игрища, на которыя стекались народныя толпы, такъ поименовываетъ «дьявольскія лести»: трубы, скоморохи, гусли, русалья: «схожахуся на игрища—пишетъ онъ—на плясанье и на вся бѣсовская игрища» (или: «пѣсни»), и въ другомъ мѣстѣ: «но сими дьяволъ льститъ и другими нравы, всячьскими лестьми, пребавляя ны отъ Бога, трубами и скомрахи, гусльми и русалья. Видимъ бо игрища утолчена и людей много множьство, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла» [1]). О плясаніи, имѣющемъ мѣсто, не только на пирахъ, на свадьбахъ и въ павечерницахъ, но и на игрищахъ и на улицахъ, упоминаетъ и Кириллъ Туровскій [2]). Въ толкованіи къ апостолу Павлу (XIII в.) говорится: «егда играютъ русалія ли скомороси ли пьяницѣ кличуть, или како сборище идольскихъ игръ, ты же въ тъ часъ пребуди дома» [3]). «Не подобаетъ крестьяномъ (христіанамъ) игръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясанье, гуденье, пѣсни мирьскія и жертвы идольскія» читаемъ въ словѣ христолюбца [4]). О составѣ въ старину народныхъ игрищъ получаемъ понятіе изъ слова св. епископа Евсевія (по рукоп. XIII в.). Въ воскресный день («въ недѣлю»), по словамъ поученія, «обрящеши ту

---

[1]) Полн. собр. русс. лѣт. I, 6, 73.
[2]) Пам. росс. словесн. XII в. 94.
[3]) См. у Miklosich. Die Rusalien. 1864. S. 5.
[4]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. IV. III, 90. Ср. 94.

(на игрищѣ) овы гудущи, овы пляшущи, а другыя сѣдяща и о друзѣ клевечюща, а другыя борющася, а другыя помавающа и помизающа другъ друга на зло». Но центромъ толпы служатъ игроки на трубахъ и гусляхъ, т. е. скоморохи, на звукъ инструментовъ сбѣгается толпа народа: «издавять бо ся, слышавше гласъ трубный и гусельный, текуще къ нимъ и аки крылати обрящуться ту» [1]). Въ правилѣ митрополита русскаго Кирилла (ум. въ 1280 г.) порицается соблюденіе въ божественные праздники «бѣсовскихъ обычаевъ треклятыхъ Еллинъ», т. е. обычаевъ языческихъ: «въ Божественныя праздникы позоры нѣкакы бѣсовьскыя творити съ свистаніемь и съ кличемь и въплемь съзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница (подъ именемъ послѣднихъ узнаютъ призывавшихся, для развлеченія толпы, разгульныхъ скомороховъ), и бьющеся дрьколѣемь до самыя смерти (ср. выше: «а другыя борющася» [2]). Въ 1358 г. Новгородцы, по словамъ лѣтописца, «утвердишася межи собою крестнымъ цѣлованіемъ, что имъ игранія бѣсовскаго не любити». Здѣсь, впрочемъ, не ясно, о какихъ именно играхъ идетъ рѣчь. Въ повѣсти объ «Алексіи Митрополитѣ всея Русіи» († 1378 г.) читаемъ, что еще будучи отрокомъ, онъ «на позорище не хожаше, со отроки не играше и всяческихъ кощунъ и глумленій отбѣгаше» [3]). Эти, хотя и отрицательныя свидѣтельства подтверждаютъ существованіе позорищъ, игръ, глумленій въ XIV вѣкѣ. О томъ, что главныя дѣйствующія лица такихъ игръ и позорищъ, скоморохи, ходили играть и потѣшать народъ по городамъ и селамъ, заключаемъ изъ неоднократныхъ запрещеній имъ играть въ томъ или другомъ мѣстѣ, или играть вообще, — запрещеній, издававшихся въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ. (См. ниже гл. 6.) Въ посланіи игумена Памфила (1505 г.) описывается народное сборище въ ночь на праздникъ рождества св. Іоанна Крестителя, — сборище, центромъ котораго опять является инструментальная музыка; представителями же послѣдней были, конечно, скоморохи: «во святую ту нощь — читаемъ

---

[1]) Срезневскій. Свѣд. и замѣт. XLI, 34.
[2]) Рус. Достопом. I, 114.
[3]) Древн. Лѣтописецъ. I, 223, 307.

въ названномъ посланіи — мало не весь градъ (Псковъ) взмятется и взбѣсится, бубны и сопѣли, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканіемъ и плясаніемъ,... стучатъ бубны и гласъ сопѣлій и гудутъ струны, женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе и главамъ ихъ накиваніе, устамъ ихъ непріязнь кличь и вопль, всескверненыя пѣсни, бѣсовская угодія свершахуся, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе» [1]). По свидѣтельству Стоглава, связанное съ поминовеніемъ мертвыхъ въ Троицкую субботу гореваніе народа на могилахъ усопшихъ сродниковъ заканчивалось веселыми плясками, скаканіемъ, рукоплесканіями и пѣснями, поднимавшимися при появленіи толпы гудцовъ-скомороховъ: «Въ Троицкую суботу— говорится въ Стоглавѣ — по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаніемъ и егда начнутъ играти скоморохи и гудцы и прегудницы, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и пѣсни сотонинскія пѣти» [2]). Въ извѣтѣ патріарха Іова (1604 г.) предписывается не пьянствовать, не браниться, не чинить скаредныхъ и смѣхотворныхъ укоризнъ, не играть и не драться на кулачкахъ [3]). Здѣсь очевидно рѣчь идетъ о скоморошескихъ играхъ и позорищахъ, подробнѣе и точнѣе опредѣляемыхъ въ другихъ па-

---

[1]) Дополненія къ акт. истор. (арх. комм.) 1846—1875. I, 18.

[2]) Гл. 41, вопр. 23.—Нѣчто подобное сохраняется до нашихъ дней въ Малой Руси, гдѣ поминки по умершимъ справляются съ музыкой: «музыка! нуже заиграйте, да такъ щобъ плакало усе на взрыдъ», говоритъ поминающій. Скрипачи играютъ заунывныя или похоронныя пѣсни, и всѣ плачутъ. «Годи! чи перестанете жъ играты? Не бачете, якъ вси взрыдалы, мовъ съизнова риднего хоронютъ». Скрипачи начинаютъ играть веселыя, и всѣ, забывъ горе, бросаются въ присядку. (Бѣляевъ. О скоморохахъ. 72—73.)—Непосредственная смѣна горeванія и плача объ усопшихъ сродникахъ неистовымъ весельемъ, на первый взглядъ кажущаяся неестественною, можетъ находить себѣ объясненіе въ слѣдующихъ словахъ арабскаго писателя XI вѣка, Ал-Бекри, о Славянахъ: «Они (Славяне) радуются и веселятся при сожиганіи умершаго и утверждаютъ, что ихъ радость и ихъ веселость (происходитъ) отъ того, что его (покойника) господь сжалился надъ нимъ». (Записки Императ. Акад. Наукъ. т. XXXII. п, 55). И такъ, въ данныхъ случаяхъ сначала горюютъ и плачутъ объ утратѣ любимаго человѣка, а потомъ радуются о судьбѣ покойника.—Ср. свидѣтельство Козьмы Пражскаго (XII в.) о сценическихъ представленіяхъ и играхъ ряженныхъ, совершавшихся еще въ XI столѣтіи Чехами на могилахъ ихъ покойниковъ. (Cosmas. Chronicon Bohemorum. Scriptores rer. Bohem. I, pag. 197). Проявленіе радости и веселья наблюдается въ поминальныхъ обрядахъ разныхъ народовъ.

[3]) Акты (арх. эксп.). III, № 223.

мятникахъ. Въ наказной памяти патріарха Іоасафа (1636 г.) говорится о томъ, что народъ въ праздники Господни ходитъ по улицамъ, «повелѣвающе медвѣдчикомъ и скомрахомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сотонинскія игры творити и въ бубны бити и въ сурны ревѣти и руками плескати и плясати и иная неподобная дѣяти» [1]. Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича отъ 1648 г. также встрѣчаемъ описаніе увеселеній народа скоморошескими играми, въ воскресные и другіе праздничные дни: «умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумнѣніе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми... Многіе люди, забывъ Бога и православную крестьянскую вѣру, тѣмъ прелестникомъ и скоморохомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прелщеніе сходятся по вечеромъ и во всенощныхъ позорищахъ на улицахъ и на поляхъ, и богомерзкихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ, мужесково и женсково полу и до сущихъ младенцевъ.» Далѣе порицается «безчинное скаканіе, плесаніе» и пѣніе «бѣсовскихъ пѣсень» [2]. Всѣ эти и подобныя имъ свидѣтельства служатъ подтвержденіемъ высказаннаго выше предположенія, что скоморохи были и

---

[1]) Акты (арх. эксп.). Ш, № 264.

[2]) Ивановъ. Опис. госуд. арх. 296 и сл. Ср. почти буквальное повтореніе этой грамоты въ памяти Верхотурскаго воеводы Рафа Всеволожскаго. (Акты истор. [арх. комм.]. IV, № 35). Въ обоихъ документахъ, какъ и въ вышеупомянутыхъ: извѣтѣ патріарха Іова (1604 г.) и памяти патріарха Іоасафа (1636 г.), кромѣ бѣсовскихъ игръ, пѣсень, плясокъ, запрещаются еще и обычные въ числѣ народныхъ праздничныхъ увеселеній кулачные бои («многіе люди—говоритъ Іоасафъ—не токмо что младые, но и старые, въ толпы ставятся, и бываютъ бои кулачные великіе и до смертнаго убойства»). Ср. выше (стр. 80) въ свидѣтельствахъ XIII вѣка: «бьющеся дрьколѣемъ», или: «а другыя борющася».—Ср. замѣчанія г. Ровинскаго о борцахъ и кулачныхъ бояхъ русскихъ. (Русс. нар. карт. IV, 302—308; V, 219—224). «Еще въ недавнее время—заключаетъ свой обзоръ г. Ровинскій—кулачные бои происходили у насъ почти повсемѣстно: на Окѣ и на Волгѣ собирались партіи человѣкъ по пятисотъ и болѣе; въ Костромѣ Дебряне ходили стѣна на стѣну противъ Сулянъ (жители двухъ слободъ); а въ Тулѣ оружейники ходили противъ посадскихъ въ «цѣплянку-свалку». Сахаровъ называетъ имена Тульскихъ бойцевъ, ходившихъ только одинъ на одинъ и получившихъ большую извѣстность. Партіи или стѣны для боевъ приготовлялись заранѣе; охотники купцы ѣздили, разыскивали голіаѳовъ, поили, кормили ихъ и выхоливали ко дню судному. Не смотря на всѣ запрещенія производить кулачные бои, они всетаки производятся зачастую и въ наше время... Кончается себѣ бой тѣмъ, что молодцы (по народному выраженію), на добромъ морозцѣ, другъ другу бока нагрѣютъ, да носы подрумянятъ».

авторами многихъ русскихъ плясовыхъ пѣсень: упоминаемые въ этихъ свидѣтельствахъ «всескверненыя пѣсни», «вопли», «кличи», «свистаніе» и т. п. означаютъ очевидно плясовыя пѣсни съ сопровождавшими ихъ крикливыми припѣвами, возгласами, гиканіемъ и взвизгиваніемъ (ср. выше стр. 73, 75 пѣсни съ возгласами: «люли!», «ихъ! вохъ!» и т. п.); главный тонъ задавали, конечно, распѣвавшіе веселыя, разгульныя свои пѣсни скоморохи— «прелестники», которымъ, по словамъ вышеприведенной царской грамоты 1648 г., «послѣдствовали», подражали, сходясь на ихъ «безчинное прелщеніе», мужчины, женщины и даже младенцы.—Воспоминаніе объ игрѣ скомороховъ, ходившихъ по одиночкѣ, показывать свое искусство на улицахъ и площадяхъ и увеселять народъ своей игрой, находимъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ «старины о большомъ быкѣ»:

Да былъ нѣкаковъ волынщичекъ,
Да молодой-отъ гудошничёкъ...
Да какъ сталъ онъ на рынокъ гулять,
Да какъ сталъ онъ въ волынку играть,
Да какъ гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да волынку послушивали,
Да какъ ей-то подхваливали [1]).

~~~~~~~~

бб. Переряживаются: Москолудство.—Окрутники.—Скоморохи и русальи.

Игра на музыкальныхъ инструментахъ, пѣсни и пляски естественно роднятся и связываются съ обычаемъ переряживанія, народнаго маскарада. Послѣдній обычай ведетъ свое начало изъ древнѣйшихъ временъ. Обрядное переодѣваніе мужчинъ въ женщинъ и женщинъ въ мужчинъ извѣстно было уже у древнихъ Семитовъ, вызывало порицаніе уже въ книгахъ ветхаго завѣта; обрядное переряживаніе и въ древнемъ греко-римскомъ мірѣ составляло непремѣнную

---

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 1288.
~~~~~~~~

принадлежность празднествъ, отправлявшихся въ честь Діониса, Либера, Сатурна; обычай, въ пору святокъ надѣвать на лица маски и рядиться въ разные костюмы и звѣриные и иные чудовищные образы, издавна распространился и глубоко укоренился и въ народномъ обиходѣ обитателей средней и сѣверной Европы: «Не пустота-ли и не безуміе-ли—восклицаетъ въ V в. послѣ Р. Хр. Максимъ Туринскій—все, что въ эти дни (январскихъ календъ) совершается, когда мужчина, скрывши крѣпость своихъ силъ, всего себя превращаетъ въ женщину, и такъ старается выдержать принятый видъ и въ походкѣ, и во всемъ поведеніи, что какъ будто ему жаль, что онъ мужчина? Не пустота-ли и не безуміе-ли, когда созданные Богомъ люди превращаютъ себя то въ скотовъ, то въ дикихъ звѣрей, то въ какія либо чудовища?» [1]) Подобно тому, въ 62-мъ правилѣ Трулльскаго собора читаемъ: «никакому мужу не одѣватися въ женскую одежду, ни женѣ въ одежду мужу свойственную: не носите личинъ комическихъ или сатирическихъ или трагическихъ» [2]). Сѣтованія духовныхъ писателей, въ поученіяхъ и проповѣдяхъ обличавшихъ народныя маскарадныя игры, неустанно, но безуспѣшно раздавались въ теченіе многихъ вѣковъ. Народъ не отставалъ отъ своихъ исконныхъ привычекъ, отъ любимыхъ святочныхъ увеселеній, естественно притянувшихъ съ себѣ дѣятельность скомороховъ. Ряженіе и маски были въ ходу, какъ у нашихъ скомороховъ, такъ и у западныхъ потѣшниковъ-жонглеровъ, сдѣлавшихся въ указанныхъ увеселеніяхъ народныхъ главными дѣйствующими лицами. И тѣ и другіе одѣвались въ разные наряды, въ которыхъ исполняли родъ интермедій, бытовыхъ сценъ; наряжались въ звѣриные образы, надѣвали личины, подвязывали бороды, вмѣсто личинъ, иногда окрашивали себѣ лица (на западѣ) или чернили ихъ сажей (въ Византіи) [3]). Самое имя «скоморохъ» вѣроятно находится въ связи съ ряженіемъ, маской: ср. арабское maskhara=смѣхъ, на-

---

[1]) См. «Воскресное Чтеніе». 1880 г. № 2.

[2]) См. въ Книгѣ Прав. св. Апост.—Названные здѣсь три рода личинъ очевидно заимствованы изъ древне-греческихъ драматическихъ представленій, распадавшихся на соотвѣтствующіе три рода: комедію, сатирову игру и трагедію.

[3]) Веселовскій. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. п, 161 и сл.

смѣшка, глумъ; на западѣ слово это получило значеніе: буффонъ, потѣшникъ; μασχαρᾶς (среднегреческ.), μασκαρᾶς (новогреч.), mascara (румын.), maškara (чеш.), маскара (серб., хорват., малорусс.), maszkara (польск.), отсюда и машкара (русс.). Перестановка буквъ, въ особенности въ иноземныхъ словахъ, явленіе обычное, напр. лира (Leier) въ Малой Руси нерѣдко называется рыли или рели, накрачеи (играющіе на накрахъ) въ старину нерѣдко назывались наркачеями, гусли яворовыя обыкновенно въ былинахъ именуются яровчатыми, глина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Псковской губерніи народомъ называется гнила; такъ и маскарȁсъ (μασχαρᾶς, μασκαρᾶς) легко могло въ устахъ русскаго народа превратиться въ скамарȁсъ и обруситься въ форму скомрахъ или скоморохъ. На возможность такого производства послѣдняго названія указалъ уже г. Забѣлинъ [1]), а подробнѣе развилъ эту мысль проф. Веселовскій [2]).

Письменныя свидѣтельства о русскихъ народныхъ маскарадахъ восходятъ до XI или XII вѣка: «Москолудство вамъ братіе нелѣпо имѣти», поучалъ архіепископъ Лука [3]). «Москолудство» производятъ отъ маска (= личина) и луда [4]) (= повязка или платье). Несторъ, говоря о народныхъ увеселеніяхъ, перечисляетъ главные ихъ факторы: трубы, гусли, скомороховъ и русальи. Подъ именемъ русалій должно понимать игры, сопряженныя съ маскарадомъ (см. ниже стр. 89 и сл.). Маски, которыя надѣвали на свои лица скоморохи и вообще ряженные, носили въ Россіи разныя названія: личины, обличія, наличники (въ смыслѣ масокъ, надѣваемыхъ на лицо), хари (вѣроятно въ смыслѣ масокъ, надѣваемыхъ на голову, ср. греч. κάρα = голова, серб. [болг.] харач[ъ] = по-

---

[1]) Домашній бытъ русскихъ царицъ. 440.

[2]) Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. и, 181—182. Здѣсь же (стр. 179 и сл.) разсмотрѣны и нѣкоторыя другія предположенія относительно производства слова «скоморохъ».

[3]) Русс. достоп. I, 9.

[4]) Ср. у Нестора: «бѣ Якунъ слѣпъ, луда бѣ у него золотомъ исткана». Лѣтопись преп. Нестора по Лаврентьевскому списку 1864 г. (подъ 1034 г.).—Дюканжъ (Glossarium mediae Latinitatis) приводитъ изъ одного древняго словаря: Ludix — vêtement de jeu. (См. Русс. Достоп. I, 12, прим.). Упоминаемая въ Патерикѣ Печерскомъ «Луда на бѣсѣ въ образѣ ляха» означаетъ личину или маскарадное платье. (Снегиревъ. Русс. прост. празд. II, 31).

головная подать), скураты (ср. scurra [латин.]=шутъ), машкары (ср. выше) и т. п. Обычай надѣвать на себя личины очевидно западнаго происхожденія: «Наличники, яко же въ странахъ Латинскихъ злѣ обыкоша, творятъ, различныя лица себѣ претворяюще», говорится въ Номоканонѣ, напечатанномъ въ Кіевѣ въ 1624 г.[1]) Въ Кормчей (рукоп. XIII в.) маски называются «обличьями игрѣць и ликъственникъ», т. е. личинами игроковъ, комедіантовъ, скомороховъ. Царь Іоаннъ Грозный во время разнузданныхъ пировъ своихъ любилъ маскироваться и плясать вмѣстѣ со скоморохами: «упившись началъ (Іоаннъ) со скоморохами въ машкарахъ плясати и сущіе пирующіе съ нимъ», пишетъ князь Курбскій, и далѣе разсказываетъ, какъ царь понуждалъ къ тому и князя Рѣпнина, «глаголюще: «веселись и играй съ нами!» и взявши машкару (по другому списку—личину), класти началъ на лицо его»[2]). Древніе языческіе народные обычаи, въ извѣстные праздничные дни, именно въ пору зимняго поворота солнца, которой соотвѣтствуютъ рождественскіе святки, водить животныхъ, снабженныхъ символическимъ значеніемъ (коня или кобылицу, козла или козу, медвѣдя и т. п.), въ рукахъ скомороховъ превратились въ маскарадныя игры: они изображали козла или козу (ср. повторявшееся въ нѣкоторыхъ русскихъ поученіяхъ и постановленіяхъ запрещеніе Трулльскаго собора [прав. 62]: «козлогласовая ходити»[3]), «козлогласованія творити»[4]), «ни въ козлогласованіи» [образъ показати собою][5]), и т. п.), «бѣсовскую кобылку», медвѣдя и т. п. Въ одной изъ дополнительныхъ статей къ судебнику (1636 г.) приказывается, чтобы (на святкахъ) съ кабылками не ходили и на игрища мірскіе люди не сходились[6]). Объ этихъ кобылкахъ упоминается и въ другихъ свидѣтельствахъ. Такъ въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича

---

[1]) См. у Снегирева. Русс. прост. праздн. II, 32.

[2]) Сказанія. 81.—Тамъ же: 56, читаемъ и о Сигизмундѣ Августѣ, королѣ польскомъ, что онъ надѣвалъ на себя «преиспещренныя машкары».

[3]) Поученія митроп. Даніила (XVI в.), въ Пам. стар. русс. лит. IV, 201.

[4]) Стоглавъ. Гл. 93.

[5]) Соборный приговоръ 1551. Акты (арх. эксп.). I, № 232.

[6]) Акты истор. (арх. комм.) III, № 92, х.

(1648 г.) читаемъ: «накладываютъ на себя личины и платье скоморошское, межъ себя нарядя бѣсовскую кобылку водятъ», а далѣе предписывается, чтобы «личинъ на себя не накладывали и кобылокъ бѣсовскихъ не наряжали», въ числѣ же атрибутовъ этой скоморошеской потѣхи называются: «домры, сурны, гудки, гусли, хари и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды» [1]). Гизель († 1685 г.) выражается о рождественскомъ народномъ маскарадѣ такъ: «иніи лица своя и всю красоту чоловѣческую, по образу и по подобію Божію сотворенную, нѣкіими лярвами (larva=личина, маска) или страшилами на діавольскій образъ пристроенными, закрываютъ, страшаще или утѣшающе людій, Творца жъ и Зиждителя своего укоряюще» [2]).

Нѣсколько болѣе подробную картину святочныхъ маскарадныхъ игрищъ, въ которыхъ, разумѣется, въ старину первенствовали ряженные скоморохи, даетъ патріархъ Іоакимъ, указомъ 1684 г. запрещавшій бывшія на Москвѣ «скверная и бѣсовская дѣйства и игрища въ навечеріи Рождества Хрістова». «Тогда—пишетъ онъ —ненаказанніи мужескаго полу и женскаго, собравься многимъ числомъ, отъ старыхъ и молодыхъ, мужи съ женами и дѣвки ходятъ по улицамъ и переулкамъ къ бѣсноватымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сложеннымъ ими, многія сквернословія присовокупляютъ, и плясаніе творятъ, на разженіе блудныхъ нечистотъ и прочихъ грѣхопаденій, и преображающеся въ неподобная отъ Бога созданія, образъ человѣческій премѣняюще, бѣсовское и кумирское личатъ, косматые, и иными бѣсовскими ухищреньми содѣянные образы надѣвающе, плясаньми и прочими ухищреньми православныхъ Хрістіанъ прельщаютъ; такожъ и по Рождествѣ Хрістовѣ во 12 днѣхъ до Крещенія Господа нашего І. Хріста таковая жъ бѣсовская игралища и позорища содѣваютъ» [3]).

---

[1]) Ивановъ. Опис. госуд. арх. 296 и сл.—Ср. Акты истор. (арх. комм.) IV, 35.

[2]) Синопсисъ или краткое описаніе отъ различныхъ лѣтописцевъ о началѣ славянскаго народа. 7-е изд. 1785 г. Стр. 49—50.

[3]) См. у Снегирева. Русс. прост. праздн. I, 37—38.

Современные намъ святочные народные маскарады могутъ служить къ пополненію картины старинныхъ скоморошескихъ переряживаній. «Въ Новгородѣ—пишетъ Снегиревъ—святки извѣстны подъ именемъ Окрутниковъ, которые со втораго дня праздника Р. Хр. до Богоявленія наряженные ходятъ по городу въ тѣ домы, гдѣ въ знакъ приглашенія ставятся на окнахъ зажженныя свѣчи, и тѣшатъ хозяевъ шутками, каррикатурными представленіями, пѣснями и плясками. Въ Тихвинѣ о святкахъ снаряжается большая лодка, которая ставится на нѣсколько саней и по улицамъ везется множествомъ лошадей, на коихъ сидятъ верхомъ окрутники. Сію лодку занимаютъ подъ разноцвѣтными флагами святочники въ разныхъ личинахъ и нарядахъ... Во время поѣзда они поютъ, играютъ на разныхъ инструментахъ и выкидываютъ разныя штуки. Толпы народа провожаютъ ихъ, а зажиточные граждане подчуютъ ихъ виномъ и кушаньемъ»[1]). Для святочнаго наряда народъ прибѣгаетъ къ самымъ простымъ уборамъ, по большей части употребляется въ дѣло выворочениый тулупъ и длинная льняная борода; наряжаются охотно въ звѣриные образы: быками, баранами, козлами, лисицами, медвѣдями и т. п., наряжаются Бабой-Ягой (вѣдьмой) или чертями. Представляющій чорта натягиваетъ на себя что нибудь косматое, лицо обмазываетъ сажею, къ головѣ приставляетъ рога, а въ зубы беретъ горячій уголь. Въ такихъ нарядахъ окрутники бѣгаютъ по улицамъ шумными вереницами, пляшутъ и кривляются, распѣваютъ громкія пѣсни и бьютъ въ тазы, заслонки и бубны. (Не такіе ли примитивные ударные инструменты подразумѣваются въ упомянутой выше [стр. 87] царской грамотѣ, подъ словами: «и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды»?) Слово окрутникъ производится отъ крутить, которое отъ первоначальнаго значенія: завивать, плести—перешло къ опредѣленію понятій одѣвать, наряжать[2]). Въ такомъ же смыслѣ и родственныя слова: крута (=нарядъ), накрутиться (=нарядиться) употребляются и въ

---

[1]) Снегиревъ. Русс. прост. праздн. II, 33—34.
[2]) Аѳанасьевъ. Поэт. воззр. I, 718; III, 526.

былинахъ, напр.: «крута каличья» [1]), «накрутился молодецъ (Добрыня) скоморошиной» [2]). (О сценическихъ представленіяхъ и импровизаціяхъ ряженныхъ говорится ниже стр. 54 и сл.)

Народные маскарады не ограничивались зимней порой, но имѣли мѣсто и весною, около времени нашихъ Троицкихъ святокъ, которые у западныхъ и отчасти у южныхъ Славянъ именуются русальными святками или русаліями, а у Русскихъ непосредственно слѣдуютъ за праздникомъ воскресенія русалки или русалокъ («русалкинъ великъ день» [малорусс.] = четвергъ передъ днемъ св. Троицы = семикъ [великорусс.]) и предшествуютъ проводамъ русалокъ, имѣющимъ мѣсто въ первый день Петрова поста. Въ коментаріи Вальсамона (XII в.) къ 62-му правилу Труллъскаго собора русаліями называется запрещенный церковью (языческій) праздникъ послѣ Пасхи. По свидѣтельству греческаго писателя Дмитрія Хоматіона (XIII в.) праздникъ русалій, «по древнему обычаю», отправлялся (въ мѣстности, соотвѣтствующей нынѣшней южной Болгаріи) на недѣлѣ, слѣдовавшей за Троицынымъ днемъ, и ознаменовывался хожденіемъ молодежи изъ дома въ домъ за полученіемъ подачекъ, плясаніемъ и скаканіемъ, а равно и маскарадными шествіями [3]). У западныхъ Славянъ въ русальные святки также издревле происходили маскарады, что видно изъ запрещеній XVI столѣтія западнымъ Славянамъ, въ пору русальныхъ святокъ исполнять непристойныя пляски, ставить «*по старому обычаю*» королей, облекаться въ старые кожухи, другими словами, переряживаться. Остатки такихъ обычаевъ сохраняются до сихъ поръ въ Чехіи и Моравіи: здѣсь въ Духовъ день отправляются конныя процессіи, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ фигурируетъ поставляемый король съ многочисленной воинственной свитой, при

---

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 228.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 135.
[3]) Tomaschek. Ueber Brumalia und Rosalia, въ Sitzungsberichte der phil.-hist. Cl. Bd. LX, Hft. II, S. 370 u. ff. — Ср. мое сочиненіе: Божества древнихъ Славянъ. 1884 г. I, стр. 212 и сл.

чемъ послѣдній всадникъ бываетъ одѣтъ въ вывороченный кожухъ [1]). Объ остаткахъ особенныхъ народныхъ игрищъ (быть можетъ также связанныхъ съ переряживаніемъ), отправлявшихся у Поляковъ во дни Пятидесятницы, упоминаетъ Длугошъ (XV в.) [2]). Въ Россіи, вѣроятно какъ остатокъ древняго русальнаго маскарада, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился обычай, въ Духовъ день или передъ Петровскимъ заговѣньемъ водить такъ называемую «русалку», въ образѣ лошади, которую изображаютъ ребята, покрытые пологомъ. Эту маскарадную фигуру я уже въ другомъ мѣстѣ [3]) сблизилъ съ «бѣсовской кобылкой» святочнаго маскарада. Еще недавно, кромѣ того, существовалъ, а можетъ быть и нынѣ еще существуетъ, въ Бѣлгородѣ слѣдующій обычай: въ праздникъ Пятидесятницы (т. е. русалій) женщину переодѣваютъ въ безобразный мужской костюмъ, а мужчину—въ женскій, и такимъ образомъ водятъ три дня по городу съ пѣснями и плясками [4]). Въ «Уставѣ людемъ о велицемъ постѣ» (изъ Дубенскаго сборника XVI в.) запрещается «плясати въ русалія» [5]). Словомъ, мы видимъ, что издревле въ разныхъ мѣстахъ весеннее «русальное» торжество ознаменовывалось переряживаніемъ и плясками, самое же слово «русаліи» обобщилось и стало примѣняться къ народнымъ игрищамъ, сопряженнымъ съ большими праздниками вообще, безъ различія спеціальнаго характера этихъ игрищъ. Въ прологѣ XV вѣка слово «Русальи» опредѣляется такъ: бѣсы въ образѣ человѣческомъ, «овы бьяху въ бубны, друзіи же въ козицѣ и въ сопѣли сопяху, иніи же, возложивши на лица скураты (= маски), идяху на глумленье человѣкомъ и многіе, оставивши церковь, на позоръ (= зрѣлище) течаху и нарекоша тѣ игры Русальи». На томъ же основаніи и старинный русскій азбуковникъ объясняетъ «русальи», какъ «игры скоморошскіе» [6]). Въ Стоглавѣ русаліями называются какъ

[1]) Подробнѣе предметъ этотъ излагается мною во II выпускѣ сочиненія: Бож. древ. Славянъ.
[2]) Dlugosz. Historia Polonica. I. i, 48.
[3]) Бож. древ. Слав. I, 210 и сл.
[4]) Этн. сбор. Имп. Русс. геогр. общ. V, 37.
[5]) Срезневскій. Свѣд. и замѣт. LVII, 312.
[6]) Ср. Бож. древ. Слав. I, 212.

рождественскія святочныя игры, такъ и игры на праздникъ рождества св. Іоанна Крестителя: «Русали» о Ивановѣ дни, и въ навечерніи Рождества Христова, и крещенія сходятся мужи, и жены, и дѣвицы на нощное плещеваніе и т. д.» [1]). Неудивительно, что, послѣ того какъ слово «русальи» получило такое общее, широкое значеніе,—въ многочисленныхъ поученіяхъ, словахъ, постановленіяхъ, порицающихъ пестрыя и шумныя, унаслѣдованныя народомъ изъ временъ язычества, игрища, выраженія «русальи» и «скоморохи» (= непремѣнные участники и вдохновители всякихъ народныхъ игрищъ) почти неразрывно связались, причемъ рядомъ съ ними же обыкновенно упоминаются еще пѣсни и пляски, какъ предметы спеціальной дѣятельности скомороховъ, а также и названія музыкальныхъ орудій скомороховъ, какъ неотъемлемой ихъ принадлежности. Такъ у Нестора называются рядомъ: «трубы и скоморохи, гусли и русальи»; въ словѣ неизвѣстнаго автора (изъ до-монгольскаго періода) поименовываются пѣсни, плясанье, бубны, сопѣли, гусли, пискове, игранія неподобныя, русалья [2]); въ Изборникѣ XIII вѣка читаемъ: «егда играютъ русалія ли скоморосi»; въ Златоструѣ (по рукоп. XVI в.) «да убо о скомрасѣхъ и о русаліяхъ» [3]); въ Словѣ о русаліяхъ поименовываются рядомъ: игры бѣсовскія, русалія, скоморохи, «плясанье и плесканье съ свирѣлми» [4]) и т. п.

вв. Скоморохи—глумцы и смѣхотворцы.—«Позоры».—«Пещное дѣйство» и «Халдеи». — Скоморохи—кукольники. Кукольный ящикъ. Вертепъ (Ясли). Раёкъ.—Шуты (дураки). Ерема и Замазка. Ѳома и Ерема.

Въ старинныхъ памятникахъ скоморохи, игрецы, шпильманы или плясуны неоднократно получали еще названія глумцовъ, глумотворцевъ, смѣхотворцевъ, скверно-

[1]) Гл. 41, вопр. 24.
[2]) Филаретъ. Обз. дух. лит. I, 50.
[3]) Ср. Тамъ-же.
[4]) Пам стар. русс. лит. I, 208.

словцевъ, кощунниковъ и т. п.: «шпильманъ рекше глумьць», «игрьца или глумьца», «скоморохи и глумьцы»,—слова эти отождествляются у старинныхъ авторовъ; «тои бо позоры научилъ смѣхотворца и кощунникы и скомраси и игреца», читаемъ въ словѣ Христолюбца; тамъ же упоминаются играющіе въ мирскихъ свадьбахъ «глумотворцы и органники и смѣхотворцы и гусельники»; въ словѣ Палладія мниха «о второмъ пришествіи Христовѣ» караются: «плясцы и свирѣльцы и гусленицы и смычницы и смѣхотворцы и глумословцы», другими словами во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ перечисляются разные виды скоморошества. Что подъ именемъ упомянутыхъ выше кощунниковъ дѣйствительно слѣдуетъ понимать скомороховъ-потѣшниковъ, подтверждается, какъ словами Симеона Полоцкаго: «кощунникъ да тѣшитъ, самъ ся изнуряетъ[1]), такъ и наименованіемъ въ одной грамотѣ 1636 г. скоморошескихъ игръ—кощунами: «воспріемше игры и кощуны бѣсовскіе»[2]); «злословнымъ кощуннникомъ» называется въ «словѣ о христіанствѣ» глумящійся «пустошникъ», смѣшащій слушателей, по смыслу дальнѣйшаго текста отождествляющійся съ «игрецами»[3]); наконецъ, въ словѣ «о корчмахъ и о пьянствѣ» описывается, какъ сходятся «къ питію пьянственному мужи и жены, тутъ же придутъ и нѣціи кощунницы, имуще гусли и скрипѣли и сопѣли и бубны и иныя бѣсовскія игры, и предъ мужатицами играюще, бѣсяся и скача и скверныя пѣсни припѣвая[4]). Кощунниками называются здѣсь уже прямо игрецы-скоморохи. Въ Стоглавѣ поименовываются рядомъ: «арганники, смѣхотворцы, гусельники и глумцы», также скоморохи, гудцы, прегудницы и глумцы[5]). Въ сборникѣ митрополита Даніила скоморохи называются плясцами-сквернословцами[6]). Въ грамотахъ XVII столѣтія говорится о присутствіи на

---

[1]) См. у Веселовскаго. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. п, 177, 195, 197 и сл., 207.

[2]) Акты (арх. эксп.). III, № 264.

[3]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. IV, 111.

[4]) У Забѣлина. Оп. изуч. русс. древн. и истор. I, 187.

[5]) Гл. 41, вопр. 16, 23.

[6]) Бѣляевъ. О скоморохахъ. 69.

свадьбахъ безчинниковъ, сквернословцевъ и скомороховъ (см. выше стр. 21).

Въ чемъ же заключалось это глумотворство, смѣхотворство, сквернословіе, кощунство, безчиніе «веселыхъ молодцевъ»? Мы только что разсмотрѣли обычай скомороховъ рядиться въ разные образы, вызывавшіе конечно смѣхъ и веселье въ зрителяхъ; ряженіе невольно влекло за собою и нѣчто въ родѣ сценическихъ представленій, хотя-бы и самыхъ элементарныхъ, комическихъ зрѣлищъ или «позорищъ», сопровождавшихся пѣснями, плясками, разговорами и прибаутками, шутками и выходками, исполнители которыхъ, разумѣется, не стѣснялись предѣлами скромности и приличія. Веселье скомороховъ должно было, конечно, соотвѣтствовать духу, настроенію и вкусамъ слушателей и зрителей. Каковы-же были эти вкусы? Олеарій, писавшій въ первой половинѣ XVII столѣтія, такъ характеризуетъ низкую степень развитія и просвѣщенія современнаго ему русскаго общества: «Не будучи знакомы съ достохвальными знаніями—пишетъ Олеарій, исключающій, впрочемъ, изъ своего отзыва самыхъ знатныхъ бояръ — не заботясь много о достопамятныхъ дѣлахъ и событіяхъ отцовъ и предковъ своихъ, и не имѣя желанія знакомиться съ чуждыми народами и ихъ свойствами, Русскіе весьма естественно въ своихъ собраніяхъ никогда не заводятъ и рѣчи о подобныхъ вещахъ. Большая часть ихъ разговоровъ сосредоточена на томъ, къ чему даетъ поводъ ихъ природа и обычный ихъ образъ жизни, а именно: говорятъ о сладострастіи, постыдныхъ порокахъ, развратѣ и любодѣяніи ихъ самихъ или другихъ лицъ; разсказываютъ всякаго рода срамныя сказки, и тотъ, кто наиболѣе сквернословитъ и отпускаетъ самыя неприличныя шутки, сопровождая ихъ непристойными тѣлодвиженіями, тотъ и считается у нихъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ обществѣ. Къ тому же направлены и ихъ пляски, которыя они исполняютъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ страстныхъ тѣлодвиженій». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ разсказываетъ о русскихъ странствующихъ комедіантахъ, т. е. скоморохахъ, которые въ пляскахъ своихъ иногда, для забавы зрителей, безстыдно обнажали части

своего тѣла, и объ уличныхъ скрипачахъ (гудочникахъ?), воспѣвавшихъ всенародно на улицахъ «срамныя дѣла» [1]). Нѣсколько раньше Олеарія описывалъ забавы русскаго (московскаго) общества Маскѣвичъ, отмѣтившій въ дневникѣ своемъ подъ 1611 г. слѣдующія слова: «Есть у нихъ (Русскихъ) такъ называемые шуты (maje u siebie blaznow), которые тѣшатъ ихъ русскими плясками, кривляясь какъ скоморохи (jak żartownisie=фигляры) на канатѣ, и пѣснями большею частью весьма безстыдными» [2]). Еще около полустолѣтія раньше князь Курбскій описывалъ пьяное веселье, которому предавался самъ царь Іоаннъ Васильевичъ, безчинно веселившійся и игравшій со скоморохами, плясавшій съ ними въ машкарахъ (личинахъ) и понуждавшій къ тому же и присутствующихъ, въ томъ числѣ князя Рѣпнина, который мужественно отказался творить это «безчиніе» [3]). Такое пьяное веселье, разжигаемое скоморохами, разумѣется, не обходилось безъ сквернословія: пѣлись срамныя, безстыдныя или, по выраженію духовныхъ писателей, «богомерзкія», «скверныя» пѣсни, исполнялись разнузданныя пляски, сопровождавшіяся безстыдными тѣлодвиженіями (ср. выше свидѣтельства Маскѣвича и Олеарія). Чѣмъ грубѣе была веселившаяся толпа, тѣмъ выше была и степень цинизма, до которой доходило ея веселье. Понятно, что подобныя потѣхи возмущали нравственное и религіозное чувство людей серьезныхъ, въ родѣ князя Рѣпнина, поплатившагося жизнью за противорѣчіе царю; понятны протесты противъ кощунства, сквернословія, глумотворства скомороховъ-потѣшниковъ, со стороны писателей духовнаго чина, а также и свѣтскихъ властей, въ особенности со времени вступленія на царскій престолъ Алексѣя Михайловича, который въ первые годы своего царствованія, по выраженію г. Забѣлина, обнаруживалъ стремленіе обновить распущенную

---

[1]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 178.

[2]) Сказанія соврем. о Димитр. Самозв. V, 61.—Dyaryusz S. Maskiewicza, см. Pamietniki do History Rossyi i Polski wieku XVI i XVII. 1838.

[3]) Сказанія. 81.—По свидѣтельству другаго современника (Одерборна), въ мирную пору царь Іоаннъ Васильевичъ проводилъ время въ ловахъ, въ игрѣ, пляскѣ, любодѣяніяхъ и ужасныхъ зрѣлищахъ. (Wunderbare, erschrekliche, unerhörte Geschichte des Grossfürsten in der Moschkau (Joan Basilidis) Leben. 1588.)

жизнь, внести въ нее строй и порядокъ, возстановить идеалъ хорошей жизни по Домострою.

Разумѣется, веселье скомороховъ - потѣшниковъ не исключительно вращалось въ области цинизма. Наряженные въ разные костюмы и маски, они разыгрывали сцены, понятіе о которыхъ можно составить себѣ до извѣстной степени по тѣмъ остаткамъ скоморошескихъ игръ, которые сохранились въ народѣ до нашихъ дней. Таковы напр. пѣсни и прибаутки, шутки и комическія представленія новгородскихъ «Окрутниковъ» (см. выше стр. 88), нашихъ современныхъ святочныхъ и масляничныхъ ряженныхъ, изображающихъ бабу Ягу, чертей, чудовищъ, или водящихъ ряженныхъ-же медвѣдя, козу, журавля и т. п., разыгрывающихъ импровизованныя забавныя сцены.

Изъ звѣриныхъ образовъ, въ которые наряжаются, наибольшее значеніе имѣютъ медвѣдь и коза, въ новѣйшемъ святочномъ маскарадѣ встрѣчающіеся нерѣдко вмѣстѣ. Оба эти животныя, какъ видно изъ связанныхъ съ появленіемъ ихъ обрядовъ и пѣсень, служатъ представителями обилія и плодородія. Въ честь святочнаго медвѣдя поется пѣсня:

Медвѣдь пыхтунъ
По рѣкѣ плыветъ,
Кому пыхнетъ на дворъ,
Тому зять во теремъ [1],...

т. е. появленіе медвѣдя предвѣщаетъ свадьбу. Въ данномъ случаѣ русскій святочный медвѣдь совпадаетъ съ масляничнымъ или «гороховымъ» медвѣдемъ западныхъ славянъ. Въ Чехіи представляетъ послѣдняго парень, весь окутанный гороховой соломой. Куда ни прійдетъ гороховый медвѣдь, онъ обязательно долженъ проплясать со всѣми женщинами и дѣвушками въ домѣ, и появленіе его, по народному вѣрованію, способствуетъ плодородію въ домѣ [2]). Въ окрестностяхъ Кракова на свят-

---

[1]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 14.
[2]) Reinberg-Düringsfeld. Festkalender aus Böhmen. 1862. S. 49.

кахъ возятъ на телѣжкѣ человѣка, одѣтаго въ козій мѣхъ, два спутника его обвиты гороховой соломой. Человѣкъ, одѣтый въ мѣхъ, называется гороховымъ медвѣдемъ (grochowej niedźwiedź). Передъ каждымъ домомъ онъ рычитъ, и если рычаніе первая услышитъ дѣвушка, то ей въ скоромъ времени выйдти за мужъ [1]). (Ср. выше русскую пѣсню про медвѣдя пыхтуна.) Въ южной части бѣлой Руси, по близости къ Малороссіи, въ день нынѣшняго новаго года, молодецъ, одѣтый козой, въ лентахъ и бубенчикахъ, предводительствуетъ толпой, которая ходитъ подъ окна или передъ двери хатъ, подъ музыку, съ пѣснею:

Го-го-го козынька,
Го-го-го сѣра,
Го-го-го бѣла.
Ой, розходися,
Развеселися,
По всему дому,
По весёлому!
Ой поклонися
Сему господарю,
И женѣ его,
И дѣткамъ его.

Далѣе воспѣвается плодоносная сила козы:

Гдѣ коза тупою (=ногой),
Тамъ жито купою,
Гдѣ коза рогомъ,
Тамъ жито стогомъ,
Гдѣ коза ходитъ,
Тамъ жито родитъ и т. д.

Кромѣ этой пѣсни, появленіе маскарадной козы сопровождается разговоромъ,— речитативомъ представленія [2]). Сходныя пѣсни въ честь пляшущей, брыкающейся, бодающейся святочной козы (или козла) встрѣчаются и въ Малой Руси [3]). Въ Полѣсьѣ козелъ, медвѣдь и журавль—

---

[1]) Mannhardt. Wald- und-Feldkulte. Th. II (1877). S. 188.

[2]) Безсоновъ. Бѣлорусс. пѣс. I, 78, 98. Ср. тамъ же: 83—пѣсню объ «Антоновой козѣ». Соотвѣтственно тексту пѣсни, Антонъ въ игрѣ не можетъ справиться съ козой, сперва пляшущей, потомъ бодающейся.

[3]) См. Труды-этн. стат. эксп. Юго-зап. отд. III, 265, 266.

единственныя маскарадныя фигуры. Роли ихъ выполняются очень незатѣйливо: вывернутый тулупъ служитъ маскараднымъ костюмомъ; представленіе заключается въ нехитромъ речитативѣ, сопровождаемомъ прыжками и кувырканьемъ парня, наряженнаго животнымъ. Наиболѣе популярна фигура козла [1]). Маскарадныя представленія ряженныхъ медвѣдемъ и козой фиксировались въ старинной лубочной картинкѣ, снабженной слѣдующею подписью: «Медведь сказою проклажаются на музыке своей забавляются и медведь шляпу вздѣлъ да вдутку игралъ а коза сива всараѳане синемъ срошками исколокольчиками и слошками скачетъ и вприсятку пляшетъ». Въ этихъ строкахъ (и картинкѣ) изображается цѣлое святочное скоморошеское представленіе. На другой народной картинкѣ того-же содержанія, въ подписанномъ подъ нею текстѣ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее обращеніе козы къ медвѣдю: «станемъ стобою весѣлитца что на насъ станутъ люди дівитца ты любезной медведь заиграи всвирѣль ія молоденка поплешу тепѣрь за что насъ станутъ благодарить а другои вздумаетъ и подарить но и мы за оное зрителямъ отъдадимъ почтѣніе насырной недѣли въ воскресѣніе» [2]). Послѣднія слова доказываютъ, что рѣчь идетъ о масляничномъ маскарадѣ. Пляска и скаканіе козы вошли даже въ поговорку: на одной изъ маленькихъ лубочныхъ картинокъ, иллюструющихъ чету: Семикъ и Масляницу, представлены трое пляшущихъ подъ звуки волынки и гудка. Подъ картинкой подписано: «Скакат(ь) і плясат(ь) будет яко коза»... [3])

Что касается новѣйшихъ святочныхъ народныхъ сценическихъ представленій, то напр. въ Бѣлой Руси, по словамъ проф. Безсонова, они устраиваются такъ: въ домѣ или на площади дѣйствуютъ играющія лица, переряженныя сообразно ролямъ, по мѣрѣ силъ и средствъ. Любимѣйшее содержаніе этихъ сценъ, на сколько уцѣлѣли онѣ,

---

[1]) Эремичъ. Очерки бѣлорусскаго Полѣсья. 1868 г. Стр. 56—57.

[2]) Ровинскій. Русс. нар. карт. 1, 414, 415.

[3]) Тамъ-же: стр. 306.—Священникъ Лукьяновъ въ описаніи своего путешествія по Святой землѣ (1710 г.) разсказываетъ, что Греки на святой недѣлѣ ходятъ по улицамъ и монастырямъ съ медвѣдями, съ козами, съ бубнами, съ скрипицами, съ сурнами, съ волынками, да скачутъ и пляшутъ. Русскій Архивъ, изд. Бартенева. Годъ I, стр. 206.

во-первыхъ, бѣлорусскій хлопъ во всевозможныхъ его видахъ, преимущественно въ траги-комическихъ отношеніяхъ къ пану, котораго онъ тѣмъ или другимъ ставитъ въ тупикъ; къ жиду, съ коимъ справляется по свойски за ловкое торгашество, надувательство или неоплатные свои долги; къ «дохтору» и учителю, которые въ дуракахъ передъ цѣльною натурою крестьянина; къ женѣ, которая наказана за вѣроломство, или наказываетъ мужа за корчму; далѣе—еврейскій шабашъ; степенность и неуклюжесть литвина и т. п. [1]). Проф. Безсоновъ записалъ цѣлую импровизованную сцену между хлопомъ Матеемъ и докторомъ. Матей жалуется, что объѣлся кутьей, и никакое средство ему не помогаетъ. Встрѣчается ему «дохторъ»—шарлатанъ.

Дохторъ.

Кладися, мужикъ.
Якъ тябе зовуть?

Матей.

Матей.

Дохторъ.

(Бьетъ его палкой, приговаривая.)

Потѣй, пане Матей!

Матей.

(Встаетъ, а дохторъ убѣгаетъ.)

А, лихо твоей матяри!
Напотѣу, наматѣу,
Да й самъ къ чорту полятѣу!
Вотъ, кабъ догнау,
Вотъ бы у плечки нагрукотау (=наколотилъ)! [2])

Въ Великой Руси въ XVII столѣтіи былъ очень популяренъ, напр. слѣдующій фарсъ: на сцену выходилъ бояринъ въ карикатурѣ; на головѣ у него была горлатная шапка изъ дубовой коры, самъ онъ былъ надутый,

---

[1]) Безсоновъ. Бѣлорусс. пѣс. I, 98—99.
[2]) Тамъ-же: 79—80.

чванливый, съ оттопыренной губой. Къ нему шли челобитчики и несли посулы въ лукошкахъ — кучи щебня, песку, свертокъ изъ лопуха и т. п. Челобитчики земно кланяются, просятъ правды и милости; но бояринъ ругаетъ ихъ и гонитъ прочь.

— Ой бояринъ, ой воевода! любо было тебѣ надъ нами издѣваться, веди же насъ теперь самъ на расправу надъ самимъ собой! говорятъ челобитчики и начинаютъ тузить боярина, грозятъ его утопить.

Затѣмъ являются двое лохмотниковъ и принимаются гонять толстяка прутьями, приговаривая:

— Добрые люди, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ.

Слѣдуетъ сходная-же сцена съ купцомъ. Отобравъ деньги у послѣдняго, добрые молодцы отправляются какъ бы «во царевъ кобакъ», пьютъ и поютъ:

Ребятушки! праздникъ, праздникъ!
У батюшки праздникъ, праздникъ!
На матушкѣ Волгѣ — праздникъ!
Сходися голытьба на праздникъ!
Готовьтесь бояре на праздникъ!

Представленіе заключалось обращеніемъ къ толпѣ:

— Эхъ, вы, купцы богатые, бояре тароватые! ставьте меды сладкіе, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчаты, принимайте гостей голыихъ, босыихъ, оборванныхъ, голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую! [1])

Подобныя сцены, разжигавшія ненависть народа къ притѣснявшимъ его боярамъ, несомнѣнно могли способствовать смутамъ и народнымъ движеніямъ, о которыхъ знаетъ наша исторія. Извѣстно также, что еще въ XI столѣтіи скоморохи подняли въ Польшѣ народное возстаніе противъ христіанъ [2]), подобно тому какъ у насъ эти возстанія дѣлались по наущенію волхвовъ и кудесниковъ, до нѣкоторой степени роднящихся съ древними скоморохами (ср. ниже стр. 129 и сл.).

Возвращаюсь къ святочнымъ представленіямъ. Оста-

[1]) См. у Михневича. Очеркъ исторіи музыки въ Россіи. 1879 г. Стр. 81—82.
[2]) Бѣляевъ. О скоморохахъ. 70, прим. 2.

токъ старинныхъ сценическихъ потѣхъ мы узнаемъ и въ тѣхъ шуткахъ, прибауткахъ, импровизаціяхъ, которыми потѣшаетъ народную толпу герой масляничныхъ каруселей, неизмѣнный дѣдъ, «Ерема-пакольникъ», являющійся нерѣдко въ сообществѣ съ «Замазкой» (см. ниже стр. 115), а равно и въ разыгрываемыхъ иногда тутъ же народныхъ фарсахъ.

Такого рода маскарадныя импровизаціи, такія представленія забавныхъ сценъ, переплетаемыхъ пѣснями, плясками, кривляніями, шутками, нерѣдко циническими, непристойными, несомнѣнно входили въ составъ тѣхъ глумовъ и позоровъ, тѣхъ «сотонинскихъ» или «бѣсовскихъ игръ», «бѣсовскихъ чюдесъ», противъ которыхъ такъ часто ополчались духовные писатели прошедшихъ столѣтій. Дѣйствительно, игрища, въ которыхъ, по словамъ лѣтописца, дьяволъ льстилъ трубами, скоморохами, гуслями и русаліями, другими словами скоморошескія игры или русаліи называются лѣтописцемъ бѣсовскими позорами: «позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла»; позорами же называются въ Прологѣ XV в. русальи, именно игры, связанныя съ возложеніемъ на лица скуратовъ (масокъ), «на глумленіе человѣкомъ». Еще въ XVIII столѣтіи художественныя театральныя представленія назывались «позорищными играми» [1].—О томъ, что импровизаціи дѣйствительно входили въ кругъ дѣятельности скомороховъ, свидѣтельствуетъ былина о Гостѣ Терентьищѣ: Терентьева жена, повѣривъ извѣстію «веселыхъ молодцовъ», что нелюбимый мужъ ея погибъ, съ радости проситъ ихъ спѣть по этому поводу пѣсеньку. «Веселые» импровизуютъ пѣсню, изъ которой сидящій въ мѣшкѣ мужъ узнаетъ о вѣроломствѣ своей жены.

Подобно тому, какъ на западѣ возникла и разыгрывалась въ стѣнахъ церквей духовная драма (мистеріи), заимствовавшая свои сюжеты изъ священнаго писанія, и въ русской церкви съ XVI вѣка стали входить въ употребленіе извѣстныя обрядныя представленія, получившія назва-

[1] См. С.-Петербургскія Вѣдомости 1733 г. Примѣчаніе на Вѣдомости, часть 44 и сл.

нія дѣйствъ. Такихъ дѣйствъ извѣстно три: пещное дѣйство, шествіе на осляти и дѣйство страшнаго Суда. Древнѣйшимъ изъ нихъ было «пещное дѣйство», на которомъ считаю нужнымъ нѣсколько остановиться и о совершеніи котораго наиболѣе раннее извѣстіе восходитъ къ первой половинѣ XVI столѣтія. О немъ упоминается въ расходныхъ книгахъ Новгородскаго Софійскаго архіерейскаго дома подъ 1548 г. Пещное дѣйство происходило передъ праздникомъ Рождества Христова, въ Москвѣ и другихъ городахъ; въ немъ изображалось вверженіе въ пещь трехъ отроковъ вавилонскихъ (Ананіи, Азаріи и Мисаила) и чудесное избавленіе ихъ отъ пламени ангеломъ. По этому случаю, въ среду передъ Рождествомъ Христовымъ, въ церкви разбиралось большое паникадило, а въ субботу, во время обѣдни, сдвигался амвонъ и ставилась пещь. Во всенощную весь обрядъ ограничивался тѣмъ, что дѣти, которыя представляли отроковъ, и такъ называемые два халдея предшествовали святителю при вступленіи его въ соборъ, при чемъ дѣти были одѣты въ стихари и вѣнцы, а халдеи —въ «халдейское платье». Костюмъ халдеевъ, по описанію, сохранившемуся намъ отъ начала XVII ст. въ приходорасходныхъ книгахъ вологодскаго архіерейскаго дома, состоялъ изъ шапокъ, отороченныхъ заячьимъ мѣхомъ и вызолоченныхъ сверху. На тѣлѣ у нихъ были широкія суконныя одежды, съ оплечьями изъ выбойки. При выходѣ предшествовалъ «халдей предъ отроки со свѣчами, а другой халдей (шелъ) по отроцѣхъ». Самое «дѣйство», исполнявшееся во время заутрени, заключалось въ слѣдующемъ: руки отроковъ обвязывались полотенцемъ, и они подводились халдеями къ святительскому мѣсту. «Егда же дойдетъ первый халдей до церкви близъ пещи, и станутъ отроки и халдеи, и укажутъ оба халдея отрокамъ на пещь пальмами, и глаголетъ первый халдей къ отрокамъ: «Дѣти царевы!» Другій же халдей поддваиваетъ тое-же рѣчь: «царевы!» И первый глаголетъ халдей: «видите-ли сію пещь огнемъ горящу и вельми распаляему?» И паки второй глаголетъ халдей: «а сія пещь уготовася вамъ на мученіе». И потомъ Ананія отвѣщаетъ: «видимъ мы пещь сію, но не ужасаемся ея; есть бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ: той силенъ изъяти насъ отъ пещи сея». И по семъ Азарія гла-

голетъ: «и отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ». Тоже Мисаилъ отвѣщаетъ: «а сія пещь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе...» По благословеніи святителемъ и врученіи каждому свѣчи, отроки становятся опять около пещи. «И въ то время единъ отъ халдей кличетъ: «товарыщь!» другой же халдей отвѣщаетъ: «чево?» И первый халдей глаголетъ: «это дѣти царевы?» а другій халдей поддваиваетъ: «царевы». Первый же глаголетъ: «нашего царя повелѣнія не слушаютъ», а другій отвѣщаетъ: «не слушаютъ». Первый же халдей говоритъ: «а златому тѣлу (=тельцу) не поклоняются?» а другій халдей: «не поклоняются». Первый халдей говоритъ: «и мы вкинемъ ихъ въ печь»; а другаго отвѣтъ: «и начнемъ ихъ жечь!» Послѣ того халдеи берутъ отроковъ подъ руки и вводятъ въ пещь «честно и тихо»; халдеи дѣлаютъ видъ, что разводятъ огонь подъ нею. Въ это время хоръ пѣвчихъ, протодьяконъ и отроки въ печи поютъ священныя пѣсни, и въ концѣ стиха: «яко духъ хладенъ и шумящъ», «сходилъ ангелъ господенъ въ пещь ко отрокамъ въ трубѣ велицѣ зѣло съ громомъ...» (Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1588—89 годахъ, разсказываетъ о томъ, какъ ангелъ слеталъ съ церковной крыши въ пещь къ тремъ отрокамъ, къ величайшему удивленію зрителей, при множествѣ пылающихъ огней, производимыхъ посредствомъ пороха «халдеями»). Халдеи, державшіе до того времени высоко свои пальмы, падали, а дьяконы опаляли ихъ при помощи свѣчей и травы плауна («вмѣсто ангельскаго паленія»). При этомъ случаѣ опять завязывался разговоръ между халдеями; первый говорилъ: «товарыщь!» Второй откликался: «чево?»—Первый: «видишь-ли?»—Второй: «вижу».—Первый: «было три, а стало четыре; а четвертый грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобился Сыну Божію».—Второй: «какъ онъ прилетѣлъ, да и насъ побѣдилъ».—Послѣ того продолжались священныя пѣсни; халдеи выпускали изъ пещи отроковъ: «И пришелъ халдей къ пещи и отверзаетъ пещныя двери, и станетъ противу пещи безъ турика (шлема), и кличетъ громогласно: «Ананія! гряди вонъ изъ пещи», а другій халдей говоритъ: «Чево сталъ? не поварашивайся; не иметъ васъ ни огонь, ни смола, ни сѣра». А первый халдей глаголетъ: «Мы чаяли васъ сожгли, а мы сами сго-

рѣли». Ананія же двигнется съ мѣста своего, и грядетъ изъ пещи, халдеи же пріемлютъ его подъ руки и ведутъ честно предъ святительское мѣсто; и глаголетъ первый халдей: «гряди, царевъ сынъ!» и поставятъ его противъ святителя на томъ же мѣстѣ, идѣ же бѣ и первее стоялъ». Сотворивъ три поклона передъ образомъ и поклонившись святителю, одинъ изъ халдеевъ говоритъ: «Владыко, благослови Азарію кликати» и кличетъ: «Азаріе! гряди вонъ изъ пещи!» А другій халдей говоритъ по прежеписанному». Тѣмъ же порядкомъ выводился изъ пещи и Мисаилъ. Затѣмъ церковная служба продолжалась по уставу, съ тою разницею, что въ нѣкоторыхъ обрядахъ участвовали отроки и халдеи съ зажженными свѣчами... И въ продолженіи обѣдни и вечерни того дня участвовали и отроки, и халдеи[1]).

Описанное «дѣйство», при всей своей элементарной простотѣ, возбуждало живой интересъ не только толпы, но даже и царя Алексѣя Михайловича, который вмѣстѣ съ царицей каждый годъ присутствовалъ на совершеніи обряда пещнаго дѣйства, хотя каждый годъ повторялось одно и тоже, безъ всякаго добавленія или измѣненія. Эта невзыскательность зрителей, по отношенію къ данному церковно-сценическому представленію, даже еще въ XVII вѣкѣ, позволяетъ намъ дѣлать заключеніе объ элементарномъ же составѣ вышеупомянутыхъ «позоровъ» и «глумовъ», исполнявшихся скоморохами, подтверждаемомъ наивностью и простотой вышеприведенныхъ примѣровъ позднѣйшихъ народныхъ сценъ. Только уже во второй половинѣ XVII столѣтія сценическія представленія обогатились и обновились: въ 1673 г. прибылъ изъ за границы съ нѣсколькими нѣмцами-актерами антрепренёръ Готфридъ Яганъ, начавшій при дворѣ разыгрывать разныя «комедійныя дѣйства» на сюжеты, заимствованные изъ ветхаго завѣта, и въ то же время появились на московской сценѣ духовныя драмы (или мистеріи русскія) Дмитрія Ростовскаго, между прочимъ его «комедія о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ

---

[1]) Древняя Россійская Вивліоѳика, изд. Новиковымъ. Изд. II. 1788 г. Ч. IV, стр. 363 и сл.—Ср. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. 1862 г. I. Стр. 388 и сл. — Ср. также: Полевой. Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. 1872 г. Стр. 187 и сл. Здѣсь же помѣщено и изображеніе самой «пещи Вавилонской».

отроцѣхъ, въ пещи сожженныхъ». Здѣсь сюжетъ «пещнаго дѣйства» пріобрѣтаетъ уже вполнѣ литературную, драматическую обстановку [1]).

Обращаюсь къ вышеупомянутымъ участникамъ пещнаго дѣйства, «халдеямъ». Какъ въ западной Европѣ средневѣковыя церковныя сценическія представленія, или мистеріи, постепенно принимали въ себя свѣтскіе элементы, даже грубо комическія сцены, а затѣмъ стали перемежаться съ шутовскими интермедіями, въ которыхъ дѣйствующими лицами являлись шутовскіе комедіанты, —что и повело за собой вытѣсненіе въ XIV вѣкѣ мистерій изъ церкви сперва въ церковныя ограды, а потомъ на площадь,— подобно тому и «халдеи», игравшіе столь видную роль въ церковно-обрядномъ пещномъ дѣйствѣ, съ зажженными свѣчами предшествовавшіе святителю при вступленіи его въ соборъ, участвовавшіе въ церковной службѣ до и послѣ самого дѣйства, —«халдеи» появлялись въ своемъ обрядномъ нарядѣ въ толпѣ народной въ теченіи 12 дней рождественскихъ святокъ, въ роли шутовъ и проказниковъ, мало отличавшихся отъ глумцовъ-скомороховъ. Флетчеръ говоритъ, что халдеи въ продолженіи 12 дней должны были бѣгать по городу переодѣтые въ шутовское платье и дѣлать разныя смѣшныя штуки [2]), т. е. «глумы». Олеарій подробнѣе описываетъ эту сторону дѣятельности халдеевъ: «въ бытность нашу въ Москвѣ — пишетъ Олеарій — это были извѣстные безпутные люди, которые ежегодно получали отъ патріарха дозволеніе, въ теченіе 8-ми дней передъ Рождествомъ Христовымъ и вплоть до праздника 3-хъ Святыхъ Царей (Богоявленія), бѣгать по улицамъ города съ особаго рода потѣшнымъ огнемъ, поджигать имъ бороды людей и въ особенности потѣшаться надъ крестьянами. Въ наше время такіе халдеи подожгли у одного крестьянина возъ сѣна, и, когда этотъ бѣдняга хотѣлъ было оказать имъ сопротивленіе, то они сожгли ему бороду и волосы на головѣ; не желающій подвергаться подобнымъ грубымъ выходкамъ халдеевъ, долженъ заплатить имъ копѣйку (6 пфенниговъ). Халдеи же одѣвались какъ масляничные шуты,

---

[1]) Полевой. Истор. русс. лит. 188 и сл.
[2]) Тамъ-же: 185, 187.

или штукари, на головахъ носили деревянныя раскрашенныя шляпы и бороды свои обмазывали медомъ для того, чтобы не поджечь ихъ огнемъ, который они пускали для потѣхи... Свой потѣшный огонь халдеи дѣлали изъ порошка, который добывали изъ одного наземнаго растенія или зелья, и порошокъ этотъ называется плауномъ (Plaun)... Огонь этотъ—прибавляетъ Олеарій—довольно забавенъ для глазъ и представляетъ удивительное зрѣлище, особенно пущенный ночью, или въ темномъ мѣстѣ, и имъ можно дѣлать бездну увеселительныхъ штукъ» [1]).

Я съ намѣреніемъ остановился нѣсколько долѣе на «халдеяхъ» и участіи ихъ въ «пещномъ дѣйствѣ», такъ какъ, по сохранившимся подробнымъ свѣдѣніямъ объ этомъ «дѣйствѣ», мы можемъ дѣлать заключенія о характерѣ «позоровъ» или представленій современныхъ халдеямъ скомороховъ,—представленій, несомнѣнно имѣвшихъ, какъ и пещное дѣйство, самую элементарную форму. Съ другой стороны, сами халдеи, не будучи скоморохами, сближаются съ послѣдними: 1) какъ исполнители «дѣйства»; 2) какъ народные потѣшники и проказники (см. ниже, гл. 3); 3) они, подобно святочнымъ ряженнымъ, въ теченіи времени своихъ бѣганій и потѣхъ, считались какъ бы язычниками, нечистыми, и должны были очищаться крещенской водой (см. ниже, гл. 5); наконецъ, 4) въ виду наносимаго нерѣдко огненными потѣхами халдеевъ вреда простому народу, потѣхи эти, а равно и бѣганіе халдеевъ по городу въ своеобразномъ ихъ нарядѣ, были запрещены патріархомъ, подобно тому какъ запрещались и наконецъ совершенно вывелись, приблизительно въ то же время, воскресные и праздничные публичные скоморошескіе «глумы» и потѣхи (см. ниже, гл. 6), воспоминаніе о которыхъ продолжаетъ еще жить въ народѣ въ видѣ игръ и представленій ряженныхъ, нынѣ пріурочиваемыхъ почти исключительно ко времени рождественскихъ святокъ и масляницы.

Къ разряду «глумовъ» или «позоровъ» безъ сомнѣнія причислялись и «игры глаголемыя куклы», кукольныя

[1]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 314—315.

игры, т. е. представленія изъ куколъ или маріонетокъ. Объ этихъ играхъ можно себѣ составить понятіе, какъ по кукольнымъ представленіямъ, до сихъ поръ даваемымъ обыкновенно при звукѣ шарманки, къ которой иногда присоединяются удары бубновъ и треугольника, скрывающимися за ширмами бродячими потѣшниками (преемниками старинныхъ скомороховъ-кукольниковъ), такъ и по описанію Олеарія, очевидца кукольныхъ комедій, представлявшихся на Руси въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія: «Они (комедіанты - кукольники) обвязываютъ вокругъ своего тѣла простыню—пишетъ Олеарій—поднимаютъ свободную ея сторону вверхъ и устраиваютъ надъ головой своей такимъ образомъ нѣчто въ родѣ сцены (theatrum portatile), съ которою они ходятъ по улицамъ и показываютъ на ней изъ куколъ разныя представленія» [1]).—Устройство современнаго бродячаго кукольнаго театра въ Москвѣ, по словамъ г. Ровинскаго, чрезвычайно простое: на двухъ палкахъ развѣшивается простыня изъ крашенины, и изъ-за этой простыни кукольникъ высовываетъ свои куклы и производитъ свои представленія; аккомпаньементъ къ этимъ представленіямъ, въ древнее время (на картинкѣ у Олеарія), состоялъ изъ гусляра и гудочника, теперь оба они замѣнены шарманкой. Въ изображенномъ у Олеарія кукольномъ представленіи г. Ровинскій узнаетъ «классическую комедію о томъ, какъ цыганъ продавалъ Петрушкѣ лошадь. Справа высунулся цыганъ, — онъ очевидно хвалитъ лошадь; въ срединѣ длинноносый Петрушка, въ огромномъ колпакѣ, поднялъ лошадкѣ хвостъ, чтобы убѣдиться, сколько ей лѣтъ; слѣва должно быть Петрушкина невѣста, Варюшка. Комедія эта — продолжаетъ г. Ровинскій — играется въ Москвѣ подъ Новинскимъ и до настоящаго времени; содержаніе ея очень не сложно: сперва является Петрушка, вретъ всякую чепуху виршами, картавя и гнуся въ носъ,—разговоръ ведется посредствомъ машинки, приставляемой къ нёбу, надъ языкомъ, точно такъ, какъ это дѣлается у французовъ и итальянцевъ.

---

[1]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 178—179. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ помѣщено изображеніе такого кукольнаго представленія, сопровождаемаго игрою двухъ музыкантовъ на гудкѣ и гусляхъ.

Является цыганъ, предлагаетъ Петрушкѣ лошадь. Петрушка осматриваетъ ее, при чемъ получаетъ отъ лошади брычки то въ носъ, то въ брюхо; брычками и пинками переполнена вся комедія, — они составляютъ самую существенную и самую смѣхотворную часть для зрителей. Идетъ торгъ, —цыганъ говоритъ безъ машинки, басомъ. Послѣ длинной переторжки, Петрушка покупаетъ лошадь; цыганъ уходитъ. Петрушка садится на свою покупку; покупка бьетъ его передомъ и задомъ, сбрасываетъ Петрушку и убѣгаетъ, оставляя его на сценѣ замертво. Слѣдуетъ жалобный вой Петрушки и причитанья на преждевременную кончину добраго молодца. Приходитъ докторъ: гдѣ у тебя болитъ?—вотъ здѣсь! И здѣсь?—и тутъ! Оказывается, что у Петрушки все болитъ. Но когда докторъ доходитъ до нѣжнаго мѣста, — Петрушка вскакиваетъ и цапъ его по уху; докторъ даетъ сдачи, начинается потасовка, является откуда-то палка, которою Петрушка окончательно и успокоиваетъ доктора.

«Какой-же ты докторъ», кричитъ ему Петрушка, «коли спрашиваешь, гдѣ болитъ?—на что ты учился?—самъ долженъ знать гдѣ болитъ!» Еще нѣсколько минутъ, — является квартальный, или, по кукольному, «фатальный фицеръ». Такъ какъ на сценѣ лежитъ мертвое тѣло, то Петрушкѣ производится строгій допросъ (дискантомъ): «зачѣмъ убилъ доктора?» — отвѣтъ (въ носъ): «затѣмъ, что свою науку худо знаетъ — битаго смотритъ, во что битъ не видитъ, да его-же еще и спрашиваетъ».

Слово за слово, —видно допросъ фатальнаго Петрушкѣ не нравится, онъ схватываетъ прежнюю палку, и начинается драка, которая кончается уничтоженіемъ и изгнаніемъ фатальнаго, къ общему удовольствію зрителей; этотъ кукольный протестъ противъ полиціи производитъ въ публикѣ обыкновенно настоящій фуроръ.

Пьеса кажется-бы и кончилась; но что дѣлать съ Петрушкой? И вотъ на сцену выбѣгаетъ деревянная собачка—пудель, обклеенная по хвосту и по ногамъ клочками взбитой ваты, и начинаетъ лаять со всей мочи (лай придѣланъ внизу изъ лайки). «Шавочка—душечка», ласкаетъ ее Петрушка:—«пойдемъ ко мнѣ жить, буду тебя кошачьимъ мясомъ кормить»; но шавочка, ни съ того ни

съ сего, хвать Петрушку за носъ; Петрушка въ сторону, она его за руку, онъ въ другую, она его опять за носъ; наконецъ Петрушка обращается въ постыдное бѣгство. Тѣмъ комедія и оканчивается. Если зрителей много, и Петрушкину свату, т. е. главному комедіанту, дадутъ на водку, то вслѣдъ за тѣмъ представляется особая интермедія, подъ названіемъ Петрушкиной свадьбы. Сюжета въ ней нѣтъ никакого, за то много дѣйствія. Петрушкѣ приводятъ невѣсту Варюшку; онъ осматриваетъ ее на манеръ лошади. Варюшка сильно понравилась Петрушкѣ и ждать свадьбы ему не въ терпежъ, почему и начинаетъ онъ ее упрашивать: «пожертвуй собой Варюшка!» за тѣмъ происходитъ заключительная сцена, при которой прекрасный полъ присутствовать не можетъ. Это уже настоящій и «самый послѣдній конецъ» представленія [1]; за тѣмъ Петрушка отправляется на наружную сцену балаганчика врать всякую чепуху и зазывать зрителей на новое представленіе.

Въ промежуткахъ между дѣйствіями пьесы, обыкновенно представляются танцы двухъ арапокъ,—иногда цѣлая интермедія о дамѣ, которую ужалила змѣя (Ева?); тутъ-же, наконецъ, показывается игра двухъ паяцовъ мечами и палкой. Послѣдняя выходитъ у опытныхъ кукольниковъ чрезвычайно ловко и забавно; у куклы корпуса нѣтъ, а только поддѣлана простая юбочка, къ которой сверху подшита пустая картонная голова, а съ боковъ руки, тоже пустыя. Кукольникъ втыкаетъ въ голову куклы указательный палецъ, а въ руки—первый и третій пальцы, обыкновенно напяливаетъ онъ по куклѣ на каждую руку и дѣйствуетъ такимъ образомъ двумя куклами разомъ... Шарманщикъ (бывающій при кукольной комедіи) вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ «понукалкой», т. е. вступаетъ съ Петрушкой въ разговоры, задаетъ ему вопросы и понукаетъ продолжать вранье свое безъ остановки» [2].

---

[1]) Заключительная сцена, по своему цинизму, совпадаетъ со старинными русскими кукольными представленіями, въ которыхъ, по свидѣтельству Олеарія, показывались «срамныя дѣла». Подр. опис. путеш. въ Москов. 178.

[2]) Ровинскій. Русс. нар. карт. II, 211; V, 225—227.

Г. Шейнъ такъ объясняетъ слова: «кукольникъ, кукольнички» — «родъ волочебниковъ, ходившихъ на св. Недѣли (въ прежнія времена) по деревнѣ для собиранія подачекъ, съ пѣснями, возя за собою особаго устройства ящикъ съ куклами» [1]). По личнымъ объясненіямъ г. Шейна, сообщаемымъ проф. Веселовскимъ, куклы движутся на колышкахъ и изображаютъ лошадокъ, обыкновенно краснаго цвѣта, среди которыхъ на бѣломъ конѣ фигурируетъ Св. Георгій; тѣ лошади—его стадо. За этимъ легендарнымъ сюжетомъ, по замѣчанію проф. Веселовскаго, легко предположить существованіе болѣе древняго, свѣтскаго, съ такими-же типами хлопа, пана, жида, цыгана и т. п., какіе до послѣдняго времени являлись на святочной сценѣ бѣлоруссовъ, то живьемъ, въ лицѣ ряженныхъ (ср. выше стр. 97—98), то въ кукольной драмѣ [2]). Проф. Безсоновъ такъ описываетъ кукольную комедію бѣлоруссовъ: устраивается ящикъ, въ родѣ нашего райка со стеклышкомъ, чаще съ отодвижною или подымающеюся переднею стѣнкою, иногда - же съ дверцами; въ ящикѣ извѣстныя декораціи; полъ устланъ шкуркой; прорѣзныя дорожки для движенія куколъ; самыя куклы въ цвѣтныхъ лоскутьяхъ, дѣйствуютъ посредствомъ проволокъ или веревочекъ, привязанныхъ къ разнымъ частямъ ихъ тѣла (какъ въ театрѣ маріонетокъ); разговоры дѣйствующихъ лицъ передаются самимъ хозяиномъ ящика или его слугами; свѣтъ въ ящикъ падаетъ сверху; ящикъ иногда порядочно великъ, въ родѣ подвижнаго балаганчика, и носятъ его два человѣка; начало и антракты имѣютъ музыку, волынку или скрипку; хозяинъ—антрепренеръ и товарищъ его, служитель; порою два, три служителя; иногда завѣдуетъ цѣлая компанія. Нынѣ ящики съ кукольной комедіей въ Бѣлой Руси носятъ названіе Вертепа, рѣже— Яслей: подъ вліяніемъ костёла, нынѣ главнымъ содержаніемъ разыгрываемыхъ въ нихъ пьесъ сдѣлались сцены изъ священнаго писанія, во главѣ которыхъ стоитъ представленіе рождества Христова, внутренность священнаго вертепа, со святымъ семействомъ, изображеніе Божествен-

---

[1]) Бѣлорусс. нар. пѣс. Словарь, сл.: «кукольникъ».
[2]) Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. п, 213—214.

наго Младенца въ ясляхъ (отсюда и новѣйшія названія кукольнаго ящика: «вертепъ» или «ясли»). Впрочемъ, и еще нынѣ въ «Вертепѣ» продолжаютъ представляться и болѣе вульгарныя кукольныя комедіи, на чисто народные сюжеты въ родѣ тѣхъ, какіе перечислены выше (стр. 98) [1].

Бѣлорусскій кукольный ящикъ «Вертепъ» (или «Ясли») сближается съ великорусскимъ райкомъ. «Раёкъ — это небольшой, аршинный во всѣ стороны, ящикъ, съ двумя увеличительными стеклами впереди, пишетъ г. Ровинскій. Внутри его перематывается съ одного катка на другой длинная полоса съ доморощенными изображеніями разныхъ городовъ, великихъ людей и событій. Зрители, «по копѣйкѣ съ рыла», глядятъ въ стекла, — раешникъ передвигаетъ картинки и разсказываетъ присказки къ каждому новому нумеру, часто очень замысловатыя: «а вотъ извольте видѣть, господа, андереманиръ штукъ—хорошій видъ, городъ Кострома горитъ; вонъ у забора мужикъ стоитъ и .....; квартальный его за воротъ хватаетъ, — говоритъ, что поджигаетъ, а тотъ кричитъ, что заливаетъ (намекъ на знаменитые Костромскіе пожары, во время которыхъ собственное неряшество обвиняло въ поджигательствѣ чуть не каждаго попавшагося, поголовно). Картина перемѣняется, выходитъ Петербугскій памятникъ Петра перваго: «а вотъ андереманиръ штукъ — другой видъ, Петръ первый стоитъ; государь былъ славный, да притомъ-же и православный; на болотѣ выстроилъ сто-

---

[1]) Бѣлорусс. пѣс. I, 99, 105. Какъ грубые и элементарные «позоры» скомороховъ относятся къ позднѣйшимъ, болѣе сложнымъ, художественнымъ «позорищнымъ играмъ», т. е. трагедіямъ и комедіямъ, такъ и элементарныя кукольныя представленія скомороховъ относятся къ позднѣйшимъ усовершенствованнымъ «кукольнымъ играмъ», дававшимся на особыхъ сценахъ: «Между позорищными играми» — читаемъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1733 г.—«надлежитъ такожде считать и кукольныя игры, въ которыхъ представленія не живыми персонами, но куклами дѣлаются. Такія куклы столь искусно дѣлаются, что всѣ ихъ члены тонкими проволоками, какъ кому угодно, обращать можно, и такимъ способомъ оными всѣ движенія человѣческаго тѣла изображаются. Хотя рѣчи помянутыхъ куколъ отъ скрытыхъ позади театра людей произносятся, однакожъ ради нарочитаго отдаленія смотрителей, оное насилу примѣтить можно... Къ томужъ такими куклами многія дѣйствія показать можно, къ которымъ живыя персоны весьма не способны. Напримѣръ, можно ими удивительнѣйшіе образы людей, рѣдко виданные уроды, смертельныя убивства, и другія симъ подобныя вещи очень легко изъявлять, чтобъ живыми людьми не безъ великаго труда въ дѣйство производить надлежало». (Примѣчаніе на Вѣдомости, часть 45, іюня 4-го 1733 г., стр. 182). По свидѣтельству Олеарія, видѣнныя имъ русскія кукольныя игры (см. выше стр. 106) изображали, между прочимъ, срамныя дѣла, для обозначенія которыхъ авторъ невольно прибѣгаетъ къ латинскому языку. (Подр. опис. путеш. въ Москов. 178).

лицу, ... государь былъ славный, да притомъ-же и православный». Еще картинка: «а вотъ андереманиръ штукъ—другой видъ, городъ Палерма стоитъ; барская фамилія по улицамъ чинно гуляетъ и нищихъ итальянскихъ рускими деньгами щедро надѣляетъ. А вотъ извольте посмотрѣть андереманиръ штукъ—другой видъ, Успенскій соборъ въ Москвѣ стоитъ; своихъ нищихъ въ шею бьютъ, ничего не даютъ» и т. д. Въ концѣ происходятъ показки ультра-скоромнаго пошиба, о томъ напримѣръ, какъ «зять тещу завелъ въ осиновую рощу», и о томъ, какъ: «она ему твердила...» и т. д. которыя для печати уже совсѣмъ непригодны» [1]):

Съ образомъ скомороха-потѣшника сближается типъ домашняго шута или дурака. Самымъ виднымъ, наиболѣе выдающимся предметомъ комнатной забавы, по замѣчанію г. Забѣлина, былъ дуракъ, шутъ. Это былъ, если можно такъ выразиться, источникъ постояннаго спектакля, постоянной вседневной утѣхи для всѣхъ комнатныхъ дворцовыхъ людей. Обязанность дурака заключалась въ томъ, чтобы возбуждать веселость, смѣхъ. Достигалась эта цѣль то пошлыми, то остроумными словами и поступками, нерѣдко впадавшими въ цинизмъ. Дуракъ, независимо отъ потѣшной роли своей, иной разъ становился суровымъ и неумолимымъ обличителемъ лжи, коварства, лицемѣрія и всякихъ пороковъ, нерѣдко только такимъ путемъ доходившихъ до свѣдѣнія его господина. Достовѣрныя извѣстія объ историческихъ шутахъ русскихъ мы имѣемъ, начиная съ XVI столѣтія. Извѣстенъ шутъ Гаврило въ 1537 г. Шутовъ и шутовство особенно любилъ царь Іоаннъ Грозный. Одинъ итальянецъ, бывшій въ Москвѣ въ 1570 г., разсказываетъ между прочимъ: «царь въѣзжалъ при насъ въ Москву... Впереди ѣхали 300 стрѣльцовъ, за стрѣльцами шутъ его на быкѣ, а другой въ золотой одеждѣ, затѣмъ самъ государь». Царь Ѳедоръ Іоанновичъ также всегда забавлялся шутами и карликами мужескаго и женскаго пола, которые кувыркались передъ нимъ и пѣли

---

[1]) Ровинскій. Рус. нар. карт. V, 231—232, прим. 187.

пѣсни. Даже Тушинскій царикъ имѣлъ при себѣ шута, Петра Киселева. Въ смутное время упоминается шутъ Иванъ Яковлевъ Осминка, который бывалъ у царя (Шуйскаго или Тушинскаго—неизвѣстно) всякій большой праздникъ. Молодаго царя Михаила Ѳедоровича въ первое время (1613 г.) потѣшалъ дуракъ Мосяга или Мосѣй (Моисей), а въ хоромахъ у матери царя, великой царицы иноки Марѳы Ивановны, въ Вознесенскомъ монастырѣ жила дура Манка (Марья) [1]). Не буду останавливаться на дальнѣйшихъ именахъ извѣстныхъ царскихъ шутовъ и дураковъ. Княжескій или царскій шутъ или дуракъ-забавникъ и насмѣшникъ нашелъ себѣ мѣсто и въ былинахъ: Добрынина мать спрашиваетъ своего сына, который въ кручинѣ возвращается съ княжескаго пира:

«Идешь съ пиру—самъ кручинишься?
Знать мѣсто было тамъ не по чину,
Чарой на пиру тебя пріобнесли,
Аль дуракъ на пиру надсмѣялся, де?» [2])

Въ другой былинѣ король Политовскій на пиру обращается къ двумъ татарамъ, не принимающимъ участія въ общемъ весельѣ:

Не ѣдите, не пьете, не кушаете:
Ѣства вамъ не по уму, питья не по разуму,
Аль дуракъ надъ вами насмѣялся,
Пьяница васъ пріобозвалъ? [3])

Шуты держались и частными людьми. Описывая придворный бытъ императрицы Анны Іоанновны, въ царствованіи которой, замѣтимъ кстати, униженіе человѣческаго достоинства въ лицѣ шута достигало высшихъ предѣловъ, Манштейнъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, что «по древнѣйшему въ Россіи обычаю, каждый частный человѣкъ, получающій хорошіе доходы, имѣетъ при себѣ по крайней мѣрѣ одного шута» [4]). Остатокъ обычая держать

---

[1]) Забѣлинъ. Дом. бытъ русс. царицъ. 416 и сл.
[2]) Кирѣевскій. Пѣсни. II, 26.
[3]) Рыбниковъ. Пѣсни. IV, 93.
[4]) См. у Забѣлина. Дом. бытъ русс. царицъ. 419.—Во многихъ русскихъ домахъ изстари, какъ и при царскомъ дворѣ, держались для забавы и карлы и карлицы: «Нѣтъ ни одного знаменитаго господина, который-бы не держалъ карлика или карлицы

для потѣхи шутовъ, по словамъ Прыжева, сохранился между прочимъ въ Московскихъ городскихъ рядахъ, гдѣ каждый рядъ имѣетъ собственнаго шута. Такъ лѣтъ 25 тому назадъ Ѳ. Н. принадлежалъ Ножевой линіи, въ нижнемъ игольномъ ряду былъ нѣкій И. С., въ серебряномъ-же И. К. Къ нимъ должно отнести и здороваго мужика, пребывавшаго въ гостиномъ дворѣ, гдѣ онъ за двѣ копѣйки лаялъ собакою, кричалъ пѣтухомъ, блеялъ, мычалъ и пр. Этого мужика любители собачьяго лая приглашали нà домъ, для увеселенія своихъ женъ и домочадцевъ. Ходилъ по рядамъ еще идіотъ, кричавшій павлиномъ. «Идетъ этотъ идіотъ, и кричатъ со всѣхъ сторонъ: «прокричи павлинчикомъ! прокричи павлинчикомъ!» Онъ кричитъ, и всѣ выходятъ изъ-за прилавковъ, и смѣются, и смѣются всѣ проходящіе. Получивъ несчастное подаяніе, идіотъ идетъ дальше» [1]). Такого рода шуты или дураки соотвѣтствуютъ западнымъ народнымъ дуракамъ (Volksnarr), какъ упомянутые выше царскіе шуты— западнымъ дуракамъ придворнымъ (Hofnarr). — Г. Ровинскій также замѣчаетъ, что въ Москвѣ шутовство было еще въ полномъ ходу до послѣдняго времени, въ лицѣ смышленаго дурака Ивана Савельича, всенародно бѣгавшаго на гуляньѣ въ Подновинскомъ, декольте, въ шитомъ красномъ мундирѣ, въ женской юбкѣ и въ женской шляпкѣ задомъ на передъ, и нѣсколькихъ другихъ менѣе извѣстныхъ шутовъ. Иванъ Савельичъ былъ любимцемъ старухи К. П. Толстой и многихъ московскихъ баръ и барынь 1820 — 40 годовъ; онъ занимался разноскою по домамъ чая, сахара, табаку и разныхъ мелочей и продажею ихъ въ три-дорога; всякій покупалъ у него охотно, за его прибаутки и присказки. «Сына», разсказывалъ онъ, «хотѣлъ я пустить по своей дорогѣ, выгодно право; да нѣтъ, глупъ оказался, въ гражданскую пустилъ» [2]).

для хозяйки дома», писалъ въ началѣ прошедшаго столѣтія авторъ сочиненія «Das veraenderte Russland». 1721. (I, 285). Вслѣдствіе того, на праздновавшейся въ 1710 г. свадьбѣ царскаго карлика [Екима Волкова] съ карлицей, оказалось возможнымъ собрать, въ качествѣ гостей, до 72 карликовъ. Обычай держать для забавы карликовъ и карлицъ сохранялся во многихъ русскихъ домахъ, даже не особенно богатыхъ, до средины XIX столѣтія. Карлы и карлицы, по словамъ г. Ровинскаго, цѣнились на равнѣ съ самыми дорогими звѣрьми и собачками. (Русс. нар. карт. IV, 332; V, 274).

[1]) Прыжевъ. Нищіе на святой Руси. 1862 г. Стр. 102—103.

[2]) Русс. нар. карт. V, 273—274.

Выше (стр. 94) приведено свидѣтельство Маскѣвича о томъ, что въ Москвѣ на вечеринкахъ забавляли присутствовавшихъ плясками и кривляньями шуты (блазни), пѣвшіе при томъ по большей части весьма безстыдныя пѣсни. Здѣсь образы шутовъ и скомороховъ сливаются. На лубочныхъ картинкахъ встрѣчаемъ изображенія пировъ, гдѣ, кромѣ пирующихъ, представлены еще, то шутъ, то пѣвецъ съ гитарой или безъ гитары, то балалаечникъ, т. е. представители разныхъ отраслей скоморошескаго искусства. На другихъ картинкахъ изображены: скоморохъ-волынщикъ въ шутовскомъ костюмѣ съ бубенчиками, или: шутъ, играющій на волынкѣ, въ шутовскомъ нарядѣ, т. е. такой же скоморохъ-волынщикъ, и т. п. [1]).

Извѣстно въ народѣ выраженіе: шутъ гороховый. Не находится ли оно въ связи съ образомъ упомянутаго выше (стр. 95 и сл.) гороховаго медвѣдя, какъ одной изъ фигуръ святочнаго маскарада, т. е. окутаннаго гороховой соломой скомороха? Въ послѣдній день масляницы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи возятъ гороховаго шута или соломенное чучело, похожее на женщину съ распущенными волосами; это называютъ: провожать масляницу [2]). Сближеніе здѣсь гороховаго шута съ соломеннымъ чучеломъ свидѣтельствуетъ въ пользу моего предположенія о связи его съ фигурой западно-славянскаго окутаннаго гороховой соломой ряженнаго («гороховаго медвѣдя»).—Другое выраженіе: шутъ полосатый очевидно вызвано полосатымъ костюмомъ шутовъ-потѣшниковъ. Подъ изображеніемъ на лубочной картинкѣ шута Гоноса, между прочимъ подписано: «вкавтанъ азъ облекся полосаты» [3]). Какъ скоморошество (глумотворство, смѣхотворство, переряживаніе) считалось дѣломъ «бѣсовскимъ», «сатанинымъ», какъ ряженые скоморохи уподоблялись «бѣсамъ», какъ скоморохъ вообще считался исчадіемъ чорта (см. ниже), такъ и шутъ, въ качествѣ глумца, смѣхотворца, въ народныхъ поговоркахъ отождествляется съ чортомъ, напр. говорятъ: «шутъ

---

[1]) Ровинскій. Русс. нар. карт. I, 312, 313.
[2]) Тамъ-же: V, 218.
[3]) Тамъ-же: IV, 311.

(вмѣсто: «чортъ») его побери», «ну его къ шуту» (=къ чорту), «допился до шутиковъ» (= до чертиковъ)[1]. Повторяю, что образы русскихъ шутовъ и скомороховъ неоднократно не только сближаются, но и сливаются во едино.

Старинныя скоморошныя персоны, по замѣчанію г. Ровинскаго, дошли до насъ въ двухъ типахъ: мужикъ Ерема-пакольникъ, который на масляной вылѣзаетъ на балаганный балконъ, вретъ всякую еремелицу впопадъ и невпопадъ, но только всегда въ риѳму, глотаетъ зажженную паклю, вытягиваетъ изъ горла безконечную ленту, и постоянно пререкается и дерется съ другимъ скоморошьимъ ублюдкомъ—шутомъ, выпачканнымъ въ мукѣ и прозваннымъ Замазкой—это итальянскій Gian Farina, т. е. Иванъ-мука.

Во главѣ шутовъ или дураковъ вполнѣ русскаго изобрѣтенія стоятъ прославленные въ разныхъ повѣстяхъ, пѣсняхъ, былинахъ, народныхъ картинкахъ, Ѳома и Ерема. Оба они братья, друзья-товарищи, неудачники во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Дурацкая, шутовская природа обоихъ неразлучныхъ братьевъ обнаруживается, какъ во внѣшнемъ видѣ, такъ и въ похожденіяхъ ихъ:

Ерема былъ плешивъ, а Ѳома шелудивъ,
Брюхаты, пузаты, бородаты,
Носы покляпы, умомъ оба равны...
Ерема кривъ, а Ѳома съ бѣльмомъ...
. . . .
Еремей щепливъ, а Ѳома ломливъ;
На Еремѣ шляпа, а на Ѳомѣ колпакъ,
Ерема въ сапогахъ, а Ѳома въ чеботахъ,
Ерема въ чужомъ, а Ѳома не въ своемъ.

(Изъ повѣсти о Еремѣ и Ѳомѣ по рукоп. XVIII в.)

Или:

Ерема съ Ѳомой были брательнички,
Они ладно живали, хорошо хаживали;
Ерема-то въ рогожкѣ, Ѳома въ торжицѣ;
У нихъ бороды какъ бороны, усы какъ кнуты.

(Изъ пѣсни, записанной Костомаровымъ въ Саратовской губ.)

---

[1]) Шуты и скоморохи. «Историч. Вѣстн.» 1888 г., т. XXXII, стр. 463. Въ этой же статьѣ читатель найдетъ обильныя свѣдѣнія о шутахъ западно-европейскихъ.

Приведу нѣкоторые отрывки изъ только что упомянутой забавной повѣсти о названныхъ двухъ братьяхъ:

Были себѣ да жили два человѣка
Торговые люди—Ерема да Ѳома.
Славные люди! славно живутъ!
Сладко пьютъ и ѣдятъ, носятъ хорошо!
У Ереме клѣть, а у Ѳомы изба.
. . . .
Похотѣлось двумъ братомъ—Еремѣ съ Ѳомою—
Сѣсти поѣсти, позавтракати;
Ерема сѣлъ на лавку, а Ѳома въ скамью,
Ерема за рѣдьку, а Ѳома за чеснокъ,
Ерема чеснокъ лупитъ, а Ѳома толчётъ,
Толко сидятъ, ничего не ѣдятъ,
Коя бѣда ѣсть (коли нѣтъ ничего?)
Вставши они, другъ другу челомъ,
(Другъ другу челомъ) а не вѣдаютъ о чемъ.

Собрались братья въ церковь, къ обѣднѣ:

Ерема крестится, а Ѳома кланяется,
Ерема въ книгу глядитъ, а Ѳома поклоны установляетъ.
Ерема не учитъ, а Ѳома не умѣетъ.

Пришелъ къ нимъ лихой пономарь съ требованіемъ денегъ на молебнъ, но денегъ у нихъ не оказалось:

Осердился на нихъ лихой пономарь,
Ерему въ шею, а Ѳому въ толчки,
Ерема въ двери, а Ѳома въ окно,
Ерема ушелъ въ лѣсъ, а Ѳома—въ сосникъ;
Стали они другъ другу говорить:
«Кого мы боимся, да одно себѣ бѣжимъ?»

Поступаютъ братья къ хозяину, осердился хозяинъ на Ерему и на Ѳому, повторяется такое же, какъ раньше, избіеніе обоихъ:

Ерему били, а Ѳомѣ не спустили,
Ерема ушелъ въ березнякъ, а Ѳома—въ дубнякъ.

Сговорились братья зайцевъ и лисицъ хватать:

Ерема Ѳомѣ говоритъ:
«Брате Ѳоме, хватай, въ кошель сажай!»
— Коя бѣда хватать, коли нѣтъ ничего?»

После разныхъ еще неудачныхъ похожденій,

Ерема сѣлъ въ лодку, а Ѳома въ ботникъ,
Лодка утла, а ботникъ безо дна;
Ерема поплылъ, а Ѳома не остался;
Какъ будутъ они середи рѣки,
Стрѣтился имъ на рѣкѣ шатунъ;
На Ерему навалился, а Ѳому выпрокинулъ,
Ерема (въ) водѣ, а Ѳома на дно;
Оба упрямы, со дна не бывали.
. . . .
И тако двумъ братомъ конецъ! Еремѣ съ Ѳомою,
Обѣимъ дуракамъ упрямымъ, смѣхъ и позоръ».

Печальный конецъ братьевъ-дураковъ въ подписи подъ соотвѣтствующей картинкой изложенъ такъ: «Ерема опрокинулся (въ) воду, Ѳома на дно оба упрямы содна неидутъ (.) по еремѣ блины по ѳоме пироги а начинку выклевали воробьи». —Оба «дурака» имѣютъ и характеръ скомороховъ: на народныхъ картинкахъ они являются въ видѣ «Ѳомушки музыканта и Еремы поплюханта». «Ѳома музыку разумеетъ а ерема свистать щелкать плесать хорошо умеетъ. Ѳома толко что іграетъ: а ерема глазами мигаетъ і ..... віляетъ», читаемъ въ подписи подъ изображеніемъ обоихъ молодцовъ. По словамъ только что приведенной, въ выдержкахъ, повѣсти о братьяхъ-дуракахъ,

У Ереме гусли, а у Ѳомы домра...
Ерема играетъ, а Ѳома напѣваетъ [1]).

Мы видѣли выше, что образъ дурака или шута (народнаго или придворнаго) неоднократно сливается на Руси съ образомъ скомороха; такъ точно получаютъ въ народномъ представленіи характеръ скомороховъ и дураки Ерема съ Ѳомой, сдѣлавшіеся героями народныхъ повѣстей, пѣсень и картинокъ, игривые тексты которыхъ въ свою очередь исполнены юмора и изукрашены шутками и прибаутками, несомнѣнно роднящимися съ импровизаціями, «глумами» и «кощунами» старинныхъ смѣхотворцевъ и глумословцевъ—скомороховъ.

---

[1]) Ровинскій. Русс. нар. карт. 1, 426, 437; IV, 295 и сл.; V, 271 и сл.

гг. Скоморохи и вожаки медвѣдей и другихъ ученыхъ звѣрей.—Плясуны на канатѣ.

Къ числу наиболѣе любимыхъ и распространенныхъ въ старину въ Россіи забавъ принадлежала потѣха медвѣжья. Медвѣдей, которыми такъ изобиловали обширные лѣса, покрывавшіе русскую землю, изстари ловили и содержали для разныхъ потѣшныхъ цѣлей: забавлялись медвѣжьей травлей (травили пойманныхъ медвѣдей собаками [1]), иногда же травили людей медвѣдями) [2]), медвѣжьимъ боемъ (спускались для борьбы медвѣди между собой, чаще же боролись съ медвѣдемъ люди) [3]), наконецъ—медвѣжьей

---

[1]) См. у Забѣлина. Дом. бытъ русс. царицъ. 464.—О медвѣжьихъ потѣхахъ упоминается въ сказаніи о Лукѣ Колоцкомъ (въ началѣ XV в.), который держалъ множество псовъ и медвѣдей и ими «веселяшеся и утѣшашеся» (Древ. лѣтописецъ. II. 416, 417). Малюта Скуратовъ держалъ медвѣдей, которыхъ травилъ для потѣхи. Травля на медвѣдя продолжала существовать въ Москвѣ почти до шестидесятыхъ годовъ нашего столѣтія, за Рогожской заставой; на эту медвѣжью травлю, по словамъ г. Ровинскаго, каждое воскресенье собиралось множество народа, посмотрѣть, какъ «коровьяго врага» собаки треплютъ. (Русс. нар. карт. IV, 290: V, 231.)

[2]) Іоаннъ Грозный, по свидѣтельству Гвагнина, неоднократно травилъ людей медвѣдями, и въ гнѣвъ, и въ забаву: видя иногда изъ дворца толпу народа, всегда мирнаго, тихаго, приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей и громко смѣялся бѣгству, воплю устрашенныхъ, гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими; изувѣченныхъ царь награждалъ: давалъ имъ по золотой деньгѣ и болѣе. Это бывало большею частью въ зимнее время, когда Іоаннъ изъ дворца своего видѣлъ людей, катающихся по льду рѣки и пруда. (Карамзинъ. Исторія государства россійскаго. 1843 г. т. IX, стр. 97 и прим. 322.)—Кельхъ разсказываетъ о казни, совершенной Іоанномъ въ 1568 г. надъ заподозрѣнными въ измѣнѣ. Умерщвлены были не только виновные, но и ихъ семьи, даже ихъ скотъ, собаки и проч. животныя. Два брата, служившіе палачами, не могли убить найденнаго ими въ колыбели прекраснаго младенца и принесли его царю. Іоаннъ взялъ его, ласкалъ и цѣловалъ, а затѣмъ закололъ его ножемъ и выбросилъ изъ окна, на съѣденіе медвѣдямъ (Kelch. Liefländische Historia. 1695. S. 281—282), которые, слѣдовательно, помѣщались подъ царскими окнами.—Слуги подражали господину. Лѣтописецъ разсказываетъ подъ 1572 годомъ: на Софійской сторонѣ, въ земщинѣ Суббота Осетръ (тотъ самый, который въ 1571 г. набиралъ по городамъ и селамъ для царской потѣхи медвѣдей и скомороховъ) билъ до крови дьяка Данила Бартенева и медвѣдемъ его дралъ, и въ избѣ дьякъ былъ съ медвѣдемъ; подьячіе изъ избы сверху метались вонъ изъ оконъ; на дьякѣ медвѣдь платье изодралъ, и въ одномъ кафтанѣ понесли его на подворье. (См. у Соловьева. Ист. Росс. VII, 172.)—У Романовскаго (около 1720 г.) были ученые медвѣди, которые, по знаку хозяина, бросались мять прогнѣвавшаго хозяина гостя («Русская Старина» 1872 г. Т. VII, стр. 850).

[3]) Изъ временъ Іоанна Грознаго и Ѳедора Іоанновича имѣемъ слѣдующія извѣстія: Василій Усовъ тѣшилъ государя, закололъ передъ нимъ медвѣдя; Молыниновъ государя тѣшилъ, привелъ медвѣдя съ хлѣбомъ да съ солью въ саадакѣ (т. е. вооруженнаго лукомъ и стрѣлами), и съ дикимъ медвѣдемъ своего медвѣдя спускалъ; тѣшился государь на царицыны именины медвѣдями, волками и лисицами, и медвѣдь Глазова (охотника) ободралъ. (Соловьевъ. Ист. Россіи. VII, 382.)—Въ XVII столѣтіи, при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ медвѣжья потѣха этого рода была въ полномъ ходу. Имѣемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о неустрашимыхъ бойцахъ съ медвѣдями,

комедіей. Медвѣжья комедія заключалась въ представленіяхъ, дававшихся учеными медвѣдями, а именно: въ пляскѣ ихъ, въ подражаніи ими разнымъ дѣйствіямъ человѣка, въ исполненіи разныхъ гимнастическихъ упражненій и т. п. Все это составляло, по выраженію г. Забѣлина, собравшаго обильный матеріалъ по всѣмъ тремъ статьямъ названной потѣхи,—довольно разнообразный и очень занимательный спектакль для тогдашняго общества, вполнѣ замѣнявшій ему наше театральное зрѣлище. Какъ всякая игра, такъ и медвѣжья комедія привлекла къ себѣ участіе скомороховъ, сопровождавшихъ медвѣжьи представленія игрою на музыкальныхъ инструментахъ. По свидѣтельству 2-ой Новгородской лѣтописи, въ 1571 г. въ разныхъ городахъ и селахъ набирались для царской потѣхи медвѣди и скоморохи [1]). Олеарій упоминаетъ о волынщикахъ, игравшихъ подъ пляску медвѣдей при дворѣ Іоанна Грознаго [2]). Кромѣ извѣстій о медвѣжьихъ потѣхахъ царскихъ, имѣемъ разныя свѣдѣнія о томъ, что подобныя забавы распространены были и въ народѣ, какъ въ Россіи, такъ и въ Литвѣ. Вундереръ, описывая великое княжество Литовское въ 1590 г., говоритъ, что жители его въ особенности держатъ много медвѣдей, которыхъ обучаютъ играмъ, борьбѣ, пляскамъ, верченію мельницъ, черпанію воды, ловленію рыбы, и прибавляетъ, что и въ Москвѣ и въ Лифляндіи есть медвѣди, которые, подобно матросамъ, лазятъ вверхъ и внизъ по мачтовымъ столбамъ [3]). Севастьянъ Клёновичъ (ум. 1602 г.) въ своей Роксоланіи упоминаетъ, между прочимъ, о русскихъ медвѣдчикахъ XVI вѣка и искусствѣ обучаемыхъ ими медвѣдей: по его словамъ, послѣдніе умѣютъ подъ сиплый звукъ дудки (tibia) ударять въ тактъ въ ладони, вста-

---

при чемъ неоднократно упоминается о томъ, что того или другаго бойца медвѣдь «измялъ», или на немъ «платье ободралъ», тому или другому «изъѣлъ руку», «изъѣлъ голову» и т. п. Оружіемъ бойцовъ служили рогатины и вилы, которыя всаживались разсвирѣпѣвшему, поднявшемуся на заднія лапы, медвѣдю въ грудь. (См. у Забѣлина. Дом. бытъ русс. царицъ. 467 и сл.)

[1]) См. выше стр. 5. Есть подобная же грамота царя Михаила Ѳеодоровича (1619 г.), посланная имъ на сѣверъ, въ медвѣжью страну, которой приказывалось собирать для царской псарни собакъ и медвѣдей. (Забѣлинъ. Дом. бытъ русс. царицъ. 462—463.)

[2]) Подр. опис. путеш. въ Москв. 79.

[3]) Wunderer. Reise in Moskau 1590, въ Frankfurter Archiv für ältere deutsche Literatur und Geschichte. 1812. II, S. 199.

вать (на дыбы), по приказанію вожака, съ обращеннымъ къ небу лицомъ, подражать непристойнымъ пляскамъ народной толпы и т. п. Михалонъ Литвинъ говоритъ, что «крестьяне, оставивъ поле, идутъ въ шинки и пируютъ тамъ дни и ночи, заставляя ученыхъ медвѣдей увеселять себя пляскою подъ волынку» [1]. По свидѣтельству Ригельмана, Литвяки медвѣдей ученыхъ по городамъ водятъ и на трубахъ, при этомъ играютъ [2]. О медвѣдчикахъ и ихъ вожакахъ неоднократно говорится и въ разныхъ русскихъ памятникахъ, упоминаемыхъ ниже (стр. 122). Можетъ быть и Лука Колоцкій (см. выше стр. 118, пр. 1) «веселился и утѣшался» не только дикими, но и учеными медвѣдями [3]. Подробное перечисленіе показываемыхъ учеными медвѣдями потѣшнихъ дѣйствій находимъ въ слѣдующемъ объявленіи, напечатанномъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1 іюля 1771 г. № 52: «*Для извѣстія*. Города Курмыша Нижегородской губерніи крестьяне привели въ здѣшній городъ двухъ большихъ медвѣдей, а особливо одного отмѣнной величины, которыхъ они искусствомъ своимъ сдѣлали столь ручными и послушными, что многія вещи, къ немалому удивленію смотрителей, по ихъ приказанію исполняютъ, а именно: 1) вставши на дыбы присутствующимъ въ землю кланяются, и до тѣхъ поръ не встаютъ, пока имъ приказано не будетъ; 2) показываютъ, какъ хмель вьется; 3) на заднихъ ногахъ танцуютъ; 4) подражаютъ судьямъ, какъ они сидятъ за судейскимъ столомъ; 5) натягиваютъ и стрѣляютъ, употребляя палку, будто бы изъ лука; 6) борются; 7) вставши на заднія ноги и воткнувши между оныхъ палку ѣздятъ

---

[1]) См. у Веселовскаго. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. п, 186.

[2]) Чтенія въ Императ. обществѣ исторіи и древностей росс. при Московск. университетѣ. 1847 г. Апрѣль: Прибавленіе къ лѣтописному повѣствованію о Малой Россіи. 1785—1786 г., стр. 87.

[3]) Любовь къ ученымъ медвѣдямъ распространена была и позже въ высшихъ сферахъ. С.-Петербургскій преосвященный Ѳеодосій Янковскій (1745—1750) былъ страстный любитель медвѣдей; келейникъ его Карповъ обучалъ молодыхъ медвѣжатъ ходить на заднихъ лапахъ и плясать, въ платьѣ и безъ платья, и дѣлать разныя «фигуры». Императрица Елизавета, любившая держать въ передней молодыхъ «медвѣдковъ», отсылала ихъ для обученія въ Александроневскую лавру, къ преосвященному. Карповъ, занимавшійся здѣсь ихъ обученіемъ, доставилъ, между прочимъ, въ 1754 г. въ дворцовый кабинетъ рапортъ, что изъ двухъ присланныхъ ему медвѣжатъ онъ одного обучилъ ходить на заднихъ лапахъ, и даже въ платьѣ, «а другой медвѣденокъ къ наукѣ непонятенъ и весьма сердитъ». (Древняя и Новая Россія». 1876. № 12, стр. 418—419.)

такъ, какъ малые робята; 8) берутъ палку на плечо, и съ оною маршируютъ, подражая учащимся ружьемъ солдатамъ; 9) задними ногами перебрасываются черезъ цѣпь; 10) ходятъ какъ карлы и престарѣлыя, и какъ хромыя ногу таскаютъ; 11) какъ лежанка безъ рукъ и безъ ногъ лежитъ и одну голову показываетъ; 12) какъ сельскія дѣвки смотрятся въ зеркало и прикрываются отъ своихъ жениховъ; 13) какъ малыя робята горохъ крадутъ и ползаютъ, гдѣ сухо, на брюхѣ, а гдѣ мокро, на колѣняхъ, выкравши-же валяются; 14) показываютъ какъ мать дѣтей родныхъ холитъ, и какъ мачиха пасынковъ убираетъ; 15) какъ жена милова мужа приголубливаетъ; 16) порохъ изъ глазу вычищаютъ съ удивительною бережливостью; 17) съ неменьшею осторожностью и табакъ у хозяина изъ за губы вынимаютъ; 18) какъ теща зятя подчивала, блины пекла и угорѣвши повалилась; 19) допускаютъ каждаго на себя садиться и ѣздить безъ малѣйшаго сопротивленія; 20) кто похочетъ, подаютъ тотчасъ лапу; 21) подаютъ шляпу хозяину, и барабанъ, когда козой играетъ; 22) кто поднесетъ пиво или вино, съ учтивостью принимаютъ и выпивши посуду назадъ отдавая кланяются. Хозяинъ при каждомъ изъ вышеупомянутыхъ дѣйствій сказываетъ замысловатыя и смѣшныя приговорки, которыя тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ больше сельской простоты въ себѣ заключаютъ Не столько вещь сія была смотрѣнія достойна, ежели-бъ сіи дикіе и въ протчемъ необуздаемые звѣри были лишены тѣхъ природныхъ своихъ орудій, коими они людямъ страхъ и вредъ наносятъ; напротивъ того не обрублены у нихъ лапы, также и зубы не выбиты, какъ то обыкновенно при таковыхъ случаяхъ бываетъ». (Слѣдуетъ обозначеніе времени и мѣста представленія и платы за мѣста). Въ 21 пунктѣ только что приведеннаго документа, находимъ связь съ извѣстнымъ маскараднымъ сочетаніемъ фигуры медвѣдя и козы, на которое указано было мною выше (стр. 97); въ этомъ проявляется и воспоминаніе о связи медвѣжьей комедіи съ игрою скомороховъ. Дѣйствительно, кромѣ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ о набираніи медвѣдей и скомороховъ для царскаго двора, объ игрѣ волынщиковъ подъ пляски медвѣдей, объ игрѣ на трубахъ при

представленіи ученыхъ медвѣдей, древній обычай водить для потѣхи толпы ученыхъ медвѣдей подтверждается еще слѣдующими свидѣтельствами, сводящимися къ запрещенію, изложенному въ прав. 61-мъ Трулльскаго собора. Кормчая книга по списку 1282 г. осуждаетъ «влачащая медвѣди [1]). Домострой называетъ медвѣдей въ числѣ богомерзскихъ дѣлъ, рядомъ съ пѣснями, плясаніемъ, гудёніемъ и пр. [2]). Стоглавъ порицаетъ «кормящихъ и хранящихъ медвѣди... на глумленіе [3]). Митрополитъ Даніилъ ратуетъ противъ «водящихъ медвѣди» [4]). Протопопъ Аввакумъ разсказываетъ о встрѣченныхъ имъ «плясовыхъ медвѣдяхъ съ бубнами и домрами и харяхъ» (маскахъ) [5]); Олеарій упоминаетъ о комедіантахъ-кукольникахъ, сопровождающихъ вожаковъ медвѣдей [6]); въ царской грамотѣ 1648 г. порицаются тѣ, кто «медвѣди водятъ» [7]), а другая грамота царя Алексѣя Михайловича того-же года ополчается противъ игрецовъ бѣсовскихъ скомороховъ, ходящихъ «съ домрами и съ медвѣди» [8]). Въ старинной рукописи 1656 г. говорится о веселыхъ гуляющихъ людяхъ и ихъ медвѣдѣ [9]). Авторъ описанія Московіи (въ концѣ XVII в.) сравниваетъ смѣшныя, по его выраженію, пляски русскихъ съ пляскою ученыхъ русскихъ медвѣдей и отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ [10]). Русскіе медвѣдчики заходили уже въ XVI вѣкѣ (если не раньше) на западъ: въ Германію, а можетъ быть и далѣе [11]).

«Приходъ вожака съ медвѣдемъ—пишетъ г. Ровинскій—еще очень недавно составлялъ эпоху въ деревенской заглушной жизни: все бѣжало къ нему на встрѣчу,—

---

[1]) Буслаевъ. Историческая христоматія. 1861 г. Стр. 381.
[2]) Гл. 8, стр. 16.
[3]) Гл. 93.
[4]) Пам. стар. русск. лит. IѴ, 201.
[5]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. I, 124.
[6]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 178.
[7]) Ивановъ. Опис. госуд. арх. 269 и сл.—Ср. акт. истор. (арх. комм.). IѴ, № 35.
[8]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. II. vii, 99.
[9]) См. ниже, гл. 3.
[10]) Voyages hist. de l'Europe. VII, 35.
[11]) Ср. Веселовскій. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. II. 184 и сл.: Аріосто (Orl. fur. c. XI, st. 49) сравниваетъ горделивое презрѣніе Роланда къ обступившимъ его врагамъ, съ невозмутимостью медвѣдя, водимаго русскими или литовскими поводырями, когда на него лаютъ собаченки.

и старый и малый... Представленіе производится обыкновенно на небольшой лужайкѣ; вожакъ—коренастый пошехонецъ; у него къ поясу привязанъ барабанъ; помощникъ—коза, мальчикъ лѣтъ десяти-двѣнадцати, и наконецъ главный актеръ — Ярославскій медвѣдь Михайло Иванычъ, съ подпиленными зубами и кольцемъ, продѣтымъ сквозь ноздри; къ кольцу придѣлана цѣпь, за которую вожакъ и водитъ Михайлу Иваныча; если же Михайло Иванычъ очень «дурашливъ», то ему, для опаски, выкалываютъ и «глядѣлки».

— «Нутка, Мишенька», начинаетъ вожакъ: «поклонись честнымъ господамъ, да покажи-ка свою науку, чему въ школѣ тебя пономарь училъ, какимъ разумомъ наградилъ. И какъ красныя дѣвицы, молодицы, бѣлятся, румянятся, въ зеркальце смотрятся, прихарашиваются».— Миша садится на землю, третъ себѣ одной лапой морду, а другой вертитъ передъ рыломъ кукишъ,—это значитъ дѣвица въ зеркало смотрится.

— «А какъ, Миша, малыя дѣти лазятъ горохъ воровать».—Миша ползетъ на брюхѣ въ сторону.

— «А какъ бабушка Ероѳеевна блины на масляной печь собралась, блиновъ не напекла, только со слѣпу руки сожгла, да отъ дровъ угорѣла. Ахъ блинцы, блины!»— Мишка лижетъ себѣ лапу, мотаетъ головой, и охаетъ.

— «А ну-ка, Михайло Иванычъ, представьте, какъ попъ Мартынъ къ заутрени не спѣша идетъ, на костыль упирается, тихо впередъ подвигается;—и какъ попъ Мартынъ отъ заутрени домой гонитъ, что и попадья его не догонитъ. (Или же: «А какъ бабы на барскую работу не спѣша бредутъ?—Мишенька едва передвигаетъ лапу за лапой. «И какъ бабы съ барской работы домой бѣгутъ?» — Мишенька принимается шагать въ сторону.) «И какъ старый Терентьичъ изъ избы въ сѣни пробирается, къ молодой снохѣ подбирается».—Михайло Иванычъ семенитъ и путается ногами.—«И какъ барыня съ бабъ въ корзинку тальки да яйца собираетъ, складываетъ, а баринъ все на дѣвичью работу посматриваетъ, не чисто-де ленъ прядутъ, ухмыляется, знать до Параньникова льна добирается».—Михайло Иванычъ ходитъ кругомъ вожака, и треплетъ его за гашникъ.

-- «А ну-те, Мишенька, представьте, какъ толстая купчиха отъ Николы на Пупышахъ, напившись, нажравшись, какъ налитой к...ъ сидитъ, мало говоритъ; черезъ слово рыгнетъ, черезъ два ....»—Мишенька садится на землю и стонетъ. (Записано на самомъ представленіи, которое въ натурѣ бывало несравненно скоромнѣе).»

«Затѣмъ—продолжаетъ г. Ровинскій—вожакъ пристраиваетъ барабанъ, а мальчикъ его устраиваетъ изъ себя козу, т. е. надѣваетъ на голову мѣшокъ, сквозь который, вверху, проткнута палка съ козлиной головой и рожками. Къ головѣ этой придѣланъ деревянный языкъ, отъ хлопанья котораго происходитъ страшный шумъ. Потомъ начинаетъ выбивать дробь (отсюда произошло и бранное названіе: «ахъ ты отставной козы барабанщикъ»), дергаетъ медвѣдя за кольце, а коза выплясываетъ около Михайла Иваныча трепака, клюетъ его деревяннымъ языкомъ и дразнитъ; Михайло Иванычъ бѣсится, рычитъ, вытягивается во весь ростъ, и кружится на заднихъ лапахъ около вожака,— это значитъ: онъ танцуетъ. Послѣ такой неуклюжей пляски вожакъ даетъ ему въ руки шляпу и Михайло Иванычъ обходитъ съ нею честную публику, которая бросаетъ туда свои гроши и копѣйки. Кромѣ того и Мишѣ и вожаку подносится по рюмкѣ водки, до которой Миша большой охотникъ; если же хозяева тароватые, то къ представленію прибавляется еще дѣйствіе: вожакъ ослабляетъ Мишину цѣпь, со словами: «а ну-ка, Миша, давай поборемся», схватываетъ его подъ силки, и происходитъ борьба, которая оканчивается не всегда благополучно, такъ что вожаку иногда приходится и самому представлять, «какъ малыя дѣти горохъ воруютъ»—и хорошо еще, если онъ отдѣлается при этомъ одними помятыми боками, безъ переломовъ».

Описанное представленіе обнаруживаетъ большое сходство репертуара медвѣжьей комедіи XIX столѣтія съ репертуаромъ XVIII вѣка, въ подробности изложенномъ въ 22 нумерахъ вышеприведеннаго объявленія изъ Петербургскихъ Вѣдомостей 1771 года, въ свою очередь сходномъ съ репертуаромъ XVI (см. выше стр. 119—120), вѣроятно и еще болѣе раннихъ столѣтій. Г. Ровинскій продолжаетъ свой разсказъ:

«Клеплютъ еще на Михайлу Иваныча, будто онъ до бабъ охотникъ, и на этотъ предметъ даже скоромная картинка сочинена; но бабы говорятъ, что это вздоръ положительно;—а вотъ какое повѣрье на самомъ дѣлѣ записано въ одномъ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 г.: «тяжелыя де бабы, для примѣты, даютъ изъ своихъ рукъ медвѣдю хлѣбъ; если онъ при этомъ рыкнетъ — то родится дѣвочка, а если возьметъ молча—то будетъ мальчикъ».

Нельзя не замѣтить въ этомъ повѣрьѣ связи съ приведенной выше (стр. 95—96) русской святочной пѣсней о «медвѣдѣ пыхтунѣ», предвѣщающемъ свадьбу, а равно и съ западно-славянской маскарадной святочной же фигурой «гороховаго медвѣдя», обязательно пляшущаго со всѣми женщинами и дѣвушками, способствуя тѣмъ плодородію въ домѣ.

«Обыкновенно медвѣжья компанія ходитъ только втроемъ», продолжаетъ г. Ровинскій: «вожакъ, медвѣдь — Михайло Иванычъ и коза; но бываетъ, что, изъ финансовыхъ соображеній, два вожака соединяются вмѣстѣ: одинъ съ Михайломъ Иванычемъ, а другой съ Марьей Ивановной (медвѣдицей), и берутъ съ собой только одну козу» [1]).

Музыкальный элементъ въ описанномъ представленіи ограничивается звуками барабана, но въ старину, какъ видно изъ приведенныхъ раньше свидѣтельствъ, медвѣди исполняли свои пляски подъ звуки волынки или трубы; медвѣдей сопровождали скоморохи съ домрами и дудами, или съ домрами и съ бубнами, также комедіанты кукольники, въ свою очередь сопровождавшіеся игроками на гусляхъ и гудкѣ. Словомъ въ старину, именно въ XVII вѣкѣ, медвѣжья комедія входила въ составъ скоморошескихъ потѣхъ. О такой бродячей ватагѣ скомороховъ съ двумя медвѣдями говоритъ, безъ сомнѣнія, протопопъ Аввакумъ, разсказывая про одно изъ своихъ злополучныхъ приключеній: «Пріидоша въ село мое—пишетъ онъ—плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изло-

[1]) Русс. нар. карт. V. 227—230.

малъ на полѣ единъ у многихъ, медвѣдей двухъ великихъ отнялъ—одного ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле» [1]).

Кромѣ ученыхъ медвѣдей, народные потѣшники выводили и другихъ ученыхъ звѣрей: представленія эти благочестивыми людьми признавались столь же соблазнительными, грѣховными, какъ и прочія скоморошескія игры: «Иже медвѣди водящія и ини животны игры на пакость слабымъ» читаемъ въ пандектахъ Никона Черногорца [2]). «Кормящеи и хранящеи медвѣди, или иная нѣкая животная на глумленіе и на прельщеніе простѣйшихъ человѣкъ», говорится въ Стоглавѣ [3]). «Тацѣмъ же запрещеніемъ покорити подобаетъ и водящихъ медвѣди или иныя нѣкія таковыя животныя на играніе и вредъ простѣйшимъ» говоритъ митрополитъ Даніилъ [4]). Въ вышеупомянутой грамотѣ царя Алексѣя Михайловича (1648 г.) порицаются тѣ, кто «медвѣди водятъ и съ собаками пляшутъ» и предписывается, чтобы «медвѣдей (не водили) и съ сучками не плясали». Не заключаетъ ли нижеслѣдующая пѣсня изъ Мензелинскаго уѣзда воспоминапія о потѣшникѣ-скоморохѣ, въ лицѣ крысинаго господина, выходящаго на канатѣ и обращающагося къ толпѣ съ разными скоморошьими шутками и прибаутками: у кабака, по словамъ пѣсни, находится яма, покрытая соломой, въ ямѣ завелись крысы и мыши, имѣющія своего господина—плясуна на канатѣ; невольно задаемъ себѣ вопросъ, не были ли это ученыя крысы и мыши, которыхъ выводилъ и показывалъ скоморохъ—канатный плясунъ?

А крысиный господинъ по канату выходилъ,
По канату выходилъ, съ стариками говорилъ:
Ахъ вы стары старики, міроѣды мужики,
Міроѣды мужики, воры ябедники,

---

[1]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. I, 124.—Къ числу упомянутыхъ здѣсь харь (= масокъ надѣваемыхъ на голову, ср. выше стр. 85) принадлежала вѣроятно козлиная или козья голова, украшавшая спутника медвѣдей, козу.

[2]) У Срезневскаго. Свѣд. и зам. LV, 267.

[3]) Гл. 93.—Ср. Сходныя слова Кормчей по списку 1282 г.: «Влачащая медвѣди или таковыя животы нѣкакы на руганіе и въ родъ (=вредъ?) простѣйшимъ». (Буслаевъ. Истор. христ. 381).

[4]) Пам. стар. русс. лит. IV, 201.

У васъ бороды сѣдыя, глаза сѣрые, большіе,
Глаза сѣрые, большіе, брови черныя, густыя.
Вы не хлопайте глазами, не трясите бородами... [1])

Приведенная пѣсня говоритъ о плясунѣ на канатѣ. Танцованіе на канатѣ также принадлежитъ къ числу скоморошескихъ потѣхъ. Свѣдѣнія о канатныхъ плясунахъ русскихъ очень скудны, да ихъ вѣроятно въ старину и не было, пока не принесли съ собою въ Россію это искусство нѣмцы въ XVII столѣтіи [2]). Извѣстно, что въ 1629 г. явился къ царскому двору потѣшникъ нѣмецъ, искусникъ на всѣ руки, подъ именемъ Ивана Семенова (вѣроятно перекрещенецъ). По обычному правилу Московскаго двора, требовать отъ каждаго заѣзжаго искусника нѣмца, чтобы онъ выучилъ учениковъ своему художеству, и Иванъ Семеновъ обязанъ былъ обучать русскихъ людей: въ 1637 г. его пожаловалъ царь камкой и сукномъ «за то что онъ выучилъ по канату ходить и танцовать и всякимъ потѣхамъ, чему онъ самъ умѣетъ, 5 человѣкъ, да по барабанамъ выучилъ бить 24 человѣка». Кромѣ того онъ тѣшилъ государя и соколами и въ домашнихъ забавахъ возился съ государевыми дураками и шутами [3]). «Крысиный господинъ» только что приведенной пѣсни изъ Мензелинскаго уѣзда «по канату выходилъ», т. е. былъ канатнымъ плясуномъ. Маскѣвичъ въ дневникѣ своемъ подъ 1611 г. сравниваетъ пляски русскихъ «блазней» на московскихъ вечеринкахъ съ кривляніями канатныхъ фигляровъ (ср. выше стр. 94). Авторъ описанія Русскаго Государства въ половинѣ XVII вѣка (см. ниже гл. 5, г.) называетъ канатныхъ плясуновъ въ числѣ «дурныхъ сословій людей».

---

[1]) Пальчиковъ. Крест. пѣс. № 106.

[2]) Въ Лифляндской хроникѣ Рюссова разсказывается, въ видѣ необыкновенной диковины, о появленіи въ Ревелѣ и другихъ Лифляндскихъ городахъ въ 1547 г. толпы итальянскихъ фигляровъ (Göckelers = Gaukler) — канатныхъ плясуновъ. Необыкновенное представленіе, дававшееся ими на натянутомъ канатѣ, на большой высотѣ, по словамъ автора, привлекло въ Ревелѣ всѣхъ жителей города, и «смотрѣть на это зрѣлище, было очень страшно». (Chronica d. Provintz Lyffland dorch Balthasar Rüssowen (1577), въ Script. rer. Livon. II, 38).

[3]) Забѣлинъ. Дом. бытъ русс. царицъ. 445 и сл.

Мы разсмотрѣли главнѣйшія изъ разнообразныхъ потѣшныхъ дѣйствій, входившихъ въ репертуаръ скоморошескихъ игръ и позоровъ. Всѣ поименованные виды скоморошества, смотря по большей или меньшей разносторонности дарованія, могли въ большей или меньшей степени сосредоточиваться и въ одномъ лицѣ. И въ этомъ отношеніи вѣроятно скоморохи сходствовали съ близко родственными имъ западно-европейскими жонглёрами, дѣятельность которыхъ отличалась замѣчательною разносторонностью. По словамъ одного провансальскаго памятника, жонглёръ долженъ умѣть играть на разныхъ инструментахъ, вертѣть на двухъ ножахъ мячи, перебрасывая ихъ съ одного острія на другое; показывать маріонетки, прыгать черезъ четыре кольца; завести себѣ рыжую приставную бороду и соотвѣтствующій костюмъ, чтобы рядиться и пугать дураковъ; пріучить собаку стоять на заднихъ лапкахъ; знать искусство вожака обезьянъ; возбуждать смѣхъ зрителей потѣшнымъ изображеніемъ человѣческихъ слабостей; бѣгать и скакать на веревкѣ, протянутой отъ одной башни къ другой и т. п.[1]). Разумѣется, соединеніе въ одномъ лицѣ всѣхъ перечисленныхъ искусствъ было рѣдкостью. Изъ старинныхъ сочиненій видно, что толпы жонглёровъ раздѣляли между собою трудъ: одинъ игралъ на одномъ инструментѣ, другой на другомъ, третій на третьемъ, одинъ говорилъ, другой пѣлъ. Изгнанные Филиппомъ Августомъ изъ Франціи жонглёры, вскорѣ за тѣмъ возвратились и въ 1331 г. образовали общество менетріе (ménétriers) съ королемъ во главѣ. Общество это дѣлилось на четыре категоріи: къ первой принадлежали сочинители романовъ, сказокъ (fabliau), пѣсень и пр., ко второй—декламаторы сочиненій трувёровъ, къ третьей—музыканты-игрецы и пѣвцы, и наконецъ къ четвертой, наиболѣе многочисленной,—фокусники, фигляры, вожаки ученыхъ звѣрей[2]). Мы можемъ составить себѣ довольно ясное понятіе о средневѣковыхъ западныхъ потѣшникахъ послѣдней категоріи по современнымъ намъ клоунамъ, паясамъ-гимнастамъ, преемникамъ жонглёровъ, нынѣ пріютившимся въ циркахъ, гдѣ они, одѣ-

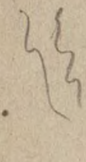
---

[1]) Веселовскій. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. п, 156—157.
[2]) Fétis. Histoire générale de la musique. V, p. 22, 23—24.

тые въ шутовскіе костюмы, съ лицами, чудовищно раскрашенными или покрытыми личинами, продѣлываютъ передъ публикой разнообразный репертуаръ свой, соединяя, подобно веселымъ своимъ праотцамъ, виртуозную ловкость въ разныхъ отрасляхъ своей дѣятельности съ площадными шутками и выходками, расчитанными на успѣхъ среди народной толпы.—Уступая вѣроятно въ ловкости и виртуозности западно-европейскимъ собратьямъ своимъ, жонглёрамъ, русскіе скоморохи несомнѣнно превосходили ихъ въ грубости и цинизмѣ своихъ игръ и представленій. Расхаживая по деревнямъ, селамъ и городамъ многочисленными толпами (получавшими иногда, какъ будетъ указано ниже [стр. 142], характеръ вражескихъ нашествій), появляясь передъ народомъ «со всякими играми» (ср. свидѣтельство Нестора о трубахъ, скоморохахъ, гусляхъ и русаліяхъ, о сходбищахъ «на плясанье и на вся бѣсовская игрища» [стр. 79], слова народной пѣсни: «скоморохи вонъ идутъ—всяки игры несутъ» [стр. 69], упоминанія въ разныхъ поученіяхъ и грамотахъ о плякахъ, пѣсняхъ и всякихъ бѣсовскихъ играхъ скомороховъ и т. п.), скоморохи, разумѣется, распредѣляли соотвѣтствующій трудъ между различными членами своихъ ватагъ; это, конечно, должно было вести, какъ и у западныхъ жонглёровъ, къ извѣстной спеціализаціи труда, не исключавшей, однако, возможности соединенія и въ одномъ лицѣ, въ одномъ членѣ ватаги, разныхъ отраслей скоморошеской мудрости.

дд. Скоморохи—кудесники, знахари.

Понятіе о скоморохахъ, искусникахъ на всѣ руки, представителяхъ бѣсовскихъ потѣхъ, сатанинскихъ игръ, играющихъ на бѣсовскихъ музыкальныхъ орудіяхъ,—о скоморохахъ—слугахъ или исчадіи дьявола, обреченныхъ въ будущей жизни на вѣчный плачъ и вѣчныя страданія въ аду (см. ниже гл. 5, в.)—сближается съ понятіемъ о бѣсовской же силѣ колдовства, чарованія, знахарства. Святочные ряженные, стоящіе въ ближайшей связи со скоморошествомъ, называются въ Новгородской губерніи не только окрутника-

ми, но и кудесниками, а въ Кирилловскомъ уѣздѣ—кудесами. На церковно-славянскомъ языкѣ коудесъ, коудесьникъ значитъ magus, чаровникъ, волхвъ; древнерусское кудъ = incantatio (очарованіе, волшебство), diabolus; русское окуда, окудникъ (Рязанской губ.)=колдунъ, волхвъ, проказникъ; кудесить=колдовать, ворожить; кудесы=чары [1]). Сближеніе скомороха-гусельника и -пѣвца съ волхвомъ, кудесникомъ или знахаремъ могло произойдти въ народномъ представленіи подъ вліяніемъ воспоминанія о древнѣйшій связи понятій о поэзіи, знаніи, колдовствѣ: Боянъ-гусельникъ называется въ Словѣ о полку Игоревѣ вѣщимъ, т. е. вѣдуномъ, знающимъ, мудрымъ, знахаремъ, чародѣемъ [2]). Въ связи съ такимъ представленіемъ о гусляхахъ, у поляковъ gusła значитъ колдовство и скоморошество, gusłarstwo=колдовство и фиглярство, gusłić=колдовать и фиглярить (скоморошничать). Вѣдунъ, знахарь, чародѣй, владѣя мудростью, знаніемъ, чарами, по народному представленію, властенъ и изгонять, т. е. излѣчивать недуги, уговаривать болѣзни. Взглядъ народа на скомороховъ, какъ на волшебниковъ или знахарей, отражается въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о Гостѣ Терентьищѣ. Герой былины обращается къ встрѣтившимся ему «веселымъ молодцамъ» (скоморохамъ) за помощью противъ женина тяжкаго недуга, т. е. какъ къ знахарямъ:

У меня есть молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она съ вечера трудна, больна,
Съ полуночи недужна вся,—
Расходился недугъ въ головѣ,
Разыгрался утинъ въ хребтѣ,
Пустился недугъ къ сердцу...
А кто бы-де недугамъ пособилъ,
Кто недуги бы прочь отгонилъ,
Отъ моей молодой жены
Отъ Авдотьи Ивановны,
Тому дамъ денегъ сто рублевъ
Безъ единыя денежки.

---

[1]) Веселовскій. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. ii, 208.
[2]) Ср. Буслаевъ. Русская поэзія XI и начала XII вѣка, въ Лѣт. русс. лит. и древ. Тихонравова. I, 26.

«Веселые» берутся вылѣчить Авдотью, и Терентьище даетъ имъ сто рублей[1]). Въ другомъ пересказѣ той же былины Терентьище прямо привѣтствуетъ скомороховъ, какъ ухаживателей, уговаривателей недуговъ, знатоковъ скорбямъ, т. е. болѣзнямъ, словомъ, какъ знахарей:

Вы много по землѣ ходоки́,
Вы много всѣмъ скорбямъ знатоки,
Вы скорби ухаживаете,
А недуги уговариваете [2]).

Съ другой стороны естественно отождествленіе слугъ дьявола, каковыми являлись скоморохи (см. ниже), съ волхвами, чародѣями, вѣдунами. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ скоморохи и свирѣльники именуются волхвами бѣсовыми, слугами антихристовыми [3]).

Чудодѣйственная сила, которую народное представленіе приписывало скоморохамъ, обнаруживается и въ непремѣнномъ, постоянномъ участіи ихъ въ старину въ свадебныхъ торжествахъ. Выше (стр. 19) указано было на то, что у Бѣлоруссовъ игрецъ-дударь замѣняетъ у невѣсты-сироты родителей, словомъ является какъ бы ея покровителемъ, охранителемъ. Онъ отпускаетъ сироту-невѣсту въ спальню съ молодымъ мужемъ, при чемъ между молодой и дударемъ происходитъ слѣдующій разговоръ:

Невѣста.

Дударенку, господаренку,
Да ужу жъ мене заручали.

Дударь.

Ня бой ся, нябога (=бѣдная),
Ня будзиць ничога!
Я за тобою,
Дулъ! дулъ! зъ дудою.

Игра скомороха «съ села до села», во время свадебнаго поѣзда, обезпечиваетъ постоянное веселье, т. е. ра-

---

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 11.
[2]) Кирѣевскій. Пѣсни. VII, 49.
[3]) Аѳанасьевъ. Поэт. возэр. I, 344—345.

дость, счастье невѣсты (ср. выше стр. 19). Въ чешской пѣснѣ дѣвушка молитъ Бога, чтобы «дударь» взялъ ее къ себѣ въ услуженіе и «задудалъ ей» вѣроятно свадебное благословеніе, или по крайней мѣрѣ наигралъ бы ей счастье:

Kdyby mně to Pán Bůh dal,	Кабы далъ мнѣ Господь Богъ,
Aby si mně dudák wzal!	Чтобы взялъ меня дударь!
Dudy bych mu nosila,	Носила бы ему дуду,
Chleba bych mu prosila;	Просила бы ему хлѣба;
Kdyby mně Pán Bůh dal,	Кабы далъ мнѣ Господь Богъ,
Aby mně ge'n zadudal [1]).	Чтобы онъ мнѣ задудалъ!

Дударь, т. е. играющій на дудѣ скоморохъ, является въ данныхъ случаяхъ въ роли чародѣя, кудесника, волхва. Въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губ., составляющемъ часть западно-русскаго Полѣсья, гдѣ еще сохраняются въ народѣ многія древнія вѣрованія или суевѣрія, въ другихъ мѣстахъ уже исчезнувшія, крѣпко вѣрятъ еще, между прочимъ, въ знахарей-вовкалакъ: «вовкалака» значитъ оборотень—т. е. человѣкъ, превращенный въ волка насильно или по своему желанію, самъ собою. Знахари-вовкалаки, какъ и вообще знахари, по народному вѣрованію, находятся въ связи съ нечистымъ духомъ, которому продаютъ свою душу и за то получаютъ власть превращать людей въ волковъ и опять возвращать ихъ въ человѣческое состояніе; знахари-вовкалаки—люди не простые, но какъ будто составляютъ касту высшихъ существъ. Въ составъ этой касты входятъ: мельники, пастухи и дудари, т. е. играющіе на дудѣ, также пѣсельники, сказочники [2]). Прибавлю еще, что, какъ упомянуто было уже выше (стр. 52), бахарь, ближайшій преемникъ скомороховъ, у Бѣлоруссовъ значитъ не только баятель, балагуръ, шутъ, но и вѣдунъ.

---

[1]) См. у Бѣляева. О скоморохахъ. 74—75.
[2]) Шпилевскій. Мозырщина, въ Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній относящихся до Россіи, изд. Калачевымъ. 1859. III, стр. 2, 5.

Глава третья.

Скоморохи—люди прохожіе, голыши, пьяницы.— Скоморохъ побѣждаетъ жида-философа. — Скоморохи — проказники, воры, грабители. (Волочебники. Колядовщики.)

Указанная разносторонность дѣятельности скомороховъ понятна, если принять въ соображеніе, что они, какъ люди прохожіе, бродячіе, снискивая себѣ пропитаніе своимъ искусствомъ, должны были всякими способами подлаживаться подъ вкусъ поддерживавшей своими подаяніями существованіе ихъ, награждавшей ихъ толпы, которую они и потѣшали музыкой, пляскою, пѣснями, шутками и прибаутками, маскарадами, фарсами, кукольными комедіями, всякаго рода фиглярствомъ и, наконецъ, показываніемъ ученыхъ звѣрей. Выше приведены слова былины, въ которыхъ Добрыня, одѣтый скоморохомъ, привѣтствуется Владиміромъ княземъ, какъ «дѣтина пріѣзжая, скоморошная, гусельная». Въ другомъ пересказѣ Владиміръ спрашиваетъ Добрыню-скомороха:

«Ай же ты, молодецъ, съ какой земли, съ какой орды?» [1]).

Въ былинѣ о Гостѣ Терентьищѣ герою ея попадается на встрѣчу зà городомъ толпа очевидно бродячихъ скомороховъ:

«А и бродишь по чисту полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».

---

[1]) Гильфердингъ. Онеж. был. 136.

Такими словами привѣтствуютъ Терентьища встрѣтившіе его въ полѣ скоморохи. Онъ же самъ обращается къ нимъ, какъ къ бродячимъ, прохожимъ людямъ, со словами:

Вы много по землѣ ходоки́ [1]).

Въ плясовой пѣснѣ рѣчь идетъ о двухъ проходящихъ по лужечку, какъ бы странствующихъ «веселыхъ молодцахъ»: они срѣзываютъ съ ракиты по пруточку и дѣлаютъ себѣ по гудочку [2]). Въ упомянутой выше (стр. 3) пѣснѣ «о Веселыхъ», они изображаются бездомными, расхаживающими по улицамъ со своими инструментами и разсуждающими о томъ, гдѣ бы имъ найдти ночлегъ:

Веселые по улицамъ похаживаютъ
Гудки и волынки понашиваютъ,
Промежду собой веселы разговариваютъ:
«А гдѣ же веселымъ будетъ спать ночевать?»

Выше (стр. 32—33) указано было мною на то, что скоморохи, въ качествѣ пріѣзжихъ издалека людей, въ пѣсняхъ своихъ описывали не только заморскія страны, но разсказывали и о собственныхъ своихъ разъѣздахъ и похожденіяхъ, чтó также намекаетъ на кочевую, скитальческую ихъ жизнь. Въ упомянутой выше (стр. 75) плясовой бѣлорусской пѣснѣ дударь восхваляетъ свою сломанную дуду, которая веселила его на чужой сторонѣ, т. е. опять во время его скитанія по чужбинѣ. Позднѣйшія свидѣтельства упоминаютъ о скоморохахъ, какъ «прохожихъ», «гулящихъ» людяхъ, скитающихся болѣе или менѣе многочисленными толпами, пѣшкомъ или на возахъ, по дорогамъ и деревнямъ. Въ приговорной грамотѣ монастырскаго собора Троицкой лавры (1555 г.) запрещается пускать въ волость «прохожихъ скомороховъ» [3]). Ср. ниже свидѣтельство Стоглава о толпахъ скомороховъ въ 60 до 100 человѣкъ, расхаживавшихъ «по дальнимъ странамъ» по деревнямъ

---

[1]) Кирѣевскій. Пѣсни. VII, 49. Ср. выше стр. 131.
[2]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. III, 87. — Ср. Бѣляевъ. О скоморохахъ. 73. Ср. выше стр. 72.
[3]) Акт. (арх. эксп.) I, № 244.

и наносившихъ большiе убытки ихъ жителямъ. По словамъ старинной рукописи 164 г. (=1656 г.) «съ веселыхъ гулящихъ людей (слѣдуетъ поименованiе ихъ) с осми человѣкъ взято головщины (пошлины съ головы) пять алтынъ две денги, да полозоваго (т. е. пошлины съ возовъ) взято два алтына, да съ медвѣдя ихъ взято четыре алтына»[1]), т. е. брались поборы со скомороховъ, какъ съ прохожихъ людей.

Олеарiй упоминаетъ о русскихъ странствующихъ комедiантахъ, исполнявшихъ непристойныя пляски, т. е. о странствующихъ скоморохахъ-плясунахъ; онъ же говоритъ и о странствующихъ русскихъ игрецахъ (Bierfidler)[2]). На картинкѣ, иллюструющей эти слова нѣмецкаго оригинала, изображены два музыканта: гудочникъ и гусельникъ, играющiе на своихъ инструментахъ. Русская пословица такъ охарактеризовала бездомнаго скомороха: «Скоморохъ хоть голосъ на дудкѣ и настроитъ, а житья своего не установитъ»[3]).

Соотвѣтственно скитальческому образу жизни скомороховъ, и все имущество ихъ обыкновенно состояло лишь изъ носимыхъ ими при себѣ музыкальныхъ орудiй и другихъ атрибутовъ, необходимыхъ для даваемыхъ ими представленiй. Мы видѣли выше (стр. 7), что у гусельника Садка «имущества не было»:

Одни были гусли яровчаты.

Русская поговорка: «радъ скомрахъ о своихъ домрахъ», можетъ быть, выражаетъ ту же мысль, что домры—единственное имущество скомороха. Подтвержденiемъ тому можетъ служить пѣсня, сохранившаяся въ Орловской губернiи, гдѣ скоморохъ хвалится своимъ имѣнiемъ—скрипкой и гудкомъ:

Сватался за Катиньку изъ деревни скоморохъ,
Сказывалъ онъ Катинькѣ про имѣнье про свое:
«Есть у меня, Катинька, и скрипка и гудокъ»[4]).

---

[1]) Изв. Имп. Арх. Общ. VI, 67—68.
[2]) Подроб. опис. путеш. въ Московiю. 178.
[3]) См. у Бѣляева. О скоморохахъ. 87.
[4]) Тамъ же: 88.

По словамъ другой пѣсни,

Сватался на Дунюшкѣ веселый скоморохъ,
Сказывалъ житья-бытья: свирѣль да гудокъ [1]).

«Гудки да рожекъ—все наше богатство»: такъ охарактеризовали свой бытъ сами скоморохи [2]).

Кочевая, бродяжническая жизнь, непрерывное глумотворство, играніе, пѣніе и плясаніе на пирахъ и праздникахъ естественно вели къ разгулу и пьянству, о которомъ упоминаютъ современныя свидѣтельства: «сзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница» (т. е. скомороховъ), писалъ митрополитъ Кириллъ (XIII в., ср. выше стр. 80). Въ словѣ о вѣрѣ христіанской и жидовской главную роль играетъ «скоморохъ піяница голышъ кабацкій» [3]). Выше (стр. 82) приведено было сѣтованіе царя Алексѣя Михайловича на умноженіе въ народѣ пьянства, рядомъ съ которымъ упоминается и «скоморошество». Разумѣется, отъ народа не отставали и скоморохи, которые не только бывали угощаемы слушателями и зрителями, но, по свидѣтельству Стоглава, даже насильно ѣли и пили въ деревняхъ (см. ниже стр. 142). Вино умножало веселье удалыхъ скомороховъ. На свадьбѣ Добрыниной жены и Алеши Поповича

Нацяли гудосьниковъ удабривать,
И виномъ то ихъ стали напаивать [4]).

Добрыня, въ роли скомороха, на томъ же свадебномъ пиру обращается къ новобрачной Настасьѣ Микуличнѣ со словами:

«Поднеси-тко скоморошинѣ чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра:
Еще повеселяе стану играть въ гусли звончатые» [5]).

Въ другомъ пересказѣ той же былины князь угощаетъ

---

[1]) Якушкинъ. Нар. русс. пѣс. 19.
[2]) Бѣляевъ. О скоморохахъ. 87.
[3]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. I, 73.
[4]) Кирѣевскій. Пѣсни. II, 13.
[5]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 19.

Добрыню-скомороха за его «игру великую», обращаясь къ нему со словами:

«Безъ мѣрушки пей зелено вино» [1]).

Позванный на пиръ Садке́ играетъ «въ гуселки яровчаты»:

Какъ тутъ стали Садке́ попаивать,
Стали Садку поднашивать [2]).

Царь морской, распотѣшанный игрой на гусляхъ Садка, угощаетъ его «питьями разными»,

Напивался Садко питьями разными
И развалялся Садко, и пьянъ онъ сталъ [3]).

Въ былинѣ о смерти Михаила Скопина, въ заключительной припѣвкѣ, упоминается о «веселыхъ молодцахъ», величающихъ на пиру ласковаго хозяина,

Изпиваючи медъ, зелено вино [4]).

Въ народной толпѣ скоморохи несомнѣнно напивались до́-пьяна, заслуживъ приведенный выше эпитетъ «скарѣдныя пьяница». Любовь къ вину скоморохи раздѣляли съ русскимъ народомъ, исконная страсть котораго къ пьянству въ теченіи многихъ вѣковъ служила предметомъ тщетныхъ порицаній и запрещеній со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей и увѣковѣчена въ многочисленныхъ описаніяхъ иноземцевъ, которые съ удивленіемъ и недоумѣніемъ взирали на срамныя, безобразныя сцены, разыгрывавшіяся у дверей русскаго, печальной славы, питейнаго дома [5]). По народному представленію, веселье, а вмѣстѣ съ нимъ и веселая игра и пляска тѣсно связываются съ питьемъ вина: это доказывается съ одной стороны тѣмъ, что на народномъ языкѣ быть «на̀-веселѣ» значитъ быть до нѣкоторой степени пьянымъ (ср. также выраженіе былины: «всѣ на пиру пьяны веселы»), съ другой, между прочимъ, слѣ-

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 30.
[2]) Тамъ-же: I, 371.
[3]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 237.
[4]) Ср. выше стр. 44.
[5]) Ср. Олеарій. Подр. опис. путеш. въ Москов. 179 и сл.

дующими словами бурлацкой пѣсни, гдѣ сопоставляются и связываются понятія о пляскѣ, царевомъ кабакѣ, зеленомъ винѣ, гудочномъ дворѣ и т. п.:

Меня матушка плясамши родила,
Меня крестили во царевомъ кабакѣ,
А купали во зеленыимъ винѣ.
Отецъ крестный цѣловальникъ молодой,
А мать крестна винокурова жена,
А батюшка съ гудочнаго двора [1]).

Имѣя задачей увеселять и развлекать толпу, доставлять ей пріятную утѣху, бродячіе глумцы и смѣхотворцы, игрецы и плясуны прежде всего должны были обладать веселымъ нравомъ: отсюда наиболѣе употребительный эпитетъ ихъ—«веселые люди», «веселые ребята», «веселые молодцы»; но въ то же время самое ремесло ихъ развивало въ нихъ ловкость, находчивость, догадливость, хитрость, удальство, доходившее до нахальства. Въ словѣ о христіанской и жидовской вѣрѣ, существующемъ въ редакціяхъ XVII и XVIII вѣковъ, изображается побѣда неученаго, но сметливаго, догадливаго, находчиваго скомороха надъ жидовскимъ философомъ. Нѣкій христіанскій князь спорилъ съ жидовскими вельможами о томъ, чья вѣра лучше. Порѣшили избрать каждой сторонѣ по философу, которымъ и предоставить споръ. Жиды нашли себѣ философа, а христіанскій князь искалъ, но не нашелъ. Является къ нему скоморохъ съ предложеніемъ, вступить въ преніе съ жидовскими философами. «І снидошася на срокъ и помышляше велможи жидовския, что християнскиі князь послалъ скомороха в философово мѣсто, и жидовския велможи послали философа отъ себя, іменемъ Тараска жидовина, мужа мудра и горазда к книгамъ і велерѣчива. І паки ставъ татарской (должно читать: Тараска) жидовина единъ перстъ уставя скомороху [2]) і помысливъ скоморох: то ми хощешь глас выколоти, и скоморохъ ему два

---

[1]) Балакиревъ. Сбор. русс. нар. пѣс. № 13.

[2]) Въ болѣе пространной редакціи XVIII вѣка скрытый смыслъ этого жеста таковъ: жидовскій философъ «помысли: Богъ единъ сотвори человѣка единаго Адама».

перста устави: азъ тебѣ два глаза выколю[1]). И снидошася оба вмѣсто и удари скоморох(а) христианска жидовинъ поуху и рече ему: Послушай, христианский философъ: въ вѣрѣ вашей во святомъ евангелиі пишетъ: аще хто тя ударитъ по ланите и ты и ему обрати и другую. Рече ему скоморохъ: Послушай, философъ жидовскиі: въ томъ же во святом евангелии пишетъ: Како вам человѣцы творятъ... (въ другомъ спискѣ прибавлено: «и вы имъ такожде творите») і удари скоморох жидовина по уху и рече жидовин скомороху: Отгадай ты философе, загадку: курица ли от яйца іли яйцо от курицы. И скоморох, снявъ з жидовина шапку і ударив жидовина въ плешъ, и рече: Отгадай ты философе жидовской: отчево трѣськъ трещит отъ плѣшъ ли или от руки или рука от плеши? И рече жидовинъ: Оставимъ то все; сочтемъ въ году въ коей вѣре празников больше, та и лучше вѣра. И рече скоморохъ: Добро реклъ еси, жидовине философе; напередъ въ моей вѣре счести празниковъ въ году, а дай мнѣ у тебя изъ бороды по волосу рват і класти перед собою и перед тобою; ино тебѣ внятно будетъ, а мнѣ паметно: сколко въ году праздниковъ и сколко котораго дни святых, и яз столко вырву у тебя волосов. А ты, жидовин, станешь щитать въ своей вѣре жидовской, сколко праздниковъ въ году, и ты у меня по волосу рви изъ бороды, да клади перед собою і передо мною. И рече жидовинъ: Добро реклъ еси, философе: буди тако, і твори, ясеж хощеши. Рече скоморохъ жидовину: Послушай, философъ жидовьской: въ нашей християнской вѣре начало въ году празников въ году рождество Господа нашего Іисуса Христа, иже вы, жидове, роспяше его на крестѣ зависти ради і въ трети день воскресе. А у жидовина волос із бороды выдрали і положили предо всѣми. А на завтрее у нас рожество христове праздникъ соборъ пресвятыя Богородицы. Да волоз же у жидовина вырвалъ. А на трети день святаго первомученика Стефана архидиакона. Да волось же у него вырвали. А на четьверты день празникъ у насъ святыхъ мученик двѣ тмы. І поимав жидовина за бороду обѣими руками, выдралъ у него мало

---

[1]) Тараска же понялъ отвѣтъ скомороха такъ: «той же сотвори и Еву», «и мысляше Тараска, яко зѣло премудръ скоморохъ отвѣтъ творитъ».

не всю бороду. А на пятой день празникъ у нас 14,000 избіенныхъ младенецъ. І выдралъ уже и остаток бороды; жидовин же, не стерпя стояти, і побежа посрамлень от скомороха і вси жидове разбегошася. Князь же христианскіи радъ велми і даде даръ скомороху і внѣкое мѣсто властелина скомороха постави его, вмѣсто воеводы; область великую дасть ему». —Повѣсть эта въ главныхъ чертахъ извѣстна и въ западной литературѣ, какъ заимствованная изъ Византіи, откуда взята очевидно и русская ея редакція: тамъ неучъ побѣждаетъ жидовскаго философа. Замѣчательно, что въ русской редакціи въ качествѣ смышленаго, находчиваго неуча является скоморохъ. Прибавлю, что веселая, разудалая природа скомороха («веселаго молодца») рельефно охарактеризована въ заключительныхъ строкахъ разсказа (по редакціи XVIII вѣка): «вопіяху всѣ (жиды)... глаголюще: «како скоморохъ —не книжникъ, но піяница и голышъ кабацкій, всѣхъ книжниковъ и ученыхъ посрамилъ, но и всѣмъ вѣчный положилъ позоръ?» Скоморохъ же нача плясати и играти и жидовскую вѣру ругати...» [1]).

Ремесло скомороховъ способствовало развитію въ нихъ не только ловкости, находчивости, догадливости, хитрости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и алчности къ наживѣ. Не упуская удобнаго случая, они, подъ прикрытіемъ своего искусства, творили дѣла и продѣлки, проказы и преступленія, неоднократно вызывавшія протесты и порицанія, запрещенія играть скоморохамъ, преслѣдованія ихъ и строгія наказанія. Въ только что упомянутомъ «словѣ о вѣрѣ христіанской и жидовской» (по рукописи XVIII в.) скомороху влагается въ уста слѣдующая характеристика его дѣятельности, направленной къ извлеченію себѣ матеріальныхъ выгодъ: «христіанъ обманывать надо умѣючи, — говоритъ скоморохъ — здобливаго обманить, а середняго возвеселить, а скупаго добра и податливо учинить. А не учась и у христіанъ ничего не добыть, и головы своей не прокормить».

---

[1]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. I, 70 и сл., 76 и сл.

Когда Терентьище, въ простотѣ души, разсказываетъ встрѣтившимся ему скоморохамъ о недугѣ своей жены (притворившейся больною),

> Веселые молодцы догадалися,
> Другъ на друга оглянулися,
> А сами усмѣхнулися...

Или:

> И тутъ скоморохи
> Сгля́нутся — улы́бнутся,
> Отвернутся—разсмѣхнутся...

Вслѣдъ за тѣмъ, посадивъ Терентьища въ мѣшокъ, они приносятъ его ко мнимо-больной женѣ, по просьбѣ которой играютъ «во гусельцы» и поютъ пѣсеньку. Изъ словъ этой пѣсни спрятанный въ мѣшкѣ, обманутый мужъ убѣждается въ сущности женина недуга, который, почуявъ опасность, по словамъ былины,

> Въ окошко скочилъ,
> Чуть головы не сломилъ.

Тогда мужъ, по совѣту скомороховъ, начинаетъ «лѣчить» свою молодую жену «дубиной ременчатой», а скоморохи получаютъ отъ него, кромѣ условленныхъ за излѣченіе недуга, ста рублей, еще «другое сто рублевъ» [1]).

Скоморохи бывали и «злы-догадливы». Пристроившись ночевать къ старой бабѣ, которая хвалилась тѣмъ, что у ней въ подполье «четыреста рублевъ въ кубышечкѣ лежатъ», «веселые ребята» начинаютъ показывать свое искусство:

> Ай одинъ началъ играть,
> А другой началъ плясать,
> А третій веселой будто спать захотѣлъ,
> Онъ и ручку протянулъ
> И кубышечку стянулъ.

Потомъ они собираются подъ ракитовъ кустъ, дѣлить добычу, и даютъ себѣ зарокъ, когда баба опять накопитъ денегъ, снова ее обобрать [2]).

---

[1]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 11 и сл.—Кирѣевскій. Пѣсни. VII, 50.
[2]) Сахаровъ. Сказ. рус. нар. I. III, 221.

Въ XVI столѣтіи встрѣчаются уже цѣлыя ватаги скомороховъ отъ 60 до 100 человѣкъ, посѣщенія которыхъ почти получаютъ характеръ нашествія враговъ. Стоглавъ упоминаетъ о такихъ толпахъ скомороховъ: «Да по дальнимъ странамъ ходятъ скомрахи, совокупясь ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человѣкъ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно (=насильно) ядятъ и піютъ и съ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ» [3]). Въ виду этого, соборомъ было постановлено: «чтобы впредь такое насилство и безчиніе не было». Но и раньше того, начиная съ конца XV вѣка, стали неоднократно появляться уставныя, жалованныя и другія грамоты, коими въ той или другой мѣстности скоморохамъ запрещалось играть, и жителямъ давалось право безнаказанно выгонять скомороховъ, въ случаѣ если-бы они не желали слушать и видѣть ихъ игры и глумы: «а скоморохомъ у нихъ (крестьянъ бобровыхъ деревень) ловчей и его тіунъ по деревнямъ силно играти не ослобождаетъ: кто ихъ пуститъ на дворъ добровольно, и они тутъ играютъ; а учнутъ у нихъ скоморохи по деревнямъ играти силно, и они ихъ изъ волости вышлютъ вонъ безпенно (=безнаказанно)», читаемъ въ одной изъ уставныхъ грамотъ (1509 г.). Такое-же запрещеніе скоморохамъ играть и разрѣшеніе жителямъ высылать изъ селеній начинающихъ играть насильно, встрѣчаемъ въ грамотахъ 1470, 1506, 1522, 1536, 1544, 1548, 1554, 1555 годовъ [1]).

Невольно дѣлаемъ сближеніе между ватагами скомороховъ, появлявшимися въ праздники, и толпами колядовщиковъ и волочебниковъ (т. е. волочащихся, бродячихъ людей), нынѣ еще ходящими въ извѣстные праздники (на рождественскихъ святкахъ, на масляницѣ, на пасхѣ) отъ дома къ дому съ пѣснями, въ которыхъ воспѣваютъ соотвѣтствующій праздникъ и славятъ и величаютъ хозяевъ соотвѣтствующаго дома, испрашивая себѣ за то подачекъ. Толпы волочебниковъ, сохранившія слѣды какой-то внутренней организаціи, ближе, чѣмъ менѣе сплоченныя и организованные партіи колядовщиковъ, сходствуютъ съ вата-

[1]) Акты (арх. эксп.). I, №№ 86, 144, 171, 181, 201, 217, 240, 244. Ср. ниже. Гл. 6.

гами скомороховъ. Въ толпѣ волочебниковъ есть починальникъ или начинальникъ=запѣвало, и пѣвцы: помагальники, подголосники или подхапнички, есть музыка: музычина или скрипка; все это дѣйствующія лица, несомнѣнно существовавшія и въ скоморошескихъ ватагахъ. Тутъ-же, въ средѣ волочебниковъ есть и мѣхоноша или маханожичъ, съ огромнымъ мѣшкомъ, куда складываются получаемыя ими подачки. Мѣхоноша также встрѣчался и въ скоморошескихъ ватагахъ. Въ пѣснѣ о гостѣ Терентьищѣ, сей послѣдній прячется въ мѣшокъ и несется за плечами, т. е. на спинѣ однимъ изъ скомороховъ—мѣхоношею. Встрѣчается между волочебниками еще освистый, по объясненію проф. Безсонова, подсвистывающій, острякъ, шутникъ, другими словами «глумецъ» или «глумотворецъ», представитель одной изъ главнѣйшихъ отраслей скоморошества. Волочебники, дѣлающіе свой обходъ на святой недѣлѣ, сближаются со сходными съ ними святочными (и масляничными) колядовщиками, — въ одной пѣснѣ своей волочебники сами называютъ себя гостями колядовщиками:

«Подари госцей колядовщицковъ» [1]).

Въ Малорусской святочной игрѣ «Козу» ведетъ «Міхоноша»-колядовщикъ [2]). Бродяжничество, шатаніе, волоченіе волочебниковъ, напоминающее бродячихъ скомороховъ, отлично изображено въ начальныхъ стихахъ слѣдующей волочебной пѣсни:

Ишли-бряли волочебники,
Во цямной ночи, да по грязной грязи,
Волочилися, да й обмочилися,
Шаталися и боуталися,
Къ богатому дому пыталися [3]).

Другая волочебная пѣсня начинается такъ:

Изъ-подъ лѣсу-лѣсу темнаго
Шла тучка Волочебная:

---

[1]) Безсоновъ. Бѣлорусс. пѣс. I. 20—21. — Шейнъ. Бѣлорусс. нар. пѣс. 75 и сл., 105.
[2]) Труды этн.-ст. эксп. (юго-зап. отд.). III. 265.
[3]) Шейнъ. Бѣлорусс. нар. пѣс. 82.

А не туча то шла—Волочобнички,
Волочобнички, бѣлы молойцы...
Шли яны дорогою,
Дорогою широкою,
Широкою торненькою,
Траукой—мурайкой зелененькою... [1]).

И колядовщики поютъ себѣ:

Ходятъ ребята коледовщики,
Ищутъ ребята Государева двора... [2])

Какъ скоморохи, по выраженію Стоглава, ѣли и пили у крестьянъ насильно и «грабили животы», такъ и колядовщики и волочебники до сихъ поръ еще просьбы свои о подачкахъ нерѣдко сопровождаютъ угрозами, которыя въ старину, быть можетъ, и приводились въ исполненіе; напр, въ колядкахъ:

Малорусс.: — Боже, дай вечиръ добрый,
А намъ дайте пиригъ добрый,
А якъ не дасте,
То возьму кобылу за чуприну
Поведу въ кабакъ,
Да пропью за пятакъ [3]).

Великорусс.: — Пышка лепешка
Въ печи сидѣла,
На насъ глядѣла,
Въ ротъ захотѣла.
Дайте намъ кишку въ локоть,
Чтобы семерымъ не слопать,
Дайте намъ ломоть пирога
Во всѣ коровьи рога...
Не дадите лепешки,
Закидаемъ всѣ окошки,
Не дадите пирога,
Закидаемъ ворота [4]).

---

[1]) Безсоновъ. Бѣлорусс. пѣс. I, 3.
[2]) Описаніе города Котельнича, въ этнографич. сборн. Имп. Русс. Геогр. Общ. V, 79.
[3]) Терещенко. Бытъ русс. нар. VII, 76.
[4]) Шейнъ. Русс. нар. пѣс. I, 369.

— Подавай пирога!
Коль не дашь пирога,
Разломаемъ ворота,
Двери окна разобьемъ [1]).

— Кто не дастъ пирога,
Разобьемъ ворота,
Кто не дастъ кишки,
Разобьемъ горшки [2]).

Въ волочебныхъ пѣсняхъ:

Смоленск губ.: Кто не дастъ конца пирога,
Мы корову за рога,
Христосъ воскресъ Сына Божья! [3]).
Кто не дастъ пару яицъ,
Мы прогонимъ всѣхъ овецъ,
Кто не дастъ солонины кусокъ,
Мы свинью завалимъ [4]).

Повторяю, что въ такихъ пѣсняхъ, быть можетъ, отражается воспоминаніе о насильственной ѣдѣ и насильственномъ питіи скомороховъ въ деревняхъ, быть можетъ и о «пограбленіи животовъ» у крестьянъ. Гдѣ можно было, скоморохи «стягивали» то, что плохо лежало, какъ напр. вышеупомянутую бабью кубышку съ деньгами, употребляя то хитрость, то насиліе. О хитрыхъ продѣлкахъ и проказахъ скомороховъ до сихъ поръ еще сохраняются въ народѣ преданія. Отъ многихъ старожилъ и теперь еще, по словамъ Бѣляева, можно слышать разсказы о томъ, какъ скоморохи, подходя къ селу, раздѣлялись на партіи,

---

[1]) Снегиревъ. Русс. прост. праздн. II, 106. — Ср. также зложеланіе, въ видѣ угрозы высказываемое въ слѣдующихъ словахъ колядки:

Тетушка, тетушка,
Подай намъ козурку (=печеніе),
А не дашь козурки,
На новый годъ осиновый тебѣ гробъ.

(Владимірскія Губернскія Вѣдомости. 1860 г. № 27.)

[2]) Опис. гор. Котельнича, въ этногр. сборн. V, 79—80.
[3]) Припѣвъ послѣ каждаго двустишья.
[4]) Римскій-Корсаковъ. Сбор. русс. нар. пѣс. II, № 47.

изъ которыхъ одна направлялась въ село воровать, а другая пѣніемъ и прибаутками занимала жителей, часто разсказывая имъ про то самое, что дѣлалось у нихъ въ домахъ. Въ Московской губерніи, Можайскаго уѣзда, есть деревня Ликова. Тамъ до нынѣ хранится разсказъ о томъ, какъ ватага бродячихъ воровъ-музыкантовъ однажды расположилась близъ деревни и потѣшала жителей слѣдующей пѣсней:

Ай, матушка Ликова,
Пришей къ шубѣ рукава.

Воротившись домой съ этого спектакля, крестьяне не нашли большей части своихъ овецъ (ср. выраженіе Стоглава о скоморохахъ: «съ клетей животы грабятъ) [1]).

Въ югозападной части Томской губ. народные музыканты, играющіе для плясокъ, по временамъ подпѣваютъ подъ музыку отрывки разныхъ пѣсень, между прочимъ и нижеслѣдующій (записанный въ Семипалатинскѣ) экспромтъ, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, сложившійся при такихъ обстоятельствахъ: въ одной деревнѣ была вечерка; шли воры крестьяне, одинъ изъ нихъ — музыкантъ; музыкантъ вошелъ въ избу и предложилъ поиграть для компаніи, а его товарищи остались на дворѣ и стали шарить по амбарамъ, нашли много добра, но во что положить — не знаютъ, а на дворѣ сушились бабьи рубахи, вотъ музыканту и пришла мысль замѣнить мѣшки рубахами, онъ и пропѣлъ свое предложеніе громко, чтобъ услышали на дворѣ:

Ужь вы глупые крестьяне,
Неразумны мужики,

---

[1]) Бѣляевъ. О скоморохахъ. 83—84. Прим. 3.—И современный намъ западнорусскій дударь, по словамъ г. Шпилевскаго, «рыская по всему краю, много слышитъ, многое и самъ придумаетъ; умѣетъ ловко разсказать о видѣнномъ, подчасъ надуетъ кого удачною плутнею, особенно когда *публика* его бываетъ подхмѣлена». (Мозырщина, въ арх. истор. и практич. свѣд. III, стр. 5).

Еще бабья-то рубаха
Не тотъ-же ли мѣшокъ?
Рукава-то завяжи,
Да что хошь положи [1]).

Эта пѣсня и связанное съ нею преданіе напоминаютъ только что упомянутое преданіе деревни Ликова, а также пѣсню о скоморошьей воровской продѣлкѣ съ бабьей кубышкой.

Воровство скомороховъ доходило до грабительства. На это указываютъ заключительные стихи приведенной раньше (стр. 3, 134, 141) пѣсни «о Веселыхъ», обокравшихъ бабу, у которой они пріютились для ночлега:

Ты живи баба подолѣ,
Ты копи денегъ поболѣ,
И мы дворъ твой знаемъ,
Опять зайдемъ,
Мы кубышку твою знаемъ,
Опять возьмемъ;
А тебя дома не найдемъ,
И дворъ сожжемъ [2]).

Слова эти близко роднятся съ заключительными-же стихами разбойничьей пѣсни «Ахъ усыньки усы, удалые молодцы»: послѣ того какъ разбойники ограбили богатаго мужика въ его дому, они обращаются къ нему съ такой же ироніей, какъ выше воры-скоморохи къ обокраденной ими старухѣ:

Вотъ спасибо тѣ мужикъ,
Вотъ спасибо господинъ,
Поживи мужикъ по-долѣ,
Покопи денегъ по-болѣ,
Мы назадъ пойдемъ,
Мы опять зайдемъ [3]).

---

[1]) Этногр. Сбор. VI, 61.
[2]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ııı, 221.
[3]) Пальчиковъ. Крест. пѣс. № 43.—Ср. К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 289.

Въ Стоглавѣ, какъ мы видѣли, прямо говорится, что ватаги скоморохов «по дорогамъ (людей) разбиваютъ», т. е. грабятъ [1]).

[1]) Бѣляевъ обратилъ вниманіе на слѣдующую пѣсню изъ сборника Сахарова, въ которой онъ узнаетъ разсказъ о грабительствѣ скомороховъ. Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ изъ этой пѣсни:

Ахъ Суздальцы, Володимерцы,
Ни скакать, ни плясать съ колокольчиками,
Съ колокольчиками, съ болобольчиками.
Ахъ станемъ говорить выговаривати,
Черно на бѣло выворачивати.
Какъ у Карпова двора,
Да окатана гора;
Какъ не Карпъ ее каталъ
И не Карпова жена,
Укатали бояре семи городовъ,

(можетъ быть, по мнѣнію Бѣляева, это скоморохи, въ ватагѣ которыхъ были члены разныхъ волостей)

Поставили избушку семи локотковъ,

(быть можетъ, это кибитка или шалашъ, поставленные ворами-скоморохами у двора Карпа, чтобы выманить изъ дома хозяйку)

А одна-то доска поперещилася,
Поперещилася, потрескалася;
Я ударю во косокъ
Промежду пяти достокъ,
Какъ понесся голосокъ
Изъ избушки во лѣсокъ,
Какъ отдался голосокъ
Въ самый тотъ-же во часокъ,
Что Ульяна отъ побою переставилася.

(Пѣсни русс. нар. IV, 103.)

При соображеніи съ другими свидѣтельствами о разбойническихъ ватагахъ скомороховъ и ихъ поступкахъ, замѣчаетъ Бѣляевъ, намъ слышатся въ этой пѣснѣ сигналы и переклички скомороховъ, раздѣлившихся на три партіи, изъ которыхъ одна поджидаетъ въ лѣсу, другая—обманываетъ и убиваетъ хозяйку, а третья—на концѣ деревни поетъ, пляшетъ и въ намѣренно запутанной пѣснѣ разсказываетъ крестьянамъ, что дѣлается у нихъ во дворахъ. (О скоморохахъ. 83—85.)

Глава четвертая.

Скоморохи осѣдлые.

Кромѣ прохожихъ, проѣзжихъ скомороховъ, издавна бывали и осѣдлые, успѣвавшіе пристраиваться къ княжескому или царскому двору, или къ домамъ богатыхъ и знатныхъ бояръ, или просто проживавшіе въ томъ или другомъ мѣстѣ (деревнѣ, слободѣ, городѣ), прокармливаясь тамъ помощью своего ремесла. По словамъ былинъ, на пирахъ у князя Владиміра присутствуютъ толпами игроки, скоморохи (ср. выше стр. 8—9), очевидно принадлежащіе къ придворному штату. Въ былинѣ о Ставрѣ, выдающая себя за посла, Ставрова жена спрашиваетъ князя:

> Нѣтъ-ли у тебя загусельщиковъ,
> Поиграть во гуселышки яровчаты?
> Какъ повыпускали они загусельщиковъ,
> Всѣ играютъ, и т. д. [1]).

Загусельщики, слѣдовательно, оказываются на готовѣ, какъ только въ нихъ встрѣчается надобность. Впрочемъ, въ другомъ пересказѣ Владиміръ посылаетъ

> Искать таковыхъ людей всякихъ рукъ,
> И собрали веселыхъ молодцовъ на княжескій дворъ [2]).

Изъ этого можно лишь заключить, что зазывали ко двору и постороннихъ, не штатныхъ «веселыхъ молодцовъ».

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 110.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 773, 855.
[2]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.

Когда приводятъ изъ заточенія и заставляютъ играть самого Ставра, то мнимый посолъ обращается къ Владиміру:

Не надо мнѣ твои дани, выходы,
Только пожалуй веселымъ молодцомъ
Ставромъ бояриномъ Годиновичемъ [1]).

Слѣдовательно, «веселый молодецъ» является здѣсь какъ принадлежность княжескаго двора, которою князь и жалуетъ неузнаннаго гостя.

Въ былинѣ о Чурилѣ Пленковичѣ, сей послѣдній назначается придворнымъ постельникомъ: онъ стелетъ постель великокняжеской четѣ и по должности, по обязанности службы, сидя у изголовья, потѣшаетъ князя и княгиню игрой на гусляхъ, т. е. въ качествѣ постельника, онъ дѣлается и штатнымъ придворнымъ гусельщикомъ [2]).

Выше (стр. 9 и сл., 13) указано было на то, что Святополкъ любилъ пировать при звукѣ гуслей, что при дворѣ Святослава Ярославовича на пирахъ «по обычаю» играли на гусляхъ и на другихъ инструментахъ, что князь Всеволодъ Мстиславовичъ Новгородскій любилъ играть и утѣшаться. Разумѣется, для этой цѣли должны были состоять на княжеской службѣ постоянные штатные «игрецы», «гудцы» или скоморохи, изображеніе которыхъ мы узнаемъ на древней фрескѣ Кіевскаго Софійскаго собора. Существованіе штата постоянныхъ, слѣдовательно болѣе или менѣе осѣдлыхъ, гудцевъ - скомороховъ не исключало, конечно, возможности появленія при великокняжескомъ дворѣ и пріѣзжихъ скомороховъ: въ качествѣ таковаго, приходитъ на пиръ накрученный скоморохомъ Добрыня, привѣтствуемый Владиміромъ, какъ «дѣтина пріѣзжая, скоморошная, гусельная» и приводящій въ восторгъ прочихъ, вѣроятно постоянныхъ, штатныхъ игроковъ - скомороховъ Владиміровыхъ. — Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1241 г. говорится о «словутномъ», т. е. славномъ, пѣвцѣ Митусѣ, не восхотѣвшемъ изъ гордости служить князю

---

[1]) Тамъ-же: 91.
[2]) См. выше стр. 66.

Даніилу [1]). Изъ этого опять заключаемъ, что бывали у князей на службѣ пѣвцы и гудцы (музыканты).

Ссылаясь на сказанное мною выше (стр. 50) объ отсутствіи письменныхъ извѣстій о музыкальныхъ увеселеніяхъ русскихъ князей съ XIII (или даже съ XI) до конца XV вѣка, напомню, что въ 1490 г. былъ выписанъ ко двору царя Іоанна III органный игрецъ, по имени Иванъ Спаситель, капланъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова ордена, открывшій собою рядъ иноземныхъ потѣшниковъ царскихъ. При Іоаннѣ Грозномъ русскіе скоморохи, представители веселой игры, играли при царскомъ дворѣ еще видную роль: съ ними царь самъ пѣлъ на своихъ пирахъ разгульныя пѣсни и плясалъ въ «машкарахъ»; ихъ плясками, несомнѣнно связанными съ игрой, царь забавлялъ нѣмецкихъ гостей, присутствуя на свадьбѣ Магнуса Голштинскаго съ княжной Маріей; ихъ игра на волынкѣ (вѣроятно и на другихъ инструментахъ) сопровождала медвѣжью комедію, которою забавлялся царь. Тѣшили, кромѣ того, царя, навѣвая на него сонъ своими разсказами, старцы-бахари, въ лицѣ которыхъ, равно какъ и въ лицѣ позднѣйшихъ домрачеевъ и гусельниковъ, мы узнаемъ преемниковъ древнихъ скомороховъ-сказителей, т. е. пѣвцовъ старины. Бахарей мы встрѣчаемъ, послѣ Іоанна Грознаго, у царя Василія Шуйскаго; бахарей, домрачеевъ и гусельниковъ — при дворѣ царя Михаила Ѳедоровича. Въ теченіи XVI столѣтія все болѣе и болѣе стали цѣниться въ Москвѣ иноземные мастера всякаго рода ремеслъ и художествъ; между прочимъ, привозились изъ за-границы къ царскому двору органы и клавикорды съ соотвѣтствующими игрецами; позже, въ началѣ XVII вѣка, появляются въ царской потѣшной палатѣ еще цимбальники и скрипотчики, русскіе по происхожденію, но, разумѣется, научившіеся своему искусству у иноземныхъ мастеровъ. Всѣ вышепоименованные дворцовые музыкальные искусники, къ которымъ присоединяется еще толпа дворцовыхъ трубниковъ, сурначеевъ и накрачеевъ (подробнѣе я буду говорить о нихъ въ другомъ мѣстѣ), представляютъ уже нѣчто въ родѣ штата осѣдлыхъ потѣшниковъ. Иноземный элементъ въ

[1]) Полн. собр. рус. лѣт. II, 180.

этихъ потѣхахъ очевидно получалъ преобладаніе, утвердившись окончательно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, который съ самаго начала своего царствованія строго преслѣдовалъ русское скоморошество, замѣнилъ на своей свадьбѣ прежнія обычныя музыкальныя потѣхи (трубную игру, игру домрачеевъ, гусельниковъ) пѣніемъ духовныхъ пѣсень, но въ послѣдствіи широко раскрылъ двери своего дворца нѣмецкимъ и составленнымъ по иноземнымъ образцамъ русскимъ комедіямъ съ музыкою, замѣнивъ прежнія потѣхи новымъ родомъ,—потѣхой музыкально-драматической.

Не только при царскомъ дворѣ, но и въ домахъ знатныхъ и богатыхъ особъ нерѣдко держались потѣшники: скоморохи, бахари, гусельники, трубники и другіе музыканты, которые, слѣдовательно, вели жизнь осѣдлую. Сохранилось извѣстіе о крѣпостномъ трубникѣ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева (изъ временъ царствованія Іоанна III [1]). «Держай сопѣльника... чтить темнаго бѣса» говоритъ авторъ слова о русаліяхъ [2]), слѣдовательно были въ старину частныя лица, державшія у себя музыкантовъ. Вѣроятно такими же домашними музыкантами были трубачи и барабанщики, музыка которыхъ, по словамъ былины, гремѣла на пиру у Никиты Романовича (ср. выше стр. 16).

Сохранилось извѣстіе и о скоморохахъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. Такъ въ 1633 г. подали царю челобитную, по поводу совершеннаго надъ ними насилія, со стороны приказнаго Крюкова и его людей, скоморохи князя Ивана Ивановича Шуйскаго и князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго [3]). Скоморохи же вѣроятно не многимъ отличались отъ тѣхъ «блазней», которые, по словамъ Маскѣвича (1611 г.), тѣшили Московскихъ бояръ на ихъ вечеринкахъ русскими плясками и кривляніями и безстыдными пѣснями (см. выше стр. 94) и вѣроятно принадлежали къ штату боярскихъ дворень. Таковы же были конечно и тѣ «веселые», ко-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. V, 197.
[2]) Пам. стар. русс. лит. I, 207.
[3]) См. у Аѳанасьева. Поэт. воззр. I, 346—347.

торыхъ, какъ было упомянуто выше (стр. 5), держалъ при себѣ безпрестанно, для потѣхи, князь Шейдяковъ (въ первой половинѣ XVII вѣка). Олеарій упоминаетъ о позитивѣ (органѣ) и всякаго рода другихъ музыкальныхъ инструментахъ, которые имѣлъ у себя другъ нѣмцевъ, великій бояринъ Никита (Ивановичъ Романовъ). Само собой разумѣется, что при названныхъ инструментахъ бояринъ держалъ и игравшихъ на нихъ музыкантовъ. При комедійныхъ потѣхахъ царя Алексѣя Михайловича (въ 1674 г.), по свидѣтельству Дворцовыхъ Разрядовъ, «на арганахъ играли нѣмцы да люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева», который въ 1673 г. завелъ даже театральное училище, подготовлявшее актеровъ и музыкантовъ русскаго происхожденія. «Того-же года, въ томъ-же селѣ Преображенскомъ—читаемъ далѣе тамъ-же—была у великаго государя потѣха на заговѣньи; и тѣшили его, великаго государя, нѣмцы да люди боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева на арганахъ и на фіоляхъ и на страментахъ и танцовали и всякими потѣхами разными» [1]). Въ повѣсти о прекрасномъ Девгеніи (по рукописи XVII вѣка) читаемъ: «Девгеній... нача веселитися во всю нощь и повелѣша людямъ своимъ въ тимпаны и въ набаты бити, и въ сурны играти сірѣчь трубить и въ гусли играть» [2]). У Девгенія были, слѣдовательно, свои домашніе, т. е. осѣдлые музыканты, игравшіе на разныхъ, въ томъ числѣ и на скоморошескихъ инструментахъ (сурнахъ, трубахъ, гусляхъ). Мы видимъ, что во всѣхъ поименованныхъ случаяхъ прежнія скоморошескія потѣхи оказываются болѣе или менѣе вытѣсненными иными, на западно-европейскій ладъ устроиваемыми потѣхами: при царскомъ дворѣ разыгрываются комедіи съ музыкой и пѣніемъ, на царскихъ и частныхъ пирахъ и празднествахъ гремитъ преимущественно трубная музыка, оставляя не много мѣста домашнимъ домрачеямъ и гусельникамъ, ближайшимъ преемникамъ древнихъ пѣвцовъ-гусельниковъ. Впрочемъ, бахари, сказители или баятели басень, т. е. сказокъ и былинъ,—также ближайшіе

---

[1]) III, 1131, 1132.
[2]) Пам. стар. русс. лит. II, 387.

преемники древнихъ пѣвцовъ старины — гусельниковъ, продолжали еще долго, даже до начала XIX вѣка, составлять необходимую принадлежность многихъ частныхъ домовъ. Скоморохи же, удерживаясь еще, какъ было замѣчено выше, даже еще въ первой половинѣ XVII вѣка въ домахъ нѣкоторыхъ бояръ (напр. у князей И. И. Шуйскаго, Д. М. Пожарскаго, А. Шейдякова), продолжаютъ на улицахъ и площадяхъ, преимущественно въ видѣ бродячихъ ватагъ, потѣшать толпу народную.

Независимо отъ упомянутыхъ осѣдлыхъ скомороховъ и иныхъ музыкальныхъ потѣшниковъ, состоявшихъ при царскомъ дворѣ и при домахъ частныхъ лицъ, встрѣчаемъ извѣстія и о скоморохахъ вольныхъ, свободныхъ отъ службы, такъ сказать свободно практиковавшихъ, имѣвшихъ осѣдлость въ городахъ и селахъ и отсюда ходившихъ на свой промыселъ. Такъ напр. Садко-гусельникъ, пока еще не сдѣлался богатымъ купцомъ, ходившій играть по пирамъ, въ былинѣ называется Новгородскимъ, т. е. жителемъ г. Новгорода:

«Ай же ты Садко Новгородский!»

такъ привѣтствуетъ его, играющаго на гусляхъ на берегу Ильменя озера, царь морской; далѣе читаемъ въ той же былинѣ:

Приходилъ Садко въ свой во Новгородъ! [1])

О томъ, что скоморохи живали и въ деревняхъ, заключаемъ изъ словъ приговорной памяти монастырскаго собора Троицкой лавры (1555 г.), запрещавшей подъ угрозою пени держать въ волости скомороховъ: «не велѣли есмя имъ въ волости держати скомороховъ ни волхвей... и учнутъ держати, у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ,... и на томъ сотскомъ и его сотнѣ взяти пѣни десять рублевъ денегъ, а скомороха или волхва... бивъ да ограбивъ да выбити изъ волости вонъ». Здѣсь же прибавлено: «а прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать» [2]); слѣдовательно прямо дѣлается различіе между осѣдлыми

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 371.
[2]) Акты (арх. эксп.). I, № 244.

и прохожими скоморохами. Въ народной пѣснѣ упоминается о скоморохѣ, живущемъ въ деревнѣ:

Сватался за Катеньку изъ деревни скоморохъ [1]).

Изъ такихъ-то осѣдлыхъ, городскихъ и сельскихъ, скомороховъ набирались вѣроятно, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, потѣшники для царскаго двора: выше (стр. 5) приведено было свидѣтельство 2-ой Новгородской лѣтописи подъ 1571 г., о томъ, что «въ Новгородѣ, и по всѣмъ городамъ и по волостемъ на государя брали веселыхъ людей».

Все это показываетъ, что въ старину, кромѣ скомороховъ прохожихъ, странствующихъ, во многихъ мѣстахъ жили и скоморохи осѣдлые. Можетъ быть географическія названія пустоши «Скоморохово» въ Новоторжскомъ уѣздѣ, починка «Скомороховъ» въ Бѣжецкой пятинѣ [2]), части города: «Скоморошья мовница» въ Устюгѣ [3]) и т. п. произошли вслѣдствіе жительства въ нихъ, въ давнишнія времена, осѣдлыхъ скомороховъ.

[1]) Бѣляевъ. О скоморохахъ. 88.
[2]) См. Акты (арх. эксп.): Указатель.
[3]) Карамзинъ. Ист. гос. Росс. VI, пр. 629 (Дополнительная выписка изъ лѣтописей, подъ 1490 годомъ).

Глава пятая.

Награжденіе схомороховъ и презрѣніе къ нимъ, какъ къ слугамъ антихристовымъ.

а. Щедрыя награды.—Плата гудочная (мзда).

Мы видѣли выше, что скоморохи, начиная съ пѣвца-гусельника, развлекавшаго своимъ искусствомъ, своей «игрой», участниковъ пировъ и свадебныхъ празднествъ, и кончая веселыми разудалыми музыкантами-плясунами, глумотворцами, потѣшавшими народную толпу своими пѣснями, играми и представленіями,—издревле были душою всякихъ увеселеній, центромъ всякихъ торжественныхъ сборищъ. Скоморохъ былъ въ старину единственнымъ представителемъ музыкальнаго, музыкально-эпическаго и музыкально-сценическаго искусства, проявлявшагося, разумѣется, по большей части лишь въ самой простой, грубой, но соотвѣтствовавшей современному вкусу народа формѣ. Народъ, начиная съ князя или царя и кончая разгульною чернью, любилъ своихъ веселыхъ потѣшниковъ, щедро награждая ихъ за доставляемую ими утѣху.

Добрыня, одѣтый скоморохомъ, за игру свою удостоивается почести сидѣть рядомъ съ княземъ Владиміромъ на «золотомъ стулѣ» и вмѣстѣ съ княземъ «хлѣба кушати и лебедей рушати» (см. выше стр. 64—65), онъ награждается виномъ и казной безъ мѣры и безъ разсчета: «Ай же ты, мала скоморошина», восклицаетъ князь,

За твою игру великую,
За утѣхи твои за нѣжныя,

Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ разсчету получай золоту казну [1]).

Въ другомъ пересказѣ Владимiръ обращается къ Добрынѣ съ слѣдующею рѣчью:

Ахъ скора мала смѣла скоморошина!
А чѣмъ намъ тебя буде жаловать
А за эту игру за умильнюю?
Города ль тебѣ набъ съ пригородами,
Али села да ти набъ со приселками,
Аль много набъ безсчотной золотой казны?

Утѣшанный «нѣжной игрой» Садка-гусельника, царь морской

Говорилъ таковы слова:
Ай же ты Садко Новгородскiй!
Не знаю чѣмъ буде тебя жаловать...
Аль безсчетной золотой казной? [2])

Упоминается въ былинахъ и о платѣ гудочной.

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрынѣ, послѣднiй надѣваетъ платье не скоморошеское, а «калисьнее» (т. е. наряжается каликой). Онъ приходитъ «на свадьбу Олешину» и застаетъ тамъ толпу гудочниковъ:

Вси гудки играютъ, и вси увеселяютъ.
Нацяли гудосьниковъ удобривать,
И виномъ то ихъ стали попаивать;
А не даютъ калики цяры зелена вина,
Да и платы гудосьныя не даютъ,
А за то ему не даютъ,
Што не игралъ въ свой гудокъ.
И говорилъ калика перехожiе (т. е. Добрыня):
«Прикажи-тко, Олёша, во вси гудки молцети,
А я нацьну въ свой гудокъ играти,
Штобы не лишили миня платы-то гудосьныя,
Да и цярой зелена вина не обнесли» [3]).

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 31.
[2]) Тамъ же: I, 371.
[3]) Кирѣевскiй. Пѣсни. II, 13.

Изъ этого отрывка видно, что «удабриваніе» гудочниковъ заключалось въ подаяніи имъ гудочной платы, къ чему присоединялось еще угощеніе виномъ; платятъ же и подносятъ вино лишь тѣмъ изъ гудочниковъ, которые играютъ въ гудокъ, не играющихъ же обходятъ и платой и чарой зелена̀ вина.

Въ словѣ о русаліяхъ разсказывается, какъ богатый награждаетъ сопѣльника «сребреницею», какъ богатые и убогіе «подаютъ сребро и мѣдь» бѣсамъ, исполняющимъ роль скомороховъ, за ихъ «игранія». Тамъ же порицается «держащій сопѣльника» т. е. нанимающій его, платящій ему деньги, или содержащій его на свой счетъ [1]). «Друзіи же и мзды игрецемъ даютъ» читаемъ въ «словѣ о томъ, како пьрвое погани вѣровали въ идолы», приписываемомъ Іоанну Златоусту (по рукоп. Новгор. Софійскаго собора, XIV в.) [2]), а въ Требникѣ, въ чинѣ исповѣданія мірянъ, кающійся произноситъ: «согрѣшихъ въ сладость слушая гуденія гуслей и арганъ и трубъ и всякаго скоморошества, бѣсовскаго неистовства и за то имъ мьзду давахъ» [3]). Выше (стр. 77) приведено свидѣтельство Даніила фонъ Бухау о пляскахъ московскихъ гистріоновъ-скомороховъ, выгоды ради. Олеарій говорилъ о скоморохахъ-кукольникахъ, дававшихъ въ его время представленія за деньги простонародной молодежи и дѣтямъ [4]). Наука скомороха, по выраженію «слова о вѣрѣ христіанской и жидовской» (по рукоп. XVIII в.): «скоморошить и у христіанъ деньги выманивать» [5]). Упомянутые выше (стр. 154) скоморохи князей И. И. Шуйскаго и Д. М. Пожарскаго ходили «для своего промыслишку» т. е. играть за плату, за вознагражденіе. Бѣлорусская пѣсня указываетъ на подачки, которыми пользуется скоморохъ,—что даютъ, то онъ и беретъ:

А скоморохова горькая доля,
Што даюць тольки, берець и тое [6]).

---

[1]) Пам. стар. русс. лит. I. 207, 208.
[2]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. IV. III, 111.
[3]) См. у Веселовскаго. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. II, 196—197.
[4]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 178.
[5]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. I, 74.
[6]) Носовичъ. Слов. бѣлорусс. нарѣч. Сл.: «скомороховъ».

Сравнимъ выше (стр. 67) малорусскую пѣсню, въ которой дѣвушка нанимаетъ за копу дударя, чтобы онъ игралъ ей на дудѣ. — Какъ вознаграждались пріѣзжіе, прохожіе, бродячіе скоморохи, такъ, разумѣется, оплачивалось и искусство скомороховъ и потѣшниковъ осѣдлыхъ, принадлежавшихъ къ штату царскаго двора, а равно и дворни богатыхъ частныхъ лицъ. Такъ напр. сохранились свѣдѣнія о неоднократныхъ выдачахъ денежныхъ наградъ, или кусковъ матерій на платья, придворнымъ бахарямъ и домрачеямъ, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XVII столѣтія [1]).

~~~~~~~~~~

б. Скоморошество во служеніи дьявола.

Рядомъ съ любовью къ искусству скомороховъ, душѣ всякаго веселья и утѣхи, народъ (въ особенности болѣе просвѣщенная его часть, воспитанная на духовной литературѣ) къ личности самихъ потѣшниковъ изстари питалъ презрѣніе. Не мало способствовало тому нерѣдко предосудительное поведеніе самихъ скомороховъ, но главною причиною этого презрѣнія и извѣстной брезгливости къ скоморохамъ и ихъ атрибутамъ служилъ воспринятый отъ Византійской церкви и воспитывавшійся духовенствомъ въ народѣ взглядъ на грѣховность скоморошьяго промысла, на бѣсовскій характеръ творимыхъ ими игръ, глумовъ, «позоровъ», на музыку вообще и даже на музыкальныя орудія, — какъ на изобрѣтеніе дьявола или дьявольскую лесть, на игреца или потѣшника, — какъ на слугу сатаны, слугу антихристова, исчадіе дьяволово. Нѣтъ возможности перечислить всѣ порицательные отзывы о скоморошескихъ играхъ, глумахъ и представленіяхъ, щедрою рукою расточавшіеся духовными и свѣтскими авторами, которые, въ заботѣ о нравственномъ усовершенствованіи народа, поучали его, наставляя на путь истинный. Не только исполненіе музыки, игръ, глумовъ, но и слушаніе и лицезрѣніе ихъ постоянно называются въ числѣ мытарствъ, тяжкихъ пре-

[1]) Забѣлинъ. Дом. бытъ русс. царицъ. 439—440.
~~~~~~~~~~

грѣшеній, угодныхъ дьяволу, уготовающихъ путь въ адъ кромѣшный. Приведу по нѣскольку примѣровъ отзывовъ о каждой изъ разсмотрѣнныхъ выше отраслей дѣятельности скомороховъ разныхъ авторовъ прошедшихъ столѣтій.

аа. Игра и музыкальные инструменты.

Несторъ (подъ 1067 г.) называетъ «дьявольскими лестьми» трубы, скомороховъ, гусли и русальи [1]); (подъ 1074 г.) описываетъ видѣніе Исаакія, которому являются бѣсы съ музыкальными орудіями (сопѣлями, бубнами, гуслями и играютъ на нихъ); у Кирилла Туровскаго встрѣчаемъ выраженіе «сопѣли сотонинскія». Христолюбецъ называетъ гуденье въ числѣ бѣсовскихъ игръ; играніе, плясаніе и гуденіе оскверняетъ чувства, по словамъ посланія митрополита русскаго Іоанна; «смѣха бѣгай лихаго, скомороха... и гудця и свирця нѣ уведи у домъ свой глума ради. поганьско бо то іесть а не крестыанско; да любяй та глумлѣнья поганъ іесть... дьяволи бо то суть», поучаетъ Черноризецъ Григорій (по списку XIII в.); «а гудущіи не акы ли и непріязни древу пакость творять», говоритъ въ поученіи своемъ Евсевій (XIII в.) [2]); «сопѣли, гусли... собираютъ около себе стоудные бѣсы, держай же сопѣльника, въ сласть любуй гусли... чтить темнаго бѣса» говорится въ словѣ о русаліяхъ; «не люби игры да не обрящешися тамо съ бѣсовскими слугами», говоритъ митрополитъ Даніилъ въ своемъ поученіи [3]); отъ трапезы, за которой происходятъ гуденіе, плясаніе и игры, ангелы Божіи отыдутъ, а дьяволы предстанутъ, по словамъ Домостроя; противъ «скомороховъ съ домрами и съ гусльми и съ волынками и со всякими бѣсовскими играми» ополчается грамота царя Алексѣя Михайловича (1648 г.), называющая дом-

---

[1]) Свидѣтельства, выписываемыя здѣсь безъ точнѣйшаго обозначенія источниковъ уже приведены мною, съ указаніемъ послѣднихъ, выше, въ разныхъ мѣстахъ.

[2]) Срезневскій. Свѣд. и замѣт. VII, 56; XLI, 34.

[3]) Пам. стар. русс. лит. IV, 203.

ры, сурны, гудки, гусли «бѣсовскими гудебными сосудами»; «а буде... учнутъ... скомрахи въ гусли и въ домры и въ сурны и волынки и во всякія бѣсовскія игры играть» читаемъ въ памяти митрополита Ростовскаго Іоны (1657 г.)[1]); статья упомянутаго выше (стр. 131) рукописнаго сборника, какъ мы видѣли, называетъ скомороховъ и свирѣльниковъ волхвами бѣсовыми, слугами антихристовыми. «Умысли сатана, како отвратити людей отъ церкви—читаемъ въ старинной рукописи— и собравъ бѣси — преобрази въ человѣка, и идяше въ сборѣ велицѣ упестренѣ въ градъ и вси біяху въ бубны, друзіи въ козици и въ свирѣли... Мнози же оставивши церковь и на позоры бѣсомъ течаху»[2]). Преподобному Ѳеодосію Печерскому слышался, по словамъ его житія, «гласъ вопля великаго въ пещерѣ отъ множества бѣсовъ», «аки нѣкіимъ... въ тимпаны біющимъ, и инымъ въ сопѣли играющимъ и тако всѣмъ кличющимъ»[3]). Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ играніе прямо приписывается бѣсамъ. Въ названномъ выше (стр. 17) требникѣ встрѣчаются слѣдующіе вопросы священника на исповѣди: «слушалъ еси скомороховъ или гусельниковъ, или пѣлъ еси пѣсни бѣсовскія или слушалъ еси иныхъ поющихъ?» доказывающіе грѣховность поименованныхъ потѣхъ. Мы видѣли выше (стр. 158), что, по словамъ поученій, даже мзда, даваемая игрецамъ, считается жертвой дьяволу, слѣдовательно тяжкимъ грѣхомъ: «за кую вину—восклицаетъ авторъ слова о русаліяхъ—даеши сребро свое дьяволу въ жертву, велику пагубь души своей творя, а дьяволу же радость»[4]).

Взглядъ на бѣсовскій характеръ музыки отразился и въ народной литературѣ. Въ былинѣ о Садкѣ, когда подъ звуки гуслей этого игреца расплясалось и разскакалось все подводное царство, расходилось бурное море, топило корабли безъ счету,—герою былины является старикъ «сѣда-

[1]) Акты (арх. эксп.). IV, № 98.
[2]) У Аѳанасьева. Поэт. воззр. I, 332. — Ср. выше (стр. 90) объясненіе происхожденія «Русалій», въ прологѣ XV столѣтія.
[3]) Печер. Патер. 51.
[4]) Пам. стар. русс. лит. I, 208.

тый» или «Никола Можайскій», или «старчище», и обращается къ нему съ такими словами:

«Полно тебѣ играть во гуселки яровчаты,
Полно губить людей безповинныихъ.
Отъ твоихъ отъ игоръ отъ бѣсовскіихъ,
И отъ тыихъ отъ плясокъ нечестивыихъ,
Окіанъ сине море всколебалося» [1]).

Ограничусь приведенными примѣрами.

~~~~~~~~~~

бб. Пляски и пѣсни.

Несторъ, описывая нравы Радомичей, Вятичей и Сѣвера, выражается такъ: «схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища»; въ Софійской первой лѣтописи читаемъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ: «схожахуся на игрища и на вся бѣсовская плясанія» [2]); въ видѣніи Исаакія бѣсы прельщаютъ преподобнаго къ пляскѣ звуками музыкальныхъ орудій; въ былинѣ о Садкѣ вызванныя игрою его пляски морскаго царя и его свиты называются бѣсовскими, нечестивыми; Христолюбецъ называетъ въ числѣ бѣсовскихъ игръ не только гудѣніе (см. выше стр. 160), но и плясаніе и пѣсни мірскія (по другой редакціи—пѣсни бѣсовскія) [3]); точно такъ, по словамъ посланія митрополита Іоанна, оскверняетъ чувства, кромѣ игранія и гуденія, также плясаніе; сопѣли, гусли, пѣсни непріязньски, плясанья, плесканья (=рукоплесканія) собираютъ около себе студные бѣсы», читаемъ въ словѣ о русаліяхъ, тамъ же говорится о бѣсахъ пляшущихъ и скачущихъ, прельщающихъ и побуждающихъ къ тому же народъ, и далѣе: «велика бо радость совершается дьяволу плясанья и плесканья съ свирѣлми» [4]); Памфилъ ратуетъ противъ «неподоб-

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 369.
[2]) Полн. Собр. Русс. Лѣт. I, 6; V, 85.
[3]) Тихонравовъ. Лѣтоп. русс. лит. и древ. IV. III, 92
[4]) Пам. стар. русс. лит. I, 207, 208.
~~~~~~~~~~

ныхъ игръ сотонинскихъ, плясанія и плесканія», противъ «всескверненыхъ пѣсень», поющихся въ Ивановскую ночь; въ «повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ, како игры творили» (по списку XVII в.) говорится о бѣсовскомъ сборищѣ, нелѣпомъ и скверномъ на канунѣ Иванова дня, «эти окоянныя бѣсомъ научены были» [1]; въ «соборномъ приговорѣ (1551 г.)» предписывается священникамъ, чтобы они удалялись отъ «хулныхъ потѣхъ», имѣющихъ мѣсто тамъ, гдѣ находятся «гусли и прегудницы» [2], и очевидно обозначающихъ пляски и пѣсни; «всякое скаредіе творятъ и всякія бѣсовскія дѣла: блудъ, нечестоту, скворнословіе, срамословіе, пѣсни бѣсовскія, плясаніе, скаканіе, гуденіе, трубы, бубны, сопѣли», читаемъ въ Домостроѣ [3]; въ Стоглавѣ, въ памяти митрополита Іоны, въ указѣ патріарха Іоакима (1684 г.) и въ другихъ памятникахъ порицаются «бѣсовскія пѣсни», «сатанинскія пѣсни», въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича (1648 г.) «богомерзкія и скверныя пѣсни»; «скоморохи и плясци... ихъ же отрекоша святіи апостоли», читаемъ въ поученіи митрополита Даніила, повторяющаго далѣе слова св. Ефрема: «егда же діаволъ позоветъ гусльми и плясци и пѣсньми непріязненными, тогда мнози собираются на то» [4]. Въ одной повѣсти XVI вѣка разсказывается о бѣсѣ, явившемся старцу въ видѣ отрока въ скоморошеской одеждѣ и начавшемъ плясать передъ старикомъ [5]. Въ стихѣ о страшномъ судѣ встрѣчаемъ такое обращеніе къ грѣшникамъ: «вы въ гусли свирѣли играли, скакали, плясали—все ради дьявола» [6]. Еще въ 1684 г. патріархъ Іоакимъ, порицая святочныя увеселенія народа, восклицалъ: «плясаніе творятъ на разженіе блудныхъ нечистотъ и прочихъ грѣхопаденій [7].

Особенно преслѣдуется нѣкоторыми поучительными словами пляска женщины: «о злое проклятое плясаніе,

---

[1]) См. у Буслаева. Историческіе очерки русской народной словесности. 1861. II. Стр. 14—15.
[2]) Акты (арх. эксп.). I, № 232.
[3]) Гл. 8, стр. 16.
[4]) Пам. стар. русс. лит. IV, 201, 203.
[5]) Тамъ же: I, 202.
[6]) См. у Аѳанасьева. Поэт. возр. I, 348.
[7]) Ср. выше стр. 87.

говоритъ одинъ проповѣдникъ, о лукавыя жены многовертимое плясаніе! пляшуще бо жена—любодѣйница дьяволя, супруга ада, невѣста сатанина». Даже смотрѣть на пляски—грѣхъ: «не зрите плясанія и иныя бѣсовскихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, да не прельщени будете, зряще и слушающе игоръ всякихъ бѣсовскихъ, таковыя суть нарекутся сатанины любовницы». Въ другомъ памятникѣ (рукоп. XVII в.) читаемъ: «многовертимое плясаніе (женское) отлучаетъ человѣка отъ Бога и во дно адово влечетъ» [1]). Въ повѣсти о танцующей дѣвицѣ (XVII в.) разсказывается, какъ «дѣвка нѣкая», пребывавшая во дни святые «во играхъ, въ веселіи, въ танцѣхъ», похищена была во снѣ «отъ бѣсовъ» [2]).

вв. Переряживанія.

Несторъ къ дьявольскимъ лестямъ причисляетъ и русалія, въ которыхъ мы узнаемъ скоморошескія игры, связанныя съ переряживаніемъ (ср. выше стр. 89 и сл.); русаліями, по словамъ пролога XV вѣка, называются игры, изобрѣтенныя бѣсами въ образѣ человѣческомъ, изъ которыхъ одни играютъ на музыкальныхъ инструментахъ, а другіе надѣваютъ на лица скураты (маски); въ Стоглавѣ подъ «скаредными образованіями» [3]) вѣроятно должно понимать личины; святочная кобылка именуется въ царской грамотѣ 1648 г. бѣсовскою; святочныя же игры наряженныхъ должно понимать неоднократно подъ общими выраженіями: «бѣсовское дѣйство», «бѣсовская игралища и позорища», «сотонинскія игры», встрѣчающимися въ разныхъ старинныхъ памятникахъ; «бѣсовское и кумирское личатъ, косматые и иными бѣсовскими ухищреньми содѣянные образы надѣвающе» говоритъ патріархъ Іоакимъ

---

[1]) См. у Аѳанасьева. Поэт. воззр. I, 345.
[2]) Пам. стар. русс. лит. I, 209.
[3]) Гл. 92.

о святочныхъ ряженныхъ, прибавляя, что они «бѣсовская игралища и позорища содѣваютъ». Наконецъ, распространенное между набожными людьми понятіе, что надѣвать «харю» грѣшно и что единственное средство очиститься отъ грѣха—окунуться въ крещенскую прорубь послѣ водосвятія,—понятіе это исходитъ изъ одного источника съ разъясненіемъ Нантскаго собора, по которому маски суть личины демоновъ [1].

гг. Глумы, медвѣжья комедія и проч.

Скоморохи—игрецы, глумцы и смѣхотворцы—неоднократно называются кощунниками, безчинниками, сквернословцами; представленія ихъ, происходившія на торжищахъ, на распутіяхъ, на улицахъ и поляхъ, а равно и въ домахъ, называются позорами «отъ бѣса замышленнаго дѣла» (Несторъ), «чюдесами бѣсовскими» (Христолюбецъ), «сатанинскими играми», «кощунами» (Іоасафъ) и т. п. Такія же выраженія относятся и до представленій медвѣжьихъ поводчиковъ, и прочихъ потѣшныхъ представленій скоморошескихъ, дававшихся, по выраженію духовныхъ писателей, «напакость слабымъ», «на вредъ простѣйшимъ».

[1]) См. у Снегирева. Русс. прост. праздн. II, 33, 37. Я упоминалъ уже выше (стр. 105) о томъ, что, подобно ряженнымъ, и такъ называемые халдеи должны были омываться крещенской водой: «Сказанные халдеи—пишетъ Олеарій—во все время ихъ потѣхъ и бѣганья по городу, считаются какъ бы язычниками и нечистыми, такъ что если они умрутъ въ это время, то ихъ причисляютъ къ осужденнымъ на вѣчное мученіе. Поэтому въ день Богоявленія (крещеніе), какъ вообще въ великій священный день, надъ ними совершается снова крещеніе, чтобы омыть ихъ отъ такой безбожной нечистоты и сдѣлать ихъ снова причастными церкви христіанской. Послѣ этого новаго крещенія они опять дѣлаются такъ же чисты и святы, какъ и всѣ другіе. Иной такой молодецъ могъ поэтому креститься разъ 10, и даже болѣе». (Подр. опис. путеш. въ Московъ. 315).

в. Скоморохи и ихъ слушатели на томъ свѣтѣ.

Соотвѣтственно всему вышеизложенному, участь скомороховъ въ будущей жизни представлялась въ самыхъ безотрадныхъ краскахъ: «плясцы и свирѣлницы и гусленици и смычницы и смѣхотворцы и глумословцы отъидутъ въ плачь неутѣшный никогда же», говоритъ мнихъ Палладій въ словѣ о второмъ пришествіи; въ изображеніяхъ страшнаго суда, по русскимъ подлинникамъ, плясуны являются повѣшенными за пупъ, а въ духовныхъ стихахъ плясуны и волынщики являются осужденными на повѣшенье надъ каменными плитами и на гвоздье желѣзное, или «изыдутъ—по словамъ стиха—смѣхотворцы и глумословцы въ вѣчный плачъ» [1]. «И скоморохи и ихъ дѣло плясаніе и сопѣли, пѣсни бѣсовскія всегда любя... вси вкупѣ будутъ во адѣ а здѣ прокляти» читаемъ въ Домостроѣ [2]; въ стихѣ о грѣшной душѣ говорится о разныхъ ея проступкахъ, между прочимъ и объ участіи ея въ игрищахъ, за что она осуждается на вѣчныя муки:

> По игрищамъ душа много хаживала,
> Подъ всякіе игры много плясывала,
> Самого сатану воспотѣшивала...
> Провалилася душа въ преисподній адъ,
> Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться [3].

«Не люби игръ, да не обрящешися тамо съ бѣсовскими слугами — восклицаетъ митрополитъ Даніилъ— блюдися убо, и егда здѣ насѣеши терніе смѣхомъ и глумленіемъ, а тамо жнеши слезы и рыданіе» [4]. Стоглавъ, порицая «всякое играніе», прибавляетъ: «рече бо Господь: горе вамъ смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете» [5]. На старинной лубочной картинкѣ изображается истязаніе въ аду грѣшника, съ слѣдующею под-

---

[1]) Веселовскій. Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. п, 197—198.
[2]) Гл. 26, стр. 73.
[3]) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и древ. I, 156.
[4]) Пам. стар. русс. лит. IV, 203.
[5]) Гл. 92.

писью, объясняющею содержаніе картины: «И рече сатана: любилъ еси въ мірѣ различныя потѣхи, игры; приведите же ему трубачей. Бѣси же начаша ему во уши трубить въ трубы огненныя; тогда изъ ушей, изъ очей, изъ ноздрей проиде сквозь пламень огненный...» [1]). На другой народной картинкѣ изображена нагая женщина на драконѣ; въ объяснительномъ текстѣ выписана исповѣдь этой «дѣвицы» отцу ея духовному: «азъ есмь проклятая дщерь твоя духовная, видиши ли оче,... стрѣлы въ ушахъ за слушаніе пѣсней бѣсовскихъ» [2]). Въ упомянутой выше (стр. 163) «повѣсти о дѣвицахъ Смоленскихъ како игры творили», разсказывается, что Господь прислалъ къ нимъ св. Георгія, для увѣщеванія, «чтобы онѣ перестали отъ такого бѣснованья (игръ своихъ въ Иванонскую ночь); но онѣ нелѣпо ему возбраняли съ великимъ срамомъ. Тогда онъ проклялъ ихъ, и всѣ онѣ тотчасъ же окаменѣли и донынѣ на полѣ томъ видимы, стоятъ, какъ люди: въ поученіе намъ грѣшнымъ, чтобы такъ не творили, да не будемъ съ дьяволомъ осуждены въ муку вѣчную» [3]).

г. Презрѣніе къ скоморохамъ.

При такихъ обстоятельствахъ естественно сложились народныя поговорки о скоморохахъ и ихъ ремеслѣ, въ родѣ слѣдующихъ: «Богъ далъ попа, а чортъ—скомороха», «пѣсня и пляска отъ сатаны», «скоморошья потѣха—сатанѣ въ утѣху», «ни Богу свѣча, ни чорту дуда»—и т. п. Въ связи съ такимъ взглядомъ, даже атрибуты скомороховъ, т. е. музыкальныя орудія и «маски», служили посрамленіемъ для держащихъ ихъ.

Разгнѣванный на архіепископа новгородскаго Пимена

---

[1]) Аѳанасьевъ. Поэт. воззр. I, 348.
[2]) Ровинскій. Русс. граверы и ихъ произв. 139.
[3]) Буслаевъ. Ист. оч. русс. нар. слов. II, 14—15.

(въ 1570 г.), царь Іоаннъ Грозный, между прочимъ, подвергнулъ его слѣдующему поруганію: его посадили на бѣлую кобылу, въ худой одеждѣ, съ волынкою и бубномъ въ рукахъ, какъ шута и скомороха, и возили изъ улицы въ улицу [1]). По словамъ Олеарія, царь Іоаннъ грозилъ архіепископу, что опредѣлитъ его въ Москвѣ «въ разрядъ волынщиковъ», чтобы онъ игралъ подъ пляски медвѣдя. Ему связали ноги подъ брюхомъ лошади, на шею повѣсили лиру, цитру (гусли?) и волынку и въ такомъ видѣ заставили ѣздить по Новгороду, приказывая ему играть на волынкѣ, хотя онъ и не умѣлъ этого [2]). Нѣчто сходное повторилось въ Москвѣ 36 лѣтъ спустя. По убіеніи лже-Димитрія (въ 1606 г.), обнаженный трупъ его чернь потащила кругомъ дворца на площадь; здѣсь положили его на столъ, а одинъ изъ бояръ бросилъ ему на животъ маску, на грудь—волынку, а въ ротъ сунулъ дудку и притомъ сказалъ: «долго мы тѣшили тебя, ... теперь самъ насъ позабавь» [3]). Я упоминалъ уже о томъ негодованіи, съ которымъ князь Рѣпнинъ отвергъ предложеніе Іоанна Грознаго, надѣть на лицо свое машкару: «онъ же отверже ю – пишетъ князь Курбскій—и потопталъ и рече: не буди ми се безуміе и безчиніе сотворити, въ совѣтническомъ чину сущу мужу» [4]). Презрѣніе Іоанна Грознаго къ скоморохамъ и близкородственнымъ имъ шутамъ, которыми онъ тѣмъ не менѣе любилъ окружать себя, видно изъ слѣдующаго разсказа: однажды, недовольный какою-то шуткою одного изъ нихъ (князя Осипа Гвоздева), царь сперва вылилъ на него мису горячихъ щей, а потомъ ударилъ его ножемъ: «исцѣли слугу моего добраго», обратился онъ вслѣдъ за тѣмъ къ доктору Арнольфу, но тотъ могъ лишь удостовѣрить смерть Гвоздева. Царь махнулъ рукой, назвалъ мертваго шута псомъ и продолжалъ веселиться [5]). Маскѣвичъ въ своихъ запискахъ (подъ 1611 г.) свидѣтельствуетъ, что русскіе бояре надъ западными танцами смѣются, «считая неприличнымъ плясать честному человѣку... Честный че-

[1]) Карамзинъ. Ист. гос. росс. IX, 89.
[2]) Подр. опис. путеш. въ Московъ. 79.
[3]) Сказ. соврем. о Димитр. Самозв. I, 79; III, 159; IV, 175.
[4]) Сказанія. 81.
[5]) Карамзинъ. Ист. гос. росс. IX, 97.

ловѣкъ—говорятъ они—долженъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и только забавляться кривляніями шута, а не самъ быть шутомъ для забавы другого,—это не годится» [1]). «Они (русскіе бояре) не любятъ пляски (т. е. не любятъ сами плясать) и думаютъ, что она унизительна для ихъ важности», пишетъ англичанинъ Коллинсъ, бывшій врачемъ царя Алексѣя Михайловича [2]). И такъ, занятіе скоморошествомъ, т. е. игрою на музыкальныхъ инструментахъ, пѣніемъ, пляской, глумотворствомъ и смѣхотворствомъ, признавалось ремесломъ безчестнымъ, унизительнымъ.

Въ описаніи Русскаго Государства въ половинѣ XVII вѣка (Юрія Крыжанича) встрѣчаемъ перечисленіе «дурныхъ сословій людей»; тутъ, между прочимъ, поименовываются музыкальные и другіе искусники, представители разныхъ отраслей скоморошества: «игроки, борцы, фокусники, канатные плясуны, бандуристы, и всѣ музыканты, незнающіе музыки военной и художественной [3]). Скоморохи, въ особенности въ XVII столѣтіи, отлучались отъ церкви, подвергались проклятію; отъ нихъ, какъ и отъ волхвовъ, чародѣевъ и т. п. людей, вмѣстѣ со скоморохами проклинавшихся и отлучавшихся отъ церкви, запрещалось даже принимать дары въ церковь: въ одномъ изъ поученій священнослужителямъ, изъ временъ царя Іоанна III, находимъ наставленіе: «приноса не приноси на Божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ еретиковъ, развратниковъ, воровъ... волхвовъ... «игрецовъ» и т. д. [4]); «скоморохи и ихъ дѣло... будутъ... прокляти», по словамъ Домостроя [5]); «да будетъ отлученъ обавникъ, чародѣй, скоморохъ, узольникъ» говорится въ посланіи неизвѣстнаго епископа. Въ статьѣ одного рукописнаго сборника налагается проклятіе на гусли, домры, сопѣли, бубны, скомороховъ и свирѣльниковъ: «сіи вси волсви плотяные бѣсовѣ и слуги антихристовы,

---

[1]) Сказ. совр. о Димитр. Самозв. V, 41—42.
[2]) Чтенія въ Имп. общ. ист. и древ. росс. при Моск. Унив. 1846. III. Нынѣшнее состояніе Россіи. Гл. 6).
[3]) «Русская Бесѣда» 1859 г. Прил. къ № 4.
[4]) См. у Соловьева. Истор. Росс. V, 245.
[5]) См. выше, стр. 166.

и сіе творяще да будутъ прокляти» [1]). Въ памяти митрополита Іоны запрещаются скоморошескія игры, и въ заключеніе говорится, что если игры эти еще будутъ продолжаться и люди будутъ принимать къ себѣ въ дома поименованныхъ потѣшниковъ, то «тѣмъ людемъ и скомрахомъ и медвѣжьимъ поводчикамъ быть отъ него святителя въ великомъ смиреніи и наказаніи безъ пощады и во отлученіи отъ церкви» [2]). Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ русскіе игрецы и смѣхотворцы испытывали сходную, но все-таки далеко не столь горькую участь, какъ современные имъ западные собратья ихъ по ремеслу, шпильманы и жонглёры, еще болѣе униженные, поруганные и опозоренные отвергавшимъ ихъ обществомъ [3])

Мѣсто скомороховъ на княжескихъ пирахъ, по словамъ былинъ, было также не особенно почетное: обыкновенно они помѣщаются «на печкѣ, на запечкѣ». Добрыня, наокрученный скоморохомъ, здоровается съ княземъ Владиміромъ и спрашиваетъ его:

«Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское?»
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
Что ваше мѣсто скоморошское
На той печкѣ на муравленой,

---

[1]) См. у Аѳанасьева. Поэт. возр. I, 344—345.
[2]) Акты (арх. эксп.). IV, № 98.
[3]) Въ Византіи мимъ и мима, потѣшникъ и потѣшница, оживлявшіе народныя игрища, представители народнаго веселья, по словамъ проф. Веселовскаго, противуполагались: первый, какъ язычникъ—полноправнымъ гражданамъ, вторая, какъ непремѣнно блудница,—свободной женщинѣ: «они лишены были права наслѣдства, права быть свидѣтелями на судѣ; скиникамъ не было выхода изъ ихъ званія, приходилось умирать въ немъ, церковь неохотно пріобщала ихъ къ своимъ таинствамъ, отказывала въ предсмертномъ напутствованіи, свѣтская власть призывала ихъ къ участію въ обрядѣ казни, съ цѣлью усилить ея позоръ элементомъ площаднаго глумленія... Какъ въ византійскомъ, такъ и въ германскомъ мірѣ, церковь явилась открытымъ врагомъ шпильмана, званіе котораго причислялось къ крайне грѣховнымъ. Она громила его своею проповѣдью, постановленіями соборовъ, не допускала до причастія и лишь въ исключительныхъ случаяхъ дозволяла ему пріобщиться христовыхъ тайнъ, подъ условіемъ, не заниматься своимъ ремесломъ за двѣ недѣли до причастія и столько же спустя. Опредѣленія свѣтскаго закона не отставали отъ церкви: саксонское зерцало признаетъ шпильмановъ безправными, лишаетъ ихъ права наслѣдства. Швабскій кодексъ, въ случаѣ оскорбленія кѣмъ-нибудь шпильмана, предоставлялъ послѣднему, въ удовлетвореніе свое—ударить тѣнь обидчика. Право города Гаймбурга еще сильнѣе поглумилось надъ обиженнымъ шпильманомъ: кто ударитъ его, не платитъ за то никакой пени на судѣ, ни обиженному, которому можетъ дать еще три удара сверхъ прежнихъ, и т. п. (Розыск. въ обл. русс. дух. стих. VII. п, 134—135, 152—153.—Ср. Reissmann. Illustr. Gesch. der deutsch. Mus. 132—133.)

На муравленой печки на запечки.
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую на печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,
Учелъ по струночкамъ похаживать,
Учелъ онъ голосомъ поваживать [1]).

Въ другомъ пересказѣ Владиміръ уже безъ сердца указываетъ то-же мѣсто Добрынѣ-скомороху. Говоритъ Добрыня:

«Солнышко, князь стольно-кіевскій!
«Нѣтъ ли мѣстечка немножечка
«Малой скоморошинкѣ,
«Поиграть въ гуселышки яровчаты».
Говоритъ какъ солнышко князь стольно-кіевскій:
Ай же ты малый скоморошина!
Всѣ мѣстечки позасяжены:
Есть на печкѣ муравленой
Мѣстечка немножечко.
Тутъ то Добрыня на ножку легохъ-то былъ,
Подскочилъ онъ на печку муравлену [2]).

Въ третьемъ пересказѣ Владиміръ предлагаетъ Добрынѣ-скомороху три мѣстечка: одно противъ стола, другое противъ себя (князя), а третье—«на печкѣ на земляныя». Добрыня же, очевидно избравъ обычное «мѣсто скоморошское», «скочилъ на печку на земляную [3]).

У простыхъ людей скоморохи принимались съ бóльшимъ почетомъ. Терентьева жена обращается къ зазваннымъ ею «веселымъ молодцамъ» съ приглашеніемъ сѣсть на лавочки:

Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы [4]).

Народъ обращается съ ними за панибрата: «веселые», по словамъ пѣсни, отыскивая себѣ ночлегъ, заходятъ къ

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 136.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 44—45.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. II, 30—31.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 1029:
— Только мѣстечка да на печи печи,
— На печи печи, да на печномъ столбѣ.
[3]) Рыбниковъ. Пѣсни. I, 144.
[4]) К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 13.

старой бабѣ: одинъ играетъ, другой пляшетъ, а третій, по видимому, безцеремонно располагается будто бы спать [1]).

Впрочемъ, презрительное отношеніе народа къ отвергнутымъ обществомъ потѣшникамъ-скоморохамъ, кромѣ приведенныхъ выше (стр. 167) нелестныхъ для нихъ народныхъ поговорокъ, выражается, напр. и въ народной картинкѣ (изъ первой половины XVIII в.), изображающей поѣздъ «Масляницы»: масляницѣ на картинкѣ предшествуютъ четыре музыканта (скомороха), играющіе на гудкѣ, дудкѣ, волынкѣ и чеканѣ. Первые два идутъ пѣшкомъ, а послѣдніе изображены верхомъ на свиньяхъ; подъ картинкой подписаны слова: «переднею (=масляницею) скачут на свиньях верхами сразными музыки и гудками» [2]). Всадникъ на свиньѣ во всякомъ случаѣ представляетъ фигуру, способную вызывать лишь презрительный смѣхъ окружающей толпы. Въ XVI столѣтіи скоморохи, какъ мы видѣли выше (стр. 142), ходятъ большими толпами, часто насильно играютъ въ деревняхъ и насильно ѣдятъ и пьютъ, и даже обворовываютъ и грабятъ жителей. Противъ такихъ нахальныхъ нашествій народъ, именно въ XVI столѣтіи, ограждался многочисленными грамотами, запрещавшими скоморохамъ совершать насильственныя посѣщенія. Впрочемъ, въ качествѣ людей, занимавшихся «безчестнымъ» ремесломъ, и надъ скоморохами иногда производились насилія со стороны людей «честныхъ», злоупотреблявшихъ нерасположеніемъ къ скоморохамъ властей, а слѣдовательно и невозможностью находить имъ себѣ защиту. Такъ въ 1633 г. били государю челомъ скоморохи князя И. И. Шуйскаго (Павлушка Зарубинъ, да Вортышка Михайловъ, да Конашка Дементьевъ) и князя Д. М. Пожарскаго (Ѳедька Степановъ, сынъ Чечотка) на приказнаго села Дунилова, Ондрѣя Крюкова, да на его людей, въ томъ что, когда челобитчики пришли въ Дунилово «для своего промыслишку и съ ходьбы къ нему, Ондрѣю, явились», то Ондрѣй ихъ, «сиротъ, зазвалъ къ себѣ на дворъ и, зазвавъ, заперъ въ баню и, заперши, выму-

---

[1]) См. выше стр. 141.

[2]) Ровинскій. Русс. нар. карт. I, 304.

чилъ у нихъ, сиротъ, у Павлушки 7 рублевъ, у Ѳедьки 25 рублевъ, да Артюшкиныхъ денегъ 5 рублевъ...» [1]). Подобные случаи «вымучиванія» у презрѣнныхъ скомороховъ собранныхъ ими денегъ «честными», т. е. не занимавшимися скоморошескимъ промысломъ, людьми — вѣроятно повторялись неоднократно, тѣмъ болѣе, что даже оффиціальными грамотами въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшалось, а иногда и приказывалось, не только выгонять непрошенныхъ гостей-скомороховъ, но даже бить и грабить ихъ; такъ напр. приговорною памятью монастырскаго собора Троицкой лавры (1555 г.) предписывалось «скомороха или волхва... бивъ да ограбивъ да выбити изъ волости вонъ» [2]).

---

[1]) См. у Аѳанасьева. Поэт. воззр. I, 346—347.
[2]) Акты (арх. эксп.). I, № 244.

Глава шестая.

Конецъ скоморохамъ.

Мы разсмотрѣли разностороннюю дѣятельность скомороховъ. «Великая игра», заключавшаяся въ сопровождаемомъ звуками гуслей, пѣніи пѣсень, «про старыя времена и про нынѣшнія», про далекія страны, про подвиги прославленныхъ князей и витязей, — пѣсень содержанія серьезнаго, сказочнаго, иногда и шуточнаго,— «великая игра», главнѣйшимъ представителемъ которой былъ древній «гораздый гудецъ» Кіевскій, вѣщій пѣснотворецъ Боянъ, прославлявшій дѣянія князей и героевъ, процвѣтала въ рукахъ какъ профессіональныхъ гусельниковъ-скомороховъ, такъ и игроковъ - дружинниковъ, при княжескихъ дворахъ. Преемниками этихъ древнихъ пѣвцевъ-гусляровъ, историческія свѣдѣнія о которыхъ послѣ XI вѣка почти вовсе умолкаютъ—исключеніе составляетъ лишь лѣтописное извѣстіе о «словутномъ» пѣвцѣ Митусѣ (XIII в.) — являются въ XVI и XVII вѣкахъ царскіе бахари, домрачеи и гусельники, которые для развлеченія царя, царицы и ихъ приближенныхъ сказываютъ сказки (сказки-былины?), поютъ пѣсни и играютъ на домрахъ и гусляхъ, т. е. исполняютъ то-же, что и древніе гусляры - скоморохи, «иже басни баютъ и въ гусли гудутъ», по выраженію Кирилла Туровскаго (XIII в.). Пѣсни «умильныя», соотвѣтствующія Добрынину пѣнію «по унывьнёму, по умильнёму», въ позднѣйшихъ былинахъ получаютъ названіе пѣсень царскихъ, какъ и чудесныя, плѣнительныя пѣсни райской птички именуются «царскими» (см. стр. 53—54). Въ теченіи XVI и въ особенности XVII вѣка все болѣе и болѣе обнаруживается, какъ уже замѣчено

было мною раньше, иноземное вліяніе на характеръ и составъ царскихъ музыкальныхъ потѣхъ. Появляются при царскомъ дворѣ органы, клавикорды, скрипки, цимбалы, заводятся хоры трубной музыки; наконецъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ открываются театральныя представленія съ оркестровой музыкой. Придворные бахари, домрачеи и гусельники исчезаютъ и только уже позже, въ XVIII столѣтіи, какъ бы въ замѣнъ ихъ, появляются иногда при русскомъ дворѣ малорусскіе бандуристы, воспѣвающіе уже позднѣйшія событія изъ исторіи казачества, т. е. уже изъ временъ христіанскихъ. Древнее-же искусство пѣнія или сказанія старины, центромъ которой продолжаетъ преимущественно служить окруженный богатырями «князь Владиміръ стольно-кіевскій», не исчезло: на далекихъ, глухихъ сѣверныхъ окраинахъ земли русской до сихъ поръ звучитъ эта пѣсня, конечно видоизмѣненная подъ вліяніемъ иныхъ временъ и обстоятельствъ, но несомнѣнно близко роднящаяся съ древнимъ пѣснопѣніемъ гусляровъ-скомороховъ; распѣваютъ, «сказываютъ» ее, но уже безъ сопровожденія гуслей, старики пѣвцы или «сказители» былинъ, изъ устъ которыхъ удалось записать ихъ, спасти отъ совершеннаго забвенія, увѣковѣчить, нѣкоторымъ любителямъ и почитателямъ русской старины [1]). Значительная доля такихъ пѣсенъ дошла до насъ и въ сборникѣ «Древнія русскія стихотворенія К. Данилова», открытомъ въ видѣ рукописи въ срединѣ прошедшаго столѣтія.

Впрочемъ, не при однихъ княжескихъ и царскихъ дворахъ звучала въ старину эта «великая игра», но и въ средѣ частныхъ, преимущественно знатныхъ, богатыхъ лицъ. Мы видѣли выше, что богатый гость Соловей Будиміровичъ самъ играетъ, окруженный своею дружиною (гостями-корабельщиками и цѣловальниками); другой богатый гость, Садко, также играетъ среди своей дружины, своихъ «наемныхъ людей» («цѣловальниковъ и прикащиковъ»): когда выпадаетъ ему злополучный жребій, то онъ,

---

[1]) См. неоднократно цитированные мною выше сборники былинъ Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга.

прежде тѣмъ броситься въ море, обращается къ «своимъ братцамъ», къ «дружинѣ хороброй»:

Подайте гуселки яровчаты
Поиграть-то мнѣ въ остатнее...

На пиру, за «великимъ столомъ» у князя Михаила Васильевича Скопина поется слава хозяину пира, а самую былину о подвигахъ и смерти Скопина поютъ «веселые молодцы», соединяющіе свое повѣствованіе со славленіемъ того «бояріна великаго», того «хозяина ласковаго», у котораго, «сидючи въ бесѣдѣ смиренныя», они «испиваютъ медъ, зелено вино». Ладожскіе музыканты (скоморохи), которыхъ слышалъ Олеарій, пѣли о великомъ царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ за столомъ пріѣзжихъ пословъ. Я упоминалъ выше о томъ, что, какъ у царей Іоанна Грознаго, Василія Шуйскаго, Михаила Ѳеодоровича, были свои сказочники-бахари, преемники древнихъ сказителей старины—скомороховъ, такъ держали бахарей и зажиточные частные люди, даже еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія; разумѣется, бахари-холопы эти представляли собою измельченный типъ прежняго сказителя-гусляра, —дѣло ихъ было: то развлекать, то усыплять своего господина и въ послѣднемъ случаѣ сходствовало, сближалось съ холопскою-же обязанностью чесать господскія пятки на сонъ грядущій, практиковавшеюся во времена крѣпостнаго права. Какъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ состояли пѣвцы и игрецы: домрачеи и гусельники, при Алексѣѣ Михайловичѣ исчезнувшіе, а въ послѣдствіи замѣнившіеся малорусскими бандуристами, такъ и въ богатыхъ частныхъ домахъ, именно въ теченіи XVII столѣтія встрѣчаются гусельники (вспомнимъ «повѣсть о прекрасномъ Девгеніи», «притчу о старомъ мужѣ и молодой дѣвицѣ») и позже, въ XVIII вѣкѣ, — бандуристы. Какъ при царскомъ дворѣ, начиная съ конца XV и въ теченіи XVI, XVII и слѣдующихъ столѣтій, состояли игроки на разныхъ иноземныхъ инструментахъ (органахъ, клавикордахъ, скрипкахъ, цимбалахъ) и, начиная съ XVII вѣка, цѣлые хоры музыкантовъ: трубниковъ, сурначеевъ, накрачеевъ и т. п., такъ и въ частныхъ домахъ, именно въ XVII вѣкѣ заводились подобныя-же потѣхи: вспомнимъ музыку и му-

зыкантовъ боярина Никиты Ивановича Романова, друга нѣмцевъ, устроивавшаго свои музыкальныя потѣхи на нѣмецкій ладъ; вспомнимъ дворовыхъ людей боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, участвовавшихъ, вмѣстѣ съ пріѣзжими нѣмцами, въ первыхъ придворныхъ театральныхъ представленіяхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ; вспомнимъ игру трубниковъ, сурначеевъ, набатчиковъ и пр., игравшихъ на пирахъ въ повѣсти о прекрасномъ Девгеніи, въ притчѣ о старомъ мужѣ и молодой дѣвицѣ, въ былинѣ «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское». Съ конца XVII столѣтія постепенно заводятся разными знатными людьми свои музыканты и оркестры, существовавшіе при дворахъ нѣкоторыхъ вельможъ даже до средины нашего вѣка.

Всѣ только что перечисленныя музыкальныя потѣхи едвали въ состояніи были-бы вызывать серьезные протесты со стороны не только свѣтскихъ, но и духовныхъ властей, кромѣ развѣ порицанія со стороны послѣднихъ, основаннаго на воспринятомъ духовенствомъ изъ Византіи убѣжденіи въ грѣховности занятія музыкой вообще. Дѣйствительно, изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ мы видимъ, что преп. Θеодосій лишь съ нѣкоторымъ намекомъ укоризны отнесся къ играмъ и пѣснямъ, происходившимъ при дворѣ князя Святослава: «Такъ-ли будетъ на томъ свѣтѣ?» Вотъ все, что проговорилъ Θеодосій, заставшій эти игры въ полномъ ихъ разгарѣ. Далѣе мы встрѣтили рядъ предписаній лицамъ духовнаго званія, удаляться отъ трапезъ, гдѣ бываютъ гуденіе или «играніе» на инструментахъ. Но дѣйствительно заслуживало порицанія и запрещенія играніе, сопровождавшее попойки и оргіи, въ особенности раздававшееся въ праздничные дни на улицахъ и площадяхъ, или въ корчмахъ, среди народной толпы; здѣсь оно въ большинствѣ случаевъ вызывало и «проклятое», «многовертимое плясаніе», которое, не удерживаясь въ границахъ благопристойности и приличія, нерѣдко переходило въ циническія, соблазнительныя тѣлодвиженія; играніе вызывало здѣсь и пѣсни плясовыя и разгульныя, легко переходившія въ «сквернословіе» или «срамословіе». Все это опять связывалось съ переряживаніемъ, глумленіемъ, «позорами», также обыкновенно далеко престу-

павшими границы пристойности, связывалось съ разгуломъ толпы, пьянствомъ и безчиніемъ, нарушавшими правильное теченіе жизни, оскорблявшими нравственное чувство. Въ упомянутомъ выше (стр. 92) словѣ «о корчмахъ и о пьянствѣ» изображается играніе, пѣніе и скаканіе кощунниковъ-скомороховъ передъ собравшимися «къ питію пьянственному» мужчинами и женщинами: «сія-же зряще жены — продолжаетъ авторъ слова — и уже сѣдятъ отъ піяньства аки обуморены. Крѣпость бо трезвеная изсяче и будетъ ей желѣніе сатанинскому игранію. Мужу-же ея також ослабѣвшу и бываетъ сѣмо и овамо очима согляданіе и помизаніе. И кійждо мужъ чужей женѣ питіе даетъ съ лобзаніемъ и ту будетъ и рукамъ пріятіе и зложайнымъ речемъ сплѣтеніе и связь діавола...». Вотъ такого-то рода играніе, пѣніе, плясаніе и глумленіе, возбуждавшія и разжигавшія пьяное веселье толпы или вообще пирующихъ, издавна стали вызывать справедливыя порицанія со стороны принадлежавшихъ преимущественно къ духовному чину писателей, видѣвшихъ въ этихъ дѣйствіяхъ остатки «поганства», т. е. язычества, источникъ безнравственности, причину духовнаго паденія и гибели народа, служеніе дьяволу, дьявольскія лести, называвшихъ ихъ бѣсовскими, сатанинскими, богомерзскими играми и пѣснями, бѣсовскими кощунами и т. п. Тѣмъ не менѣе, однако, порицанія духовенства въ теченіи многихъ вѣковъ оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: и народъ и вельможи любили своихъ потѣшниковъ-скомороховъ и продолжали забавляться и утѣшаться ихъ играми. Порицанія духовныхъ лицъ не находили себѣ серьезной поддержки со стороны свѣтскихъ властей до тѣхъ поръ, пока представители этихъ бѣсовскихъ кощуновъ, глумовъ, и игръ—скоморохи—не стали наносить уже существеннаго, матеріальнаго ущерба жителямъ страны, пока они не стали соединяться ватагами и нетолько соблазнять и прельщать толпу своей разгульной игрой, своими нерѣдко безчинными, непристойными «позорами», глумами, пѣснями и плясками, но даже насильно вторгаться во дворы и дома жителей деревень, селъ и городовъ, насильно же пить и ѣсть у дихъ, воровать и грабить. Таковыми рисуетъ ватаги скомороховъ Стоглавъ, таковыми были онѣ вѣроятно уже и

въ XV вѣкѣ, такъ какъ съ этого столѣтія свѣтскія власти начинаютъ ставить преграды ихъ алчности и нахальству, сперва ограждая особыми грамотами, въ видѣ чрезвычайной привиллегіи или льготы, тѣ или другія селенія, ту или другую волость, отъ насильственнаго нашествія скомороховъ, а затѣмъ постепенно принимая уже болѣе широкія мѣры противъ скоморошества вообще. Но и эти грамоты и указы въ общемъ имѣли мало успѣха и широко распространившагося зла не искореняли. Только со временъ царя Михаила Ѳеодоровича власти начинаютъ дѣйствовать противъ скомороховъ съ большею энергіею. Со вступленіемъ-же на царскій престолъ Алексѣя Михайловича, который, подъ наплывомъ благочестія, съ омерзеніемъ относился ко всякаго рода отечественному скоморошеству, даже на собственной своей свадьбѣ отмѣнилъ трубную музыку, замѣстивъ ее пѣніемъ духовныхъ стиховъ,—который, удаливъ отъ своего двора бахарей, домрачеевъ и гусельниковъ, на мѣсто ихъ поселилъ во дворцѣ такъ называемыхъ «верховыхъ нищихъ» [1]), занимавшихъ его пѣніемъ духовныхъ стиховъ, — со вступленіемъ Алексѣя Михайловича на царскій престолъ началось усиленное преслѣдованіе и коренное истребленіе скомороховъ и ихъ игръ, подкрѣпляемое строгими наказаніями ослушниковъ царскаго слова.

Прослѣдимъ главнѣйшія изъ вышеупомянутыхъ запретительныхъ грамотъ и постановленій въ хронологическомъ ихъ порядкѣ. Въ 1470 г. выдана жалованная грамота о томъ, чтобы въ Инобожскихъ селахъ Троицко - Сергіева монастыря княжескіе ѣздоки не ставились,.. «также и скоморохи у нихъ въ тѣхъ селахъ не играли». Въ уставной грамотѣ 1506 г. читаемъ: «а скоморохомъ у нихъ (Артемоновскаго стана крестьянъ) въ волости играти (волостель?) не освобождаетъ». Въ другой уставной грамотѣ отъ 1509 г. предоставляется ловчему и его тіуну не допускать въ Бобровыхъ деревняхъ насильственной игры скомороховъ и безнаказанно выгонять ихъ: «кто ихъ (скомороховъ) пуститъ на дворъ добровольно, и они тутъ играютъ; а учнутъ у нихъ скоморохи по деревнямъ играти силно,

---

[1]) См. у Забѣлина. Дом. бытъ русс. царицъ. 452.

и они ихъ изъ волости вышлютъ вонъ безпенно». Жалованная грамота великаго князя Василія Іоанновича 1522 г. освобождаетъ монастырскія села и деревни въ Углицкомъ уѣздѣ отъ пошлинъ и отъ игры скомороховъ: «скоморохомъ (въ тѣхъ деревняхъ) не играти; а учнутъ у нихъ... скоморохи играти, и язъ тѣхъ велѣлъ имати и давати на поруки, и ставити передъ собою, Великимъ Княземъ». Въ уставной Онежской грамотѣ 1536 г. читаемъ: «а скоморохомъ у нихъ въ волости силно не играти; а кто у нихъ учнетъ въ волости играти силно, а старосты и волостные люди вышлютъ ихъ изъ волости вонъ, а пени имъ въ томъ нѣтъ». Въ уставныхъ и жалованныхъ грамотахъ 1544 г. (Звенигородскаго уѣзда, дворцоваго Андреевскаго села крестьянамъ), 1548 г. (Троицкому Сергіеву монастырю), 1554 г. (дворцовыхъ Аѳанасьевскаго и Васильевскаго села крестьянамъ) повторяются такія-же привиллегіи, ограждавшія данныя селенія отъ насильственной игры скомороховъ. Наконецъ, въ приговорной грамотѣ монастырскаго собора Троицкой Лавры 1555 г. (см. выше стр. 154) уже подъ угрозою пени запрещалось держать въ волости скомороховъ, а равно предписывалось и «прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать» [1]). Повторяю, что во всѣхъ данныхъ случаяхъ лишь отдѣльныя мѣстности ограждались отъ непрошеннаго посѣщенія и игры, словомъ, отъ нашествія ватагъ скомороховъ. Въ постановленіяхъ стоглаваго собора находимъ уже болѣе общія запрещенія, отчасти направленныя противъ оскорбительнаго для религіознаго чувства вторженія скоморошескихъ игръ въ религіозныя дѣйствія, отчасти—противъ гуденія, игранія, глумленія и т. п. вообще: такъ Стоглавомъ предписывалось священникамъ, убѣждать духовныхъ дѣтей своихъ, чтобы они отстраняли скомороховъ отъ свадебныхъ поѣздовъ, гдѣ скоморохи шли рядомъ со священникомъ; также отъ вторженія бѣсовскихъ игръ скоморошескихъ въ обрядъ поминовенія усопшихъ. Вотъ эти постановленія Стоглава: «Къ вѣнчанію ко святымъ церквамъ скоморохомъ и глумцомъ предъ свадбою не ходити и о томъ священникамъ такимъ запрещати съ великимъ запрещеніемъ, чтобы

---

[1]) Акты (арх. эксп.). I, №№ 86, 144, 150, 171, 181, 201, 217, 240, 244.

таковое безчиніе никогдаже не именовалося»[1]). «Скоморохомъ и гудцомъ и всякимъ глумцомъ запрещали (бы пасомые) и возбраняли, чтобы въ тѣ времена коли родителей поминаютъ православныхъ хрестьянъ не смущали и не прельщали тѣми бѣсовскими своим играми.»[2]) Въ другомъ мѣстѣ Стоглава читаемъ: «праздность бо и пьянство и играніе всему злу начало есть и погубленіе веліе; сего ради отрицаютъ вся божественная писанія и священныя правила всякое играніе... и гусли и смыки и сопѣли и всякое гуденіе и глумленіе и позорище и плясаніе»[3]). «Бога ради, Государь, вели ихъ (скомороховъ) извести, кое бы (= чтобы) ихъ не было въ твоемъ царствѣ, и тебѣ, Государю, въ великое спасеніе, аще бѣсовская игра ихъ не будетъ», писалъ Іоанну Грозному митрополитъ Іасафъ[4]). Но царь самъ пилъ и плясалъ въ машкарахъ со скоморохами, самъ посылалъ по городамъ и селамъ набирать медвѣдей и скомороховъ для своей потѣхи, самъ, въ утѣху нѣмецкимъ гостямъ, устраивалъ безстыдныя скоморошьи пляски, а потому и постановленія стоглаваго собора противъ скомороховъ оставались столь-же безуспѣшными, какъ и прежнія порицанія скоморошескихъ игръ, которыми продолжали тѣшиться народъ на улицахъ и площадяхъ, а знатные люди—въ своихъ домахъ и дворахъ.

Въ царствованіе Михаила Θедоровича начинается уже болѣе серьезное преслѣдованіе безчинныхъ игрищъ, заключавшихся въ скоморошескихъ играхъ и позорахъ, медвѣжьей комедіи, кулачныхъ бояхъ, разгулѣ и пьянствѣ. Въ 8-ой дополнительной статьѣ къ судебнику (1626 г.) чи-

---

[1]) Гл. 41, вопр. 16.

[2]) Гл. 41, вопр. 23. — Ср. тамъ-же: вопр. 24, запрещеніе, чтобы въ навечерія Рождества Христова и Крещенія Христова, т. е. на святкахъ, когда происходили позорища скоморошескія, переряживанія и прочія вечернія и ночныя увеселенія, также и «о Ивановѣ дни», мужи, жены и дѣти «на нощное плещеваніе и на безчинный говоръ и на бѣсовскія пѣсни и на плясаніе и на скаканіе и на многая богомерзская дѣла не сходилися и таковыхъ бы древнихъ бѣсованій еллинскихъ не творили и въ конецъ престали».

[3]) Гл. 92.—Слѣдуетъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ имѣются въ виду всякія игры народныя, въ Ивановскую ночь, на рождественскихъ святкахъ, въ Петровское заговеніе,—игры, различныя по своему характеру, такъ какъ онѣ болѣе или менѣе сообразовались съ характеромъ празднествъ, въ старину отправлявшихся, отчасти и нынѣ отправляемыхъ народомъ, согласно древнимъ, еще не умершимъ въ немъ языческимъ преданіямъ. Праздники эти и связанные съ ними народные обряды разсматриваются мною во 2-мъ выпускѣ сочиненія «Бож. древ. Славянъ».

[4]) Стоглавъ. Гл. 100.

таемъ: «Государь Царь и Великій Князь Михайло Θедоровичъ всеа Русіи указалъ: послать бирича кликать въ Китаѣ и въ Бѣломъ Каменномъ городѣ, по торгомъ, и по большимъ улицамъ и по крестцомъ, и по переулкомъ и по малымъ торжкамъ, не по одинъ день, чтобъ впередъ за Старое Ваганково, никакіе люди не сходились на безлѣпицу николи; а будетъ учнутъ ослушаться и учнутъ на безлѣпицу ходить, и Государь указалъ тѣхъ людей имать и за ослушанье бить кнутомъ по торгомъ. И на Новую Четверть о томъ память послана, чтобъ на безлѣпицу, за Ваганково, съ кабацкимъ питьемъ не въѣзжали» [1]). Въ чемъ именно заключалась эта столь строго наказуемая «безлѣпица», ясно не видно, но вѣроятно подразумѣвались здѣсь народныя игрища, воодушевляемыя упоминаемымъ данною статьею «кабацкимъ питьемъ». Подтвержденіемъ такому толкованію въ настоящемъ случаѣ слова «безлѣпица» можетъ служить другая, аналогичная дополнительная къ судебнику статья (32-ая) отъ 1640 г.: «Государь Царь и Великій Князь Михайло Θедоровичъ всеа Русіи указалъ: которые всякіе люди учнутъ биться кулачки въ Китаѣ, и въ Бѣломъ Каменномъ городѣ, и въ Земляномъ городѣ, и тѣхъ людей имать и приводить въ Земской Приказъ, и чинить наказаніе» [2]). Здѣсь «безлѣпица» и кулачный бой преслѣдовались и запрещались царскимъ указомъ уже подъ страхомъ строгаго наказанія. Слѣдующія слова патріарха Филарета какъ бы иллюструютъ только что упомянутую «безлѣпицу»: ратуя противъ святочныхъ переряживаній и игрищъ, патріархъ въ 1628 г. указалъ «кликать биричю по рядомъ, и по улицамъ и по слободамъ и въ сотняхъ, чтобы съ «кабылками» не ходили и на игрища бъ мірскіе люди не сходились, тѣмъ бы смуты православнымъ крестьяномъ не было и коледу бы и овсеня и плуги не кликали» (т. е. не пѣли бы святочныхъ колядокъ и авсеневыхъ пѣсень) [3]). Въ тоже приблизительно время, ополчается противъ «сотонинскихъ игръ», плясокъ и рукоплесканій преемникъ Филарета патріархъ Іоасафъ. Въ памя-

---

[1]) Акты истор. (арх. комм.) III, № 92, VIII, стр. 95.
[2]) Тамъ же: XXXII, стр. 108.
[3]) Тамъ же: X, стр. 96.

ти, писанной по его указу въ 1636 г., патріархъ сѣтуетъ на то, что «вмѣсто радости духовной, воздѣланіе творятъ радости бѣсовской и воспріимши непріязьнственные праздники, еже суть угодное дьяволу творяще и ходяще по воли сердецъ своихъ, ходяще по улицамъ въ народѣ безчинствующе, пьянствующе, наругающеся праздникомъ святымъ Божіимъ, вмѣсто духовнаго торжества и веселія воспріимши игры и кощуны бѣсовскія, повелѣвающе медвѣдчикомъ и скоморохомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сотонинскія игры творити, и въ бубны бити, и въ сурны ревѣти, и руками плескати и плясати и иная неподобная дѣяти». Далѣе патріархъ приказываетъ грамоту эту (въ которой предписывается также хранить благочиніе въ церковной службѣ) «почасту» читать старостамъ поповскимъ и попамъ и наказывать имъ накрѣпко, чтобы они «приходящихъ ко святымъ Божіимъ церквамъ православныхъ христіанъ учили страху Божію и всякому благочинію (т. е., между прочимъ, и воздержанію отъ вышепоименованныхъ игръ и безчинія), неоплошно, съ великимъ утвержденіемъ» [1]. Патріархъ не ограничивался, однако, письменными указами, но прямо велѣлъ уничтожать попадавшіеся на улицахъ музыкальные инструменты, а потомъ и вообще всему народу запретилъ даже держать музыкальныя орудія на дому и какія, вопреки запрещенію, гдѣ либо оказывались, приказывалъ отбирать и жечь. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Олеарій: «Такъ какъ стали злоупотреблять музыкой — пишетъ онъ — распѣвая подъ музыку въ кабакахъ, корчмахъ и вездѣ на улицахъ срамныя пѣсни, то нынѣшній патріархъ, два года тому назадъ, сперва строго воспретилъ существованіе такихъ кабачьихъ музыкантовъ, и инструменты ихъ, какіе попадутся на улицахъ, приказывалъ тутъ же разбивать и уничтожать, а потомъ и вообще запретилъ Русскимъ всякаго рода инструментальную музыку, приказавъ въ домахъ вездѣ отобрать музыкальные инструменты, которые и вывезены были, по такому приказанію, на пяти возахъ за Москву рѣку, и тамъ сожжены. Впрочемъ — прибавляетъ Олеарій — Нѣм-

---

[1]) Акты (арх. эксп.). III, № 264.

цамъ дозволяется употреблять музыку въ ихъ домахъ, равно какъ и другу Нѣмцевъ, великому боярину Никитѣ, которому патріархъ многаго приказывать не осмѣливается, и который имѣетъ у себя позитивъ (Positiv) и всякаго рода другіе музыкальные инструменты[1]. Въ наказѣ (I) монастырскимъ прикащикамъ (XVII в.) предписывалось, подъ угрозою пени, запрещать крестьянамъ играть на музыкальныхъ инструментахъ и держать у себя таковые; прикащики должны были наблюдать, «чтобы они крестьяне... бѣсовскіе игры, въ сопѣли и въ гусли и въ гудки и въ домры и во всякіе игры не играли, и въ домѣхъ у себя не держали... а кто забывъ страхъ Божій и смертный часъ,... учнутъ... играть всякими игры и у себя держать,... править пени по пяти рублевъ на человѣка»[2].

Наконецъ, искренняя и глубокая ненависть къ скоморошеству благочестиваго царя Алексѣя Михайловича нанесла сословію скомороховъ смертельный ударъ. Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, царь сталъ заботиться о поднятіи нравственности своихъ подданныхъ, прибѣгая для этого, еще въ большей степени, чѣмъ это имѣло мѣсто при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, къ крутымъ, насильственнымъ мѣрамъ: строго приказывалось народу посѣщать церковь, говѣть,—списки людей неговѣвшихъ приказывалось присылать въ монастырскій приказъ, и попадавшимъ въ эти списки грозила опала безъ всякой пощады; предписывалось въ воскресенье и въ Господскіе праздники не работать, въ Филипповъ постъ поститься и въ церковь ходить каждый день[3] и т. п.; въ въ тоже время, подъ угрозою строгаго-же наказанія, запрещались всякія суевѣрныя дѣйствія: волхвованіе, чародѣянія, гаданія, а также всякія игры, музыка, пѣсни, пляски, переряживаніе, позоры и связанное съ народными игрищами пьянство. Все это изложено въ царской грамотѣ

---

[1]) Подр. опис. путеш. въ Москов. 344. Предшественникъ Іоасафа, патріархъ Филаретъ, по свидѣтельству Олеарія же, запретилъ и появленіе на улицахъ упомянутыхъ выше (стр. 105), до нѣкоторой степени сближающихся со скоморохами «халдеевъ»: «Такъ какъ эти забавники—пишетъ Олеарій—причиняли уже черезъ чуръ большія неудовольствія, и даже вредъ, своими потѣхами крестьянамъ, вообще простому народу, а иногда и беременнымъ женщинамъ, и такъ какъ отъ потѣшнаго огня ихъ была также не малая опасность, то бывшій патріархъ окончательно запретилъ эту глупую игру и бѣганье по городу въ шутовскомъ нарядѣ». (Тамъ же: 315.)

[2]) Акты юридическіе изд. археографическою коммиссіею. 1838 г. № 334.

[3]) Соловьевъ. Истор. Росс. XIII, 153.

отъ 1648 года. Привожу послѣдовательно главнѣйшія выдержки изъ этого весьма любопытнаго документа, отрывками котораго я уже раньше пользовался въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ настоящей статьи. Данная грамота рисуетъ намъ картину современныхъ Алексѣю Михайловичу народныхъ увеселеній и игрищъ, главными дѣйствующими лицами которыхъ являются скоморохи: «Вѣдомо намъ учинилось—вѣщалъ царь въ своей грамотѣ—что въ Бѣлгородѣ и иныхъ городахъ и въ уѣздахъ мірскіе всякихъ чиновъ люди, и жены ихъ, и дѣти въ воскресные и въ Господскіе дни и великихъ Святыхъ, во время святаго пѣнія къ церквамъ Божіимъ не ходятъ, и умножилось въ людѣхъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумнѣніе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми. И отъ тѣхъ сатанинскихъ учениковъ въ православныхъ крестьянѣхъ учинилось многое неистовство: и многіе люди, забывъ Бога и православную крестьянскую вѣру, тѣмъ прелесникомъ скоморохомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прелщеніе сходятся по вечеромъ и во всенощныхъ позорищахъ на улицахъ и на поляхъ, и богомерзкихъ и скверныхъ пѣсней, и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ, мужесково и женсково полу и до сущихъ младенцовъ... (далѣе слѣдуетъ порицаніе кулачныхъ боевъ, качанія на качеляхъ, перечисленіе разныхъ чародѣйствъ и волхвованій), и медвѣди водятъ и съ собаками пляшутъ, зернью, и карты, и шахмоты, и лодыгами играютъ, и безчинное скаканіе и плесаніе, и поютъ бѣсовскія пѣсни... (слѣдуетъ порицаніе обычая скакать на доскахъ на Святой недѣлѣ, а затѣмъ говорится о святочныхъ увеселеніяхъ:) сходятся мужсково и женсково полу многіе люди въ бѣсовское сонмище, по дьяволской прелести, многое бѣсовское дѣйство играютъ во всякіи бѣсовскія игры; а въ навечери Рождества Христова и Васильева дни, и Богоявленія Господня клички бѣсовскіе кличутъ—Коледу, Таусенъ и Плугу (ср. выше стр. 182 указъ патріарха Филарета)... и сказки сказываютъ небылные, и празнословіе съ смѣхотвореніемъ и кощунаніемъ, и души свои губятъ такими помроченными и беззаконными дѣлами, и накладываютъ на себя личины и платье скоморошское, и межъ себя наредя бѣсовскую кобылку водятъ

(ср. выше указъ патріарха Филарета): и въ такихъ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадаютъ... (Далѣе царь переходитъ къ участію скомороховъ въ свадьбахъ:) Да въ городскихъ же и въ уѣздныхъ людѣхъ у многихъ бываютъ на свадьбахъ всякіе безчинники и сквернословцы и скоморохи со всякими бѣсовскими игры; и уклоняются православные крестьяне къ бѣсовскимъ прелестемъ и ко пьянству, и отцовъ духовныхъ... наказанія не слушаютъ». По изложеніи всѣхъ этихъ безчинствъ и беззаконныхъ дѣлъ, грамота предписываетъ, приказать людямъ, чтобы они отъ пьянства уклонились, «скомороховъ зъ м(д)омрами и съ гусли и съ волынками и со всякими игры... въ домъ къ себѣ не призывали,... и медвѣдей (не водили) и съ сучками не плясали, и никакихъ бѣсовскихъ дивъ не творили,... богомерзкихъ и скверныхъ пѣсней (на свадьбахъ и по ночамъ на улицахъ и поляхъ) не пѣли, и сами не плясали и въ ладоши не били, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали, и кулашныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на качелѣхъ ни на какихъ не качались,... и личинъ на себя никакихъ не накладывали, и кобылокъ бѣсовскихъ (не наряжали), и на свадбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали. А гдѣ объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды, и тыбъ тѣ бѣсовскіе велѣлъ вынимать и, изломавъ тѣ бѣсовскіе игры, велѣлъ жечь. А которые люди отъ того ото всего богомерзкаго дѣла не отстанутъ, и учнутъ впредь такова богомерзкаго дѣла держатся, и по нашему указу тѣмъ людемъ вѣлено дѣлать наказанье: гдѣ такое безчиніе объявится, или кто на кого такое безчиніе скажутъ, и выбъ тѣхъ велѣли бить батоги; а которые люди отъ такова безчинія не отстанутъ, а вымутъ такіе богомерзкіе игры въ другіе, и выбъ тѣхъ ослушниковъ велѣли бить батоги; а которые люди отъ того не отстанутъ, а объявятся въ такой винѣ въ третіе и въ четвертые, и тѣхъ, по нашему указу, велѣно ссылать въ украйные городы за опалу. Одноличнобъ есте нашу грамоту всякихъ чиновъ людемъ велѣли прочесть по многіе дни, чтобъ о богомерзкихъ и о чародѣйныхъ играхъ всякихъ чиновъ людемъ городскимъ и уѣзднымъ были вѣдомы, и съ сей на-

шей грамоты списки слово въ слово разослали въ станы и въ волости, и велѣли тѣ списки по торшкомъ прочитать многижды, чтобъ сей нашъ крѣпкой заказъ вѣдомъ былъ всѣмъ людемъ» [1]). Такимъ почти дословнымъ спискомъ съ этой грамоты представляется извѣстная память Верхотурскаго воеводы Рафа Всеволожскаго прикащику Арбатской слободы [2]).

Въ другой царской грамотѣ, Шуйскому воеводѣ Змѣеву, отъ того-же года, повторяется сходное-же порицаніе святочныхъ игрищъ, несоблюденіе народомъ праздничныхъ дней, брань, пьянство, а далѣе опять упоминается о скоморохахъ—душѣ всякихъ народныхъ увеселеній: «въ воскресные-жъ дни и въ господскіе праздники и богородичные, и въ среду и въ пятки, и посты игрецы бѣсовскіе—скоморохи съ домрами, и съ дудами, и съ медвѣди ходятъ». Указъ этотъ, запрещающій всѣ перечисленныя въ немъ безчинныя дѣйствія, «велѣно въ тѣхъ городѣхъ по улицамъ и по торжкамъ и по крестцамъ, и по переулкамъ, прокликати бирючемъ по многіе дни», чтобы «всякихъ чиновъ люди» нынѣ и впредь поименованныхъ «неистовствъ» не творили. Кто-же будетъ ослушаться, «и тѣмъ людямъ за такія супротивныя христіанскому закону за неистовства, быти отъ насъ въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ» [3]). Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1657 г.), ростовскій митрополитъ Іона счелъ нужнымъ особою «памятью» предписать, «чтобъ отнюдь скомороховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ не было, и въ гусли-бъ и въ домры и въ сурны и въ волынки и во всякія бѣсовскія игры не играли, и пѣсней сатанинскихъ не пѣли и мірскихъ людей не соблажняли; а буде.... поводчики съ медвѣди учнутъ ходити и скомрахи въ гусли и въ домры и въ сурны и въ волынки и во всякія бѣсовскія игры играть, и сатанинскія пѣсни пѣть, и мірскихъ людей соблажнять, или мірскіе люди тѣхъ скомороховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ съ медвѣдьми въ домы своя пускати, а ему, великому святителю про то вѣдомо учинится, и

---

[1]) Ивановъ. Опис. госуд. арх. стар. дѣлъ. 296 и сл.
[2]) Акты истор. (арх. комм.) IV, № 35.
[3]) Сахаровъ. Сказ. русс. нар. Прилож. къ народн. дневнику.

тѣмъ людемъ и скомрахомъ и медвѣжьимъ поводчикамъ быть отъ него святителя въ великомъ смиреніи и наказаніи безъ пощады и во отлученіи отъ церкви» [1]).

И такъ грамоты и указы XVII вѣка, запрещавшіе поименованные выше «безчинства» и «неистовства», по царскому повелѣнію энергически распространялись и неоднократно прочитывались передъ народомъ въ городахъ и селахъ; заключавшіяся въ нихъ запрещенія подкрѣплялись угрозами строгихъ наказаній, которыя и приводились въ исполненіе надъ ослушниками. «Наказаніе безъ пощады», «великая опала и жестокое наказаніе», «битье кнутомъ» и «битье батогами», а главное — ненависть самого юнаго царя Алексѣя Михайловича къ скоморохамъ, конечно небезъизвѣстная властямъ и руководившая дѣйствіями послѣднихъ, все это не могло не оказать сильнаго вліянія на участь преслѣдуемыхъ царскими указами, преимущественно бродячихъ скомороховъ, главныхъ зачинщиковъ «безчинствъ и неистовствъ».

Около средины XVII вѣка прохожіе, бродячіе ватагами (въ качествѣ особаго, рѣзко отличающагося отъ прочихъ, презираемаго всѣми сословія) «*веселые молодцы*» *постепенно сходятъ со сцены, а осѣдлые болѣе или менѣе перерождаются въ музыкантовъ и сценическихъ дѣятелей на новѣйшій западно-европейскій ладъ.*

Скоморохъ съ этого времени становится отжившею свой вѣкъ, историческою личностью, хотя всѣ отрасли его потѣшной дѣятельности продолжаютъ и нынѣ жить и практиковаться въ народѣ:

скоморохъ-пѣвецъ,

древнѣйшій *представитель народной поэзіи* (домрачей, гусельникъ), пѣвецъ миѳическихъ, богатырскихъ и историческихъ пѣсень, уступаетъ мѣсто представителямъ зарождающагося съ конца XVI вѣка русскаго литературнаго стиха; но живая память о немъ и по нынѣ сохра-

---

[1]) Акты (арх. эксп.). IV, № 98.

няется въ народѣ, на сѣверѣ—въ лицѣ сказителя былинъ, а на югѣ—въ образѣ пѣвца кобзаря или бандуриста;

скоморохъ-гудецъ

(гусельникъ, домрачей, волынщикъ, сурначей), *игрокъ для плясокъ*, превратился въ музыканта-инструменталиста (оркестроваго или солиста), мѣняющаго гусли или домры на инструменты современнаго западно-европейскаго оркестра; въ народѣ же преемниками его являются остановившіеся приблизительно на прежней элементарной степени развитія, бродячіе или осѣдлые народные музыканты, частью профессіональные, частью непрофессіональные, изъ среды мѣстнаго населенія: дудари, гудочники, нынѣ уже почти окончательно вытѣсненные скрипачами, балалаечниками, лирниками, игроками на гармоникахъ («итальянкахъ») и др. Я уже замѣтилъ раньше (стр. 19), что у Бѣлоруссовъ простонародный скрипачъ до сихъ поръ именуется «скомороха»;

скоморохъ-плясунъ

превратился въ балетнаго танцора, оставивъ въ свою очередь несомнѣнные слѣды своего искусства въ народныхъ разгульныхъ, разудалыхъ пляскахъ;

скоморохъ-глумословецъ и смѣхотворецъ,

исполнитель «*позоровъ*», превратился въ театральнаго актера; но воспоминаніе о первобытномъ видѣ скоморошескихъ глумовъ и позоровъ уцѣлѣло до сихъ поръ въ формѣ святочныхъ потѣхъ и шутокъ, творимыхъ ряжеными «окрутниками», а равно и въ формѣ потѣшныхъ сценъ и фарсовъ, шутокъ и прибаутокъ, импровизуемыхъ и разыгрываемыхъ балаганными лицедѣями и потѣшниками изъ народа, въ формѣ кукольной комедіи, райка, медвѣжьей комедіи и т. п., въ которыхъ бьетъ ключемъ народный юморъ, не стѣсняющійся при этомъ и въ употребленіи крѣпкихъ словецъ,—представленій, едва-ли во многомъ отличающихся отъ соотвѣтствующихъ «позоровъ» старинныхъ скомороховъ, за исключеніемъ развѣ недопускае-

маго нынѣ въ прежней безпредѣльной мѣрѣ цинизма и безстыдства.

Вспомнимъ, что, начиная съ конца XV и въ теченіи XVI и XVII вѣковъ, при царскомъ дворѣ народные потѣшники: бахари, домрачеи, гусельники постепенно вытѣсняются игроками на органахъ, скрипкахъ, цимбалахъ и прочихъ прибывающихъ изъ Западной Европы инструментахъ, а равно и трубными хорами (въ XVII вѣкѣ); вспомнимъ, что у московскихъ вельможъ еще въ первой половинѣ XVII столѣтія мы встрѣчаемъ дворовыхъ шутовъ-скомороховъ или «веселыхъ» игрецовъ, пѣвцовъ, плясуновъ, а во второй половинѣ того же вѣка, подъ вліяніемъ проникающихъ въ это время въ Россію все болѣе и болѣе многочисленныхъ иноземныхъ музыкальныхъ потѣшниковъ, и даже иноземныхъ музыкально-театральныхъ представленій, эти дворовые «веселые» замѣняются дворовыми же людьми—актерами, танцовщиками и оркестровыми (на современный западно-европейскій ладъ) музыкантами, сначала подвизающимися на музыкальномъ и музыкально-театральномъ поприщѣ вмѣстѣ съ пріѣзжими нѣмецкими артистами и, разумѣется, подчиняющимися вліянію послѣднихъ, но съ теченіемъ времени постепенно пріобрѣтающими нѣкоторую самостоятельность, въ качествѣ представителей зарождающагося русскаго сценическаго и музыкальнаго искусства.

Какъ-бы ни было грубо и элементарно искусство скомороховъ, но не должно упускать изъ виду, что оно представляло единственную, соотвѣтствовавшую вкусамъ народа, въ теченіи многихъ вѣковъ, форму развлеченія и утѣхи, замѣнявшую ему вполнѣ новѣйшую литературу, новѣйшія сценическія зрѣлища. Скоморохи, какъ показано выше, были древнѣйшими въ Россіи представителями народнаго эпоса, народной сцены; они же, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и единственными представителями свѣтской музыки въ Россіи, а потому повторяю, что вся первая многовѣковая эпоха исторіи русской свѣтской музыки до средины XVII вѣка, можетъ быть названа эпохой скомороховъ. О томъ, ка-

ковъ былъ характеръ и стиль музыки скомороховъ, мы можемъ дѣлать одни лишь предположенія, такъ какъ письменныхъ памятниковъ они намъ не оставили, да и оставить не могли: они, конечно, нотныхъ знаковъ не знали и, слѣдовательно, пѣсень своихъ не записывали. Предположительныя заключенія о мелодіяхъ послѣднихъ можно строить по пѣснямъ преемниковъ скомороховъ—сказителей былинъ и бандуристовъ относительно «великой», а также по практикуемымъ еще въ народѣ играмъ (на инструментахъ) и пѣснямъ плясовымъ и разгульнымъ—относительно «веселой» ихъ игры. Къ этому вопросу я возвращусь въ другой статьѣ.

